

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

8(2) 2022

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Социальные процессы и институты: новое время и трансформация
THEME OF THE ISSUE: Social Processes and Institutions: New Time and Transformation

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8, №2. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 8, № 2. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Черныш М. Ф., член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кисиленко А. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Michael Chernysh, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Sociology, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kisilenko, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сусунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тоценко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цветкович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Sociology, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semanova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство	4	Michael F. Chernysh Social networks and inequality	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Гибадуллина М. Р., Кусанова Д. С. Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок Республики Татарстан	16	Milyausha R. Gibadullina, Dinara S. Kusanova New forms of network activism on the ex- ample of muslim women of the Republic of Tatarstan	16
Дашибалова И. Н. Идентификационные общности и интеграционные установки жителей Бурятии	28	Irina N. Dashibalova Identity communities and integration attitudes sitisents of Buryatia	28
Пруцкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента»	39	Elena V. Prutskova, Ivan V. Zabaev, Kirill V. Markin Social capital and religiosity in Russia: Analysis from the “donor” and “recipient” perspective	39
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Ласкар М. Х. Гендерное разнообразие в индийском обществе: различие в идентичности между хиджрой и трансгендером	60	Mahmudul Hasan Laskar Gender Diversity in Indian society: Identity distinction between Hijra and Transgender	60
Николаева А. А., Яковлев Д. Ф. Современные общественные движения как форма взаимодействия государства и общества	73	Alla A. Nikolaeva, Daniil F. Iakovlev Modern social movements as a form of interaction between the state and society	73
Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Рождение детей как фактор регресса социально-экономического положения семьи	84	Svetlana Yu. Sivoplyasova, Evgenia P. Sigareva Birth of Children as a Factor of Regressing of Socio-Economic Status of the Family	84
Ушкин С. Г., Сапон И.В. Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»: кластеризация пользовате- лей и их типологические особенности	97	Sergey G. Ushkin, Irina V. Sapon Online protest communities on VKontakte: clustering of users and typological features	97
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Зимова Н. С. Особенности адаптации учебных мигрантов в условиях пандемии: опыт МГУ им. М. В. Ломоносова	112	Natalya S. Zimova Peculiarities of educational migrants adaptation in pandemic conditions: the Lomonosov Moscow state university experience	112
Сорокина Н. Д. Роль и миссия социологии в современ- ном обществе	131	Nina D. Sorokina The role and mission of sociology in modern society	131

...Редакторская статья

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1

УДК 316.4

Черныш М. Ф.

Социальные сети и неравенство

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия

Аннотация. В современной общественной науке активно исследуется влияние на общество сетевой организации социальной жизни. Сети рассматривались изначально в положительном ключе, как возможность самоорганизации граждан для решения тех задач, которые сложно решать неповоротливым государственным структурам. Однако, по мере того, как сети становились элементом повседневной жизни, очевидными становились непреднамеренные последствия их широкого распространения. Социальные сети, соединившись с новыми технологиями связи, стали источником новых вызовов для современного общества. Эти вызовы заявили о себе в области экономики, где сетевой принцип не оправдал возлагавшихся на него надежд на выравнивание стандартов жизни и норм экономической деятельности в развитых и развивающихся странах. Сетевой принцип, положенный в основу современной экономики, оказался фактором сохранения существующего неравенства, углубил разрыв между элитами, использующими преимущества глобализации, и остальным населением. Социальные сети создали среду, в которой стало возможно возрождение архаичных ценностей и практик и, прежде всего, этноцентричных, замкнутых по отношению к остальному миру представлений. Социальные сети активно используются как частными организациями, так и государства для сбора данных о гражданах в обход существующих законов. Необходимо рассматривать сетевой принцип организации жизни сбалансированно с осознанием всех его последствий для общества и отдельных граждан.

Ключевые слова: социальные сети; информационное общество; информационные работники; цифровое неравенство; социальное оценивание

Благодарность: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00489 «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации».

Информация для цитирования: Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Michael F. Chernysh | Social networks and inequality

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 24/35 Krzhizhanovskogo str., Building 5, Moscow, 117218, Russia

Annotation. Contemporary social science is engaged in the active research of network organization of social life. Networking is originally regarded as a positive phenomenon, as a possibility of citizens' self organization to solve social problems that the unwieldy state structures fail to tackle. However, as networks were becoming an element of daily life, it became evident that their widening presence might have unintended consequences. Social networks adopted new communication technologies and thereby created new challenges for modern societies. These challenges were made obvious in economy where the principle of networking failed to contribute to greater equality in life standards and norms of economic activity in developed and developing countries. Networking underlying modern economies led to growing disparity between the elites, using fully the advantages of globalization, and the rest of the population. Social networks created an environment that became fertile ground for the revival of archaic values and practices, ethnocentrism closed to the rest of the world. Social networks are actively used by both private and state agents to collect data on citizens without violating existing laws. It is necessary to have a balanced view on networks with an awareness of their consequences for society and individuals.

Keywords: social networks, information society, information workers, digital inequality, social evaluation.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project "New social inequalities in the era of digitalization" supported by a grant from the Russian Science Foundation (project №. 21-18-00489).

Information for citation: Chernysh, M. F. (2022), "Social networks and inequality", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Введение (Introduction). *«Сетевой» поворот в общественной науке.* Каждую новую эпоху, перелом в социальных отношениях предваряет новая утопия. Утопия, которая предваряла Новое время, предсказывала грядущую победу науки над мракобесием, просвещения над невежеством, политического равенства над неравенством. Идеалом, содержащим утопические мысли, были, в том числе, теоретические конструкции Огюста Конта, мечтавшего об обществе, в котором наука стала бы новой религией, и одновременно инструментом управления. Собственные утопии рождал и пере-

ход к эпохе сетей, цифровых сетей в частности. Сети рассматривались как выход из «железной клетки» существующих иерархий, как «ризомное» состояние, в котором у гражданина появлялся выбор идентичностей и, соответственно, возможность включаться в объединения не только территориально близких, но и тех, кто находился в разных странах на разных континентах. Визионеры новой эпохи вдохновлялись набирающей силу глобализацией, вовлекавшей в сетевой водоворот всё новые государства, развитием новейших электронных технологий, дающих возможность осуществлять

немыслимое – совершать действие на расстоянии, текучестью социальных миров, выраженной во всё более масштабной миграции и международном туризме. Объединение мира шла «поверх барьеров», границ между государствами, да и сами государства казались в тот момент стареющей, отживающей свое формой социальной организации. «В исторический период, – писал Мануэль Кастельс, – характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди всё чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, чем они являются». (Кастельс, 2000: 27).

Конец прошлого века стал временем расцвета транснациональных корпораций, которые обрели потребителей в тех странах, которые по разным причинам, прежде всего, политическим не могли включиться в полной мере в процесс потребления. Не случайно именно сети становились основной формой проникновения ТНК в страны, куда раньше вход для них был затруднен. Наибольшее распространение получила сетевая торговля, к которой граждане бывших социалистических стран стали быстро привыкать – быстро, эффективно, надежно с точки зрения качества. Брендовые имена торговых корпораций и раньше присутствовали в массовом сознании, но скорее, как миф, как отсылка к развитым потребительским практикам в том мире, которые посетить подавляющему большинству населения в этих странах было невозможно. Но невозможное случилось: то, что мыслилось как область недостижимого устроилось на соседних улицах в форме супермаркетов или торговых центров, предлагающих примерно тот же набор материальных благ, что и аналогичные центры в других, капиталистических странах.

Методология и методы (Methodology and methods). Сетевое проникновение

ТНК приняло зримую форму ещё в одном измерении – производственном. В странах бывшего СССР, включая Россию, то здесь, то там появлялись филиалы западных компаний, включенные в общую глобальную производственную сеть. Стратегия этого проникновения имела целый ряд особенностей, которые отмечены в «теории зависимости», когда филиал западной компании работает исключительно на рынок страны, в которой присутствует (Ghosh, 2019). К примеру, сборочные автомобильные производства ориентировались на внутренние рынки, сводя производственные технологии к минимальной сложности и доступности, получившей справедливое наименование «отверточная сборка». Распределение производств по участкам глобальной сети имело в основании, прежде всего, сложившуюся иерархию между «центром» и «периферией», между производствами, создающими сложные, интеллектуально насыщенные компоненты создаваемого продукта, и производствами, в задачу которых входила финализация почти готового продукта, его окончательная сборка для передачи в систему торговли. Возник парадокс, который у Кастельса характеризуется как шизофренический: с одной стороны, мир всё больше индивидуализируется, а государства ослабевают, а с другой крупные международные корпорации успешно применяют сетевые технологии для сохранения существующего в мире ранжирования выгоды. Мечта о «цивилизующей роли» ТНК, которую заявил в известной книге «Человеческие качества» Аурелио Печчеи, оказалась не менее утопической, чем возвышенные мечты сторонников глобализации (Печчеи, 1980). Печчеи считал, что, придя на иную почву, в отличие от западных регионов транснациональные корпорации принесут с собой и новую культуру, подчеркивающую значение положительных человеческих качеств, - необходимость углублять знания, придерживаться правил порядочного честного поведения, умение пользоваться благами современной цивилизации. Однако, как оказалось, транснациональные корпорации отличались не

столько методами контроля, сколько целями: в отличие от государств, они решали прежде всего, задачи максимизации прибыли и расширения масштабов деятельности. Серьезные различия в уровне заработных плат, которые одна и та же корпорация выплачивала в развитых и развивающихся странах, свидетельствовали о том, что неравенство в том виде, в котором оно сложилось до наступления эпохи глобализации, планировалось сохранять, а новые сетевые технологии не рассматривались как серьезная тому помеха.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Непреднамеренные эффекты распространения сетевых технологий.* И, тем не менее, сетевые торговые и производственные сети имели ряд положительных эффектов, как правило, непреднамеренных. Во-первых, они сделали доступными в развивающихся и транзитных странах предметы потребления, которые ранее считались атрибутом жизни среднего класса в западных обществах. Речь идет, в частности, о бытовых приборах, сети Интернет, мобильной связи, брендовой одежде. Во-вторых, они, хотя и по-разному в разных странах, сформировали новую социальную группу директоров и менеджеров среднего звена, владеющих современными технологиями управления. О том, каков был эффект этого «образовательного» проекта, можно судить по экономике Китая и других стран Юго-Восточной Азии. Многие из директоров, прошедших школу управления в больших международных компаниях, становились руководителями национальных предприятий, превращая их в успешных конкурентов своих бывших работодателей. В-третьих, международные компании вынужденно и без особого рвения, но все же планомерно вводили в новых структурах, входящих в сеть, нормы социальной ответственности, которые до того в национальных компаниях не применялись. Разумеется, разные страны использовали опыт ТНК по-разному. В одних случаях, как например в Китае, государство активно привлекало ТНК, придерживаясь политики открытых дверей, но при

этом содействовало строительству параллельной национальной экономики, способной производить конкурентоспособные товары, осваивать рынки внутри страны и за рубежом. В других, таких, как государства Африки, или странах бывшего СССР, «обучение» происходило в гораздо меньших масштабах, собственные производства не строились, а развитие рассматривалось как все более плотное вращение национальной сырьевой экономики в производственные цепочки развитых стран. Как эти процессы влияли на масштабы неравенства в развивающихся и транзитных странах? С одной стороны, население этих стран получало новые возможности в сфере потребления и образования, с другой, сохранялся, а в некоторых случаях и углублялся разрыв между благополучной стратой общества и остальным населением. Характерно, что в большинстве развивающихся и транзитных стран доля населения, относящаяся к среднему классу по-прежнему невелика – не более четверти. Исключение в общем списке стран, вошедших в производственные и потребительские сети, составил Китай, в котором повышение стандартов жизни ставилась как плановая задача государства, как «политика сяо кан», направленная на создание условий умеренного благополучия для большинства граждан.

Сетевые технологии, о которых идет речь выше, внедрялись не только в экономическую, но и социальную сферу глобализирующихся обществ. Как правило, они напрямую касались верхушки общества, её самой богатой и благополучной группы. Из этих людей формировались социальные сети, которые в свою очередь, через образование или иные практики, взаимодействовали или соприкасались с соответствующими социальными сетями в развитых странах (Kakabadse, 2011). В транзитных странах широко пропагандировалась, особенно в образованной, элитной среде, неолиберальная идеология индивидуального достижения, презрительного отношения к государству и его возможностям, отрицательное отношение к любым формам социального содействия неблагополучным

слоям населения. Любая попытка вести разговор о равенстве и необходимости обеспечить более широкие жизненные возможности для неблагополучных слоев населения сразу брендовалась как возвращение к псевдокоммунистическим, архаичным, левым идеям, которые якобы не оправдали себя в истории. Введение прогрессивного налога на богатых, имеющих высокие доходы, приравнивалось к политике «раздатка», нарушающей якобы инвестиционные программы, которые крупные собственники реализуют во благо страны. И этом притом, что собственники, о которых идёт речь, выводили умноженный в стране капитал в развитые или оффшорные зоны, проживали сами и семьями за рубежом, а в собственную страну наведывались лишь для того, чтобы проверить, как идут дела на всё более архаизирующихся предприятиях.

Гегемонический проект неолиберального капитализма имел в разных странах разный уровень проникновения и охвата. В большинстве европейских стран сохранялось и сохраняется развитое социальное государство, отход от его принципов представляется нецелесообразным, а идеи крайнего неолиберализма отождествляются, как правило, с американской, или если шире, англосаксонской традицией отказа от государственного вмешательства в жизнь общества. Европейские интеллектуалы, рассматривая пункты неолиберальной программы, декларировали нежелание европейских обществ отказываться полностью от социальных достижений прошлой эпохи и принять идею государства как врага общества. Деррида и Хабермас, реагируя на вторжение США в Ирак, опубликовали в главных европейских газетах манифест, в котором заявили о приверженности европейских обществ сложившейся в них традиции строить государство не только как эффективный инструмент социальной политики, но и как источник социальных идей, которые «общество индивидов» не создать, ни реализовать в полной мере не может (Habermas J., Derrida J., 2003). Сказались цивилизационные различия, о ко-

торых подробно писал Эйзенштадт, характеризовавший США как страну, устремленную в себя, рассматривающую себя как образец для остального мира, а европейские общества – как отстроенные вокруг критической идеологии, делающие упор не на достигнутом, а на движении, на диалектике последовательного преодоления социальных проблем (Eisenstadt, 2017: 1-31).

Сетевые технологии, полагал английский социолог Скот Лэш, ставшие впоследствии по преимуществу цифровыми, не только не решают проблему неравенства, но и в некоторых отношениях способны обострить её (Lash and Urry, 1994: 145-165). Первоначально, цифровые технологии рассматривались как способ противодействия социальным ограничениям. И действительно, можно было предположить, что активное внедрение сети Интернет, постепенное подключение к ней все более широких слоев населения, создаст благоприятные условия для личностного развития, культурного обогащения, квалификационного роста. В распоряжении пользователя социальной сети могли оказаться богатейшие интеллектуальные и культурные ресурсы – оцифрованные библиотеки, подписки на книги и журналы, курсы получения новых специальностей, включающих в себя компетенции и навыки, музеи и другие культурные объекты, посещение которых не по карману небогатому гражданину развивающейся или транзитной страны. Лэш полагал, что сеть многократно сокращает время, затрачиваемое на коммуникацию, а также расширение новых знаний, облегчает продвижение и узнавание для тех, кто обладает знаниями, талантами, но находится в отдалении от основных центров культурной и экономической жизни. Вместе с тем, считал он, новый мир сетевых технологий не только открывает широкие возможности, но и создает новые барьеры, которые устранить сложнее, чем те, что существовали в прошлом. Намечается (а сейчас раскрылась полностью) опасность культурных разрывов между теми, кто владеет новыми техно-

логиями, и теми, кто ими не владеет и испытывает психологические трудности в освоении новых инструментов. Вероятно, полагал он, что нахождение в хабах, координирующих работу сетей, станет для одних преимуществом, обеспечивающим им привилегированную занятость, а для других, напротив, препятствием для мобильности. Локализация в тех местах, которые относятся к периферии, скорее всего создаст препятствия на пути получения информации, затруднит её прямое применение в интересах социального продвижения.

Американский социолог Харгиттай предположила, что «цифровые» различия лягут в основу новой социальной структуры, приведут к возникновению новых признаков дифференциации, не менее устойчивых, чем прежние (Hargittai, 2011). В настоящее время, считает она, существуют три типа ограничений на пути использования цифровых технологий, создающих в каждом случае ограничения социального плана. Дело в том, что сетевые цифровые навыки идут всё дальше от состояния «желательных», имеющих альтернативу в иной практической области, к состоянию «совершенно необходимых», без которых получить ту или иную услугу, тот или иной ресурс невозможно. В первую группу ограничений входит граница между владеющими и невладеющими цифровыми технологиями. В самом начале цифровой эры доля тех, кто имел аппаратные возможности подключения к цифровым технологиям (компьютер, мобильный телефон) исчислялась долями процента. В дальнейшем, благодаря снижению цен на цифровую приборную базу, доля тех, кто имел возможность использовать подобные технологии выросла и в настоящее время составляет большинство. Тем не менее, в условиях, когда медианные доходы в развивающихся странах невелики, цифровые технологии оказываются за рамками доступности для значительной части населения. Цифровое

неравенство накладывается на неравенства уже существующие – доходное и территориальное. Наименее благополучные слои населения испытывают существенные ограничения по части использования «цифры» и, соответственно, включенности в цифровые сети разного уровня. В большинстве случаев эта часть населения сосредоточена в отдалении от крупных центров населенных пунктов, где связь менее устойчивая и более медленная, чем в больших городах. В этом смысле можно считать сбывшимся прогноз Скота Лэша: цифровые технологии в каких-то случаях снимают существующие социальные противоречия, а в других случаях делают их более заметными.

Второй тип неравенства по классификации Харгиттай связан с наличием тех или иных компетенций во владении сетевыми технологиями в условиях, когда эти технологии становятся одним из основных способов получения важных социальных услуг. Исследование, которое было проведено Институтом социологии совместно с Фондом поддержки детей в трудной жизненной ситуации в 2014 году, принесло парадоксальные результаты¹. Выяснилось, что наиболее успешно социальными услугами, распространяемыми с помощью сети Интернет, пользуются наиболее благополучные, компетентные граждане, разбирающиеся в том, как использовать то или иное цифровое приложение, как заполнять соответствующие формы, как обосновывать необходимость получения социальной услуги. Что касается наименее благополучных слоев, то в этих социальных группах доля тех, кто не имел достаточных компетенций для того, чтобы воспользоваться социальными преимуществами, оказалось едва ли не большинство. Как это часто бывает, упомянутые различия воспроизводили себя, прежде всего, внутри существующей территориальной структуры с присущим ей неравенством. В числе тех, кто ис-

¹ Качество и доступность социальных услуг как фактор профилактики и преодоления социального не-

благополучия семей с детьми. Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации. Отчёт о результатах исследования. М. 2014.

пытывал наибольшие трудности при получении социальных услуг, оказывались, как правило, граждане, проживающие в отдаленных населенных пунктах с плохой транспортной инфраструктурой. Складывалась парадоксальная ситуация: технологии, которые должны были служить инструментом выравнивания социальных различий, в реальности лишь усугубляли их.

Считалось, что общий доступ к цифровым, сетевым продуктам, – это безусловное благо, что изъятие из системы взаимодействий между государством и гражданином «человеческого фактора» уменьшит масштаб коррупции и сделает систему более демократичной. На деле внедрение цифровых технологий привело к тому, что между государством и получателем услуг возникло вместо одного промежуточного звена другое, не менее проблемное. Речь идет об алгоритмизации и лежащих в основе этого процесса математических формулах, обеспечивающих оценивание ситуации. Цифровые технологии, которые используются в режиме оценивания, будь то оценка научного результата или потребности в социальных услугах, базируется на принципе однозначности суждения, то есть представляет любую ситуацию в форме альтернативы, либо «да», либо «нет». Американский математик Кэти О'Нил выяснила, что, как правило, критерии оценки, рождающиеся экспертной средой, и критерии оценки, которые воспроизводят алгоритмы, существенно между собой различаются (О'Нил, 2017). В пример она приводит эпизод в одной из американских муниципальных школ, когда наиболее низкие оценки эффективности получил один из лучших преподавателей-математиков, пользовавшийся огромным уважением как среди учеников, так и среди родителей. Расследование показало, что причиной такого оценивания и последующего увольнения стали невысокие оценки учащихся по предмету, который он вел, именно оценки учащихся суммировались и становились основой для вынесения приговора. Между тем, низкие оценки учащихся говорили не о том,

что учитель был неэффективен, а, напротив, о том, что он подходил к делу честно и справедливо, что, кстати, нравилось самим учащимся. Другие учителя, зная, что их будут оценивать, завышали оценки учащихся и, как результат, получали высокие рейтинги, сохраняя рабочее место. Таким образом, математический алгоритм утратил объективность и стал соучастником коррупционной схемы.

Математический алгоритм, лежащий в основе оценивания, создается, как правило, на основе формальных, квантифицируемых критериев, в которых качество оцениваемого предмета не учитывается. К тому же, алгоритм – и это хорошо знают водители, получавшие извещение о штрафах за нарушение ПДД – может воспроизводить элементарные ошибки математиков или программистов, которые сложно оспорить за отсутствием субъекта, с которым можно было бы вести содержательный диалог. Объективный на первый взгляд инструмент страдает, как оказалось, от множества недостатков, связанных не столько с отдельными ошибками, сколько с самой его природой, отражающей лишь часть общественной сложности. Положения теоремы Гёделя о неполноте формальных систем, доказывающие нетождественность языка (а, следовательно, и всего того, что в нём выражено) и любой формальной системы получают каждодневное подтверждение во взаимодействиях между цифровыми ресурсами, обладающими сетевыми свойствами, и их потребителями. Последним приходится иметь дело с ресурсом, не имеющим субъектности и не способным к диалоговым отношениям.

Третий тип неравенства по классификации Харгиттаи создает барьер между теми, кто способен креативно манипулировать сетевыми технологиями, и теми, кто пользуются ими пассивно, получая готовый продукт со всеми его недостатками. В «цифровой» реальности конструкторы сетей имеют целый ряд преимуществ. В отличие от многих специалистов, которые в нео-

либеральной экономике, попадают в систему жесткого бюрократического контроля и теряют автономию, которая была присуща им в прошлом, «информационные работники», создающие сети и другое программное обеспечение, имеют более высокие, чем в среднем доходы и гибкий график. Кроме того, взрывное развитие сетевых технологий обеспечивает специалистам соответствующего профиля практически гарантированную занятость, причем не только в собственной стране, но и других странах, где используются и разрабатываются программные продукты. Тенденция такова, что «информационные работники» становятся значимой прослойкой внутри среднего класса в западных и развивающихся странах. Это происходит на фоне ослабления среднего класса в целом – падения его доходов, всё более серьезных ограничений его автономии на рабочем месте, а также уменьшающегося участия специалистов в принятии важных для предприятий стратегических решений. «Информационные работники» наиболее успешно капитализируют те преимущества, которые даёт им современный глобализированный рынок труда. Если креативный цифровой класс не устраивают условия работы или оплаты труда в какой-то одной стране, он без труда перемещается в другую часть земного шара, где жизнь более безопасна и комфортна, а уровень оплаты труда более высокий. Подобная «текучесть» объясняет, кроме всего прочего, и углубляющийся разрыв между развитыми и развивающимися, а также транзитными странами. Развитые страны, даже более активно, чем в прошлом, стимулируют приток квалифицированных кадров, создавая для них преимущества при получении вида на жительство или даже гражданства, предлагая рабочие места с высокой оплатой труда и более комфортную среду обитания.

Сетевые технологии и политика идентичности. Фрэнсис Фукуяма известен, прежде всего, тем, что на рубеже 80-х годов прошлого столетия заявил о конце истории (Фукуяма, 2005). Идея конца истории была

конечно же не новой, её выдвигал ещё Георг Гегель, размышлявший об эволюции абсолютного духа и постепенном снятии субъект-объектных отношений. О возможном конце истории размышлял и Иммануил Кант, увидевший в современном ему обществе признаки движения к «вечному миру». Фукуяма считал, что конец истории наступит в тот момент, когда во всех странах воцарится неолиберальный социальный порядок, а тенденции глобализации окончательно сломают границы государств. Ослабление государств должно было стать той чертой, которая отделяет мир прошлого, со свойственными ему военными противостояниями, от мира будущего, когда идея войн и противостояний потеряет смысл на фоне безусловного первенства США и поддерживаемых ими идей свободы. Новый мировой порядок должен был, по мысли Фукуямы, иметь в основании политику идентичности: вместо прошлых конфликтов правых и левых, бедных и богатых придет политика выравнивания прав на основании признания социальных различий, которые до настоящего момента рассматривались как вторичные (Фукуяма, 2019). Отсюда вытеснение из публичного дискурса привычных для социологии концептов класса, игнорирование современными левыми углубляющегося социального неравенства, и одновременно признания важными, социальными значимыми сексуальных и прочих идентичностей, которые ещё недавно обществом игнорировались.

Политика идентичности имела целый ряд последствий, которые можно отнести к числу непреднамеренных. Первое из них – это возрождение этнических национализмов, которые со времён Второй мировой войны признавались в международном сообществе пагубной аномалией. Лия Гринфельд, теоретик современного национализма, считала, что национализмы могут быть гражданскими или этническими (Гринфельд, 2012). При этом гражданский национализм возникает тогда, когда государство укрепляется, а этнический национализм расцветает тогда, когда государство находится либо в самом начале его исто-

рии, либо в процессе его деградации и разрушения. Гражданский национализм распространился тогда, когда в приоритетную повестку дня современных государств вошла идея модернизации. И действительно, идея современности могла появиться на свет только тогда, когда государства укреплялись в определенных границах и когда всё, что относилось к развитию внутри этих границ принималось массовым сознанием как законная, оправданная деятельность. Суть этнического национализма была в том, что он отказывал существующим границам в легитимности, предлагал их пересмотр путём начертания новых границ, в которых определенный этнос мог реализовать свои надежды на строительство собственного, отдельного государства. Политика идентичности, акцентировавшая права меньшинств, проводимая в период ослабления национальных государств под влиянием глобализации, имела следствием возрождение этнических национализмов и растущие притязания небольших народов, живущих на территории больших стран, на создание собственных государств. Благодаря глобализации и развитию сетевых технологий, этнические солидарности получали почву для возвращения утраченных позиций. В социальных сетях возникали и получали прописку не только социальные меньшинства, стремящиеся к легализации сексуальных меньшинств или прав женщин, но и этнически ориентированные сообщества, выступавшие с программой создания политических организаций соответствующей ориентации. Парадокс заключался в том, что, благодаря социальным сетям, оживление традиционного этнического сознания превращалось в пропаганду архаичных форм жизни, древних культов, эксклюзии по отношению к другим этническим группам и современным формам социальной жизни как таковой. Социальные сети оказались той средой, в которой устанавливались новые границы и новые формы эксклюзии, объявлялись легитимными новые неравенства, конструировались национальные мифы, которые, как правило, не имели подтверждения в исторической науке.

Фукуяма признает, что политика идентичности, которую он считает мегатрендом новой эпохи, была вряд ли бы возможна без сетевых взаимодействий, а сетевые взаимодействия на новом уровне интенсивности были бы вряд возможны без новых сетевых технологий. Было бы неправильно винить технологии в тех тенденциях архаизации, которые пробивают себе дорогу в социальной жизни, но без сетевых технологий вряд ли можно было осуществлять мобилизацию этнических меньшинств, включая те из них, которые находились в диаспорах и проживали рассеянно. Ко всему прочему, социальные сети создавали условия, которые позволяли представителям национальных диаспор поддерживать связи с соплеменниками и до некоторой степени затрудняли их аккультурацию в иной культурной среде.

Ответ государства: новый «Паноптикон». Сетевые технологии и, прежде всего, социальные сети оказались идеальной средой для сбора полной информации о пользователях. Пользователи сами сообщают о себе необходимые данные, и эта информация легко интегрируется с другими видами активности в сети, например, выбором товаров и услуг, а также банковской информацией. Фактически компании, специализирующиеся на манипуляциях поведением или общественным мнением, получают, благодаря сетевым технологиям идеальный инструмент влияния. Сформировав и интегрировав базы данных, они открывают для себя возможность точечной рекламы, выверенного воздействия на потребительское поведение. Каждый, кто пользовался сетью, знает, что она реагирует не только на поведение пользователей, но и на слова, на разговоры, которые пользователь ведёт рядом с микрофоном или мобильным устройством. Сети вооружились программами распознавания речи или её фрагментов, инструментами, позволяющими наблюдать за пользователем даже тогда, когда он об этом не знает, инструментами контроля, управляемыми удаленно. Настоящий скандал разразился тогда, когда английская сетевая компания Кэмбридж Аналитика, собрав полноценную базу данных о

пользователях социальных сетей и создав политический профиль каждого из них, точно воздействовала на американских граждан, мобилизуя их в поддержку одного из кандидатов на президентских выборах². Как только тайны Кэмбридж Аналитика стали достоянием гласности, выяснилось, что компания работала не только в США, но и в Великобритании, осуществляя рекламные мероприятия в пользу Брекзита – выхода Великобритании из ЕС. Специалисты по-разному оценивают возможный эффект от воздействия компании на исход выборов или референдумов. Одни считают, что это воздействие было решающим, о чём якобы свидетельствует исход каждого из голосований – побеждали, прежде всего, те, кто пользовался её услугами. Методы Кэмбридж аналитика могли повлиять на исход выборов, мобилизуя, прежде всего, неопределившихся граждан, нуждающихся в аргументах в пользу того или иного варианта, поступающих из внешнего источника. Другие полагают, что точечное воздействие на граждан на основе вероятностных алгоритмов не могло иметь серьёзного влияния. В конце концов если гражданин испытывает страхи по поводу кризиса в экономике, коррупции в органах власти, это не значит, что он подпадет под влияние кандидата, объявляющего о борьбе с ними. Как бы то ни было, но появление компаний, подобных Кэмбридж Аналитика (а она явно не в одиночестве на постоянно развивающемся рынке) – это свершившийся факт, который должен учитывать любой субъект политической борьбы.

Мимо таких инструментов контроля над поведением граждан не могло пройти государство. Государственные органы давно используют сетевые инструменты в интересах борьбы с противоправными действиями. Известны, к примеру, программы наблюдения, помогающие выявлять криминальное поведение и пресекать его. В России совокупность сетевых программных

средств, работающих в этих целях, именуется системой технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий³. В первом поколении СОПМ служил для того, чтобы собирать информацию об оказанных гражданину услугах связи. В случае необходимости система могла включать прослушивание телефонных разговоров гражданина, однако для того, чтобы делать это, необходимо было получать разрешение суда. Во втором и третьем поколении СОПМ обрел способность объединять разные базы данных, включая прослушивание, визуальное распознавание и отслеживание сообщений в Интернете. С одной стороны, столь широкие возможности электронного слежения позволяют государству более эффективно бороться с противоправными деяниями, с другой, создают ситуацию, когда в распоряжении государства оказываются инструменты, которые позволяют, не нарушая законодательства, вторгаться в частную жизнь граждан, вести за ними постоянное наблюдение. Развитие сетевых информационных технологий таково, что объектом наблюдения могут в скором времени стать не отдельные индивиды и не малые группы потенциальных нарушителей закона, а подавляющее большинство граждан, даже не подозревающих о том, что они находятся в поле зрения компетентных органов. Одним из примеров того, как реализуется себя система тотального наблюдения, выполняющая функции стратифицирования, может служить система социального кредита, отстроенная в Китае (Netkin, 2018). Система настраивается таким образом, что каждый гражданин за каждое значимое деяние во внешней среде получает определенные баллы – за каждое действие, идущее, по мнению властей, на благо общества баллы начисляются, за каждое деяние, совершаемое во вред общества и окружающих, баллы вычитаются. От количества накопленных баллов зависит уровень доверия

² Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach/ URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (дата обращения: 17.03.2018).

³ См. URL: <https://itglobal.com/ru-ru/company/blog/sorm-worldwide-experience/?ysclid=14viyo91am760607164> (дата обращения: 15.03.2022).

гражданину, причем не только в государственных структурах, но и частных организациях. Обладателю высоких баллов представляются широкие возможности получения банковского кредита. Его дети беспрепятственно поступают в любые учебные заведения. Если же баллов не хватает, то ограничиваются возможности не только самого гражданина, но членов его семьи. В ряде случаев данные системы автоматического оценивания оспаривались в суде, назначенные государством ограничения касались не только родителей, но и детей, не имевших отрицательного рейтинга. Таким образом, система наказывала невиновных, заставляла их нести ответственность за нарушения, которых они не совершали. Система СОПМ существует не только в Китае, но и во многих других странах, где она также широко используется как средство наблюдения и влияния. В США и других странах, относимых, как правило, к развитым, работает система накопления данных, характеризующих финансовое поведение граждан, позволяющая осуществлять контроль практически за всеми наиболее важными сторонами жизни. Применение подобных систем – это, с одной стороны, дань необходимости, дополнительная возможность борьбы с криминалитетом, нарушением закона в разных формах, но с другой, доведенная до совершенства система фиксации нарушений становится новым стратифицируемым механизмом, который в каких-то случаях сам может стать способом обхода официальной нормы, заложенной в основные правовых и экономических институтов.

Заключение (Conclusions). Как уже говорилось выше, сетевая организация современной жизни первоначально была в социальных науках поводом для оптимизма. Распространение сетевой организации социальной жизни рассматривалось как новый этап её эволюции – от социальных конфликтов и противоречий прошлого к свободным ассоциациям, способных брать на себя и успешно решать многие из тех социальных проблем, с которыми общество сталкивалось на протяжении многих веков. Сетевая организация противопоставлялась классовым противоречиям, которые, как

считалось, утрачивали свою актуальность. Однако по мере того, как мир социальных сетей становился реальностью, многие из тех надежд, которые с ним связывались, развеивались, освобождая место для понимания его непреднамеренных последствий. Действительно, какие-то из тех проблем, с которыми сталкивается общество социальные сети решают лучше, чем государство или любые другие формы общественной организации. Сети помогают находить потерявшихся детей, собирать волонтеров в тех случаях, когда кто-то нуждается в помощи. Они стимулируют обмен информацией и нередко помогают становлению новых социальных институтов. Однако распространение социальных сетей может иметь и отрицательные стороны, выраженные в более высокой проницаемости частной жизни и, следовательно, более эффективном манипуляции ею. Раннее погружение в социальные сети способно отрицательно влиять на подростковое и молодежное сознание, фокусируя личные интересы на завоевании преходящей популярности в ущерб долговременным жизненным целям. Сети – это не только «приводной ремень» гражданских интересов, но и тот инструмент, которым пользуются разного рода криминальные, деструктивные сообщества. Романтический период изучения социальных сетей подходит к концу, уступая место более трезвому, сдержанному и сбалансированному взгляду на их роль в социальной жизни. Сетевое общество остается в исследовательской программе современной общественной науки, но его статус локализуется, а феномены, порождаемые им, обретают более четкие очертания. Исследуя социальные сети, важно сохранять в поле зрения не только те преимущества, которые они дают, но и вызовы, которые они ставят перед современным обществом.

Список литературы

- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

О'Нил К. Убийственно большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М., Издательство АСТ. 2017. 340 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 313 с.

Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 198 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 259 с.

Eisenstadt S. Multiple Modernities. Ed. by S. Eisenstadt. L. Routledge. 2017. 31 p.

Ghosh B. N. Dependency Theory Revisited. L. Taylor and Francis. 2019. 190 p.

Habermas J., Derrida J. After the War: The Rebirth of Europe // Frankfurter Allgemeine Zeitung. May 31.2003. URL: <http://www.brettmrston.com/blog/2003/06/habermas-and-derrida-in-english.html> (дата обращения 15.03.2018).

Hargittai E. The Digital Reproduction of Inequality // The Inequality Reader. L. Routledge. 2011. P. 936-944.

Kakabadse A. Global Elites. The Opaque Nature of Transnational Policy Determination. L. Palgrave Macmillan. 2011.

Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. L. Sage. 1994.

Netkin R. The Chinese Social-Credit System Experience. N.Y.A National Reputation System in the Making. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2018.

References

Greenfeld, L. (2012), *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five paths to modernity], PER SE, Moscow, Russia.

Castells, M. (2000), *Informacionnaya epoha. Ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age. Economy, society, culture], STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Moscow, Russia.

O'Neil, K. (2017), *Ubijstvenno bol'shie dannye. Kak matematika prevratilas' v oruzhie massovogo porazheniya* [Killer Big Data. How mathematics became a weapon of mass destruction], AST Publishers, Moscow, Russia.

Peccei, A. (1980), *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities], Progress, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2019), *Identichnost'. Stremenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. The Pursuit of Recognition and the Politics of Rejection], Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Fukuyama, F. (2005), *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man], AST, Moscow, Russia.

Eisenstadt, S. (2017), *Multiple Modernities*. Ed. by S. Eisenstadt. L. Routledge, 31.

Ghosh, B. N. (2019), *Dependency Theory Revisited*, L. Taylor and Francis, 190.

Habermas, J., Derrida, J. (2003) "After the War: The Rebirth of Europe", *Frankfurter Allgemeine Zeitung* [Online], available at: <http://www.brettmrston.com/blog/2003/06/habermas-and-derrida-in-english.html> (Accessed 15 Marth 2018).

Hargittai, E. (2011), "The Digital Reproduction of Inequality", *The Inequality Reader*, 936-944, L. Routledge.

Kakabadse, A. (2011), *Global Elites. The Opaque Nature of Transnational Policy Determination*, L. Palgrave Macmillan.

Lash, S., Urry, J. (1994), *Economies of Signs and Space*, L. Sage.

Netkin, R. (2018), *The Chinese Social-Credit System Experience, N.Y.A, National Reputation System in the Making*, CreateSpace Independent Publishing Platform.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Поступила после доработки 25 июня 2022 г.

Принята к печати 26 июня 2022 г.

Received 20 June 2022. Revised 25 June 2022.

Accepted 26 June 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Черныш Михаил Федорович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Michael F. Chernysh, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Sociology, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Исследовательская статья

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Гибадуллина М. Р.
Кусанова Д. С.

Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок
Республики Татарстан

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
улица Левобулачная, дом 36а, Казань, 420111, Россия
g.milya@mail.ru
dinaradinaria@mail.ru

Аннотация. Развитие современных технологий оказывает влияние на формирование новых отношений в обществе. Возможности социальных сетей и блогинга способствовали переходу от прежних видов общественного взаимодействия к новым сетевым формам. Исследовательская проблема заключается в постоянной изменчивости феномена активизма. Так, на примере женского мусульманского активизма в Республике Татарстан, предпринята попытка осмысления данного феномена в рамках реляционной сетевой теории. Проведено 6 нарративных интервью с мусульманками-блогерами, которые ведут активную социальную и публичную деятельность в Республике Татарстан. Информанты являются представителями таких сфер как благопристойная мода, детский и подростковый досуг, спорт, работа с мусульманской молодежью. По результатам исследования мы пришли к следующим выводам. Первоначальное неформальное общение мусульманок-блогеров привело к консолидации субъектов блогерского сообщества и формированию сети мусульманок-активисток региона. Данная сеть позволяет наращивать социальный капитал внутри мусульманского сообщества, благодаря масштабированию и объединению общей деятельности. В дальнейшем неформальные объединения регистрируются как юридические организации для расширения возможностей. Женский мусульманский активизм оказывает влияние на трансформацию образа современной мусульманки, которая демонстрирует успехи и в бизнесе, и в семейных отношениях. Особенностью мусульманского женского активизма является ведение деятельности в рамках религиозных предписаний и развитие уммы в реалиях современного общества. Например, проекты мусульманок-активисток направлены на поддержку молодых девушек, которые только вступили на путь религии и могут сталкиваться с неприятием или буллингом в своем окружении.
Ключевые слова: сети; сетевая теория; мусульманки; активизм; женский религиозный активизм

Информация для цитирования: Гибадуллина М. Р., Кусанова Д. С. Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок Республики Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 16-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Milyausha R. Gibadullina
Dinara S. Kusanova

New forms of network activism on the example
of muslim women of the Republic of Tatarstan

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
bld.36a, Levobulachnaya St., Kazan, 420111, Russia
g.milya@mail.ru
dinaradinaria@mail.ru

Abstract. Development of modern technologies influences the formation of new relations in society. Possibilities of social networks and blogging contributed to the transition from former types of social interaction to new forms of networking. The research problem consists in constant changeability of activism phenomena. Thus, there was an attempt to comprehend this phenomenon within the frameworks of relational network theory on the example of women's Muslim activism in the Republic of Tatarstan. During the research 6 narrative interview were conducted with Muslim women bloggers who have active social and public life in the Republic of Tatarstan. These informants are representatives of such spheres as modest fashion, kids' and teenagers' leisure-time, sport, work with Muslim youth. According to the results of the research, we came to the following conclusions. Initial informal communication of Muslim women bloggers led to consolidation of subjects of the blogging community and formation of the Muslim activists' network of the region. This network allows expanding social capital within Muslim society due to ranging and integration of collaborative activity. Hereinafter informal associations usually are registered as legal organizations for extension of possibilities. Women's Muslim activism exerts an impact on image transformation of the modern Muslim woman who demonstrate success both in business and in family relationships. The peculiarity of Muslim women's activism is the conduct of activities within the framework of devotional duties and development of the Ummah in the realities of contemporary society. For example, the projects of Muslim woman activists are directed on supporting young girls who have just entered the path of religion and may face rejection or bullying in their environment.

Keywords: networks; network theory; Muslim women; activism, women's religious activism

Information for citation: Gibadullina, M. R., Kusanova, D. S. (2022), "New forms of network activism on the example of muslim women of the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 16-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Введение (Introduction). С начала 2000-ых гг., когда Верховный суд Российской Федерации разрешил мусульманкам фотографироваться на паспорт в платке, начинается новый этап взаимоотношений ислама и государства. Инициаторами су-

дебного иска стали мусульманки – Гельфания Ахметшина, Гульнура Нурева, Минниса Муксинова, данный инцидент широко освещался в СМИ¹. Современные методы коммуникаций, возможности Интернета позволяют привлекать широкую обще-

¹ Алексеева О., Идиатуллин Ш. Российские мусульманки не снимут платков перед фотографами // Газета «Коммерсантъ», 15 мая 2003 года. URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/382102> (дата обращения: 11.10.2021).

ственность к обсуждениям различных религиозных вопросов. Это не могло не повлиять на трансформации религиозных установок в связи с новыми реалиями общества. С вполне мирного вопроса о фотографии в паспорте прошло почти 15 лет, и в информационной повестке дня последних годов актуализировалась более сложная тема женского обрезания. После отчетов общественной организации «Правовая инициатива», ранее табуированная тема о практике, свойственной закрытому Кавказу, вышла в широкое информационное поле (Antonova, Siradzhudipova, 2016; Антонова, Сиражудинова, 2018). Тема поднимается в публицистике, в научных работах, в выступлениях чиновников, религиозных деятелей². Еще один пример более масштабного конфликта, который касается широких слоев населения практически каждый день – вопрос ношения платков (хиджабов) в образовательных учреждениях³.

Мусульманки принимают активное участие в обсуждение острых социальных и религиозных вопросов, публично высказывают свое мнение, обращаются не только к религиозным, но и светским институтам, привлекая широкую общественность. Такую возможность дали современные технологии, формирующие открытость и гласность. Сейчас уже сложнее скрыть калечащие традиции, насилие, несправедливость. Конечно, абсолютной безопасности и открытости не существует, но мы не можем отрицать, что происходят существенные изменения в механизмах формирования новой информационной повестки. Заметную роль в данном процессе играют блогеры, ведущие личные страницы в социальных сетях, не практикующих жесткое цензурирование. В большинстве

своем площадкой для ведения аккаунта становится социальная сеть Instagram⁴, являющаяся самой популярной среди пользователей (1 млрд скачиваний). Развитие личного блогинга позволяет формировать новые сети различных профессионалов, общественников или религиозных людей. Объединяясь, лидеры мнений становятся авторитетами для некоторого числа обывателей, к их суждениям прислушиваются и им доверяют.

Методология и методы (Methodology and methods). «Женский вопрос» в исламе – сложный социальный и культурный феномен, который обсуждается и остается спорным среди современных исследователей, и в религиозном сообществе, в частности. Кроме определения самой концептуальной сущности феномена, сложность изучения обуславливается и неоднородностью самого явления в зависимости от временных и пространственных границ. Как правило, исследования проводят в контексте развития определенных государств и исторических эпох. Например, изучаются феминизм Арабского Востока, Северной Африки (Костенко, Понарин, Стребкова, 2019; Glas, Alexander, 2020; Glas, Spierings, Scheepers, 2018), роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран, на примере Туниса, Ливана и Турции (Гаджимурадова, Рабат, 2020), женская активность на Северном Кавказе (Сиражудинова, 2021a, 2021b), мусульманки Нидерландов (Bracke, 2011), организация и СМИ-стратегии мусульманских активисток Индии (Mengia Hong Tschalaer, 2015) и т.д. Зарубежные авторы рассматривают способы, с помощью которых мусульманские женщины стремятся использовать СМИ и Интер-

² Бельченко Н. Женское обрезание – норма? Ингушские следователи не увидели проблему в калечащих операциях // Кавказ. Реалии, 20 июня 2020 года. URL: <https://www.kavkazr.com/a/30737407.html> (дата обращения: 11.10.2021); Муфтият Дагестана объяснил, что такое женское обрезание // Риа новости, 15 марта 2021 года. URL: <https://ria.ru/20200818/1575935879.html> (дата обращения: 11.10.2021).

³ «Либо снимай, либо уходи!» Российские школы столкнулись с новой проблемой // Риа новости, 20

сентября 2021 года. URL: <https://ria.ru/20210920/shkoly-1750599691.html> (дата обращения: 11.10.2021); Кадыров резко отреагировал на слова министра Васильевой о хиджабах в школах // BBC news русская служба, 25 января 2017 года. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38749399> (дата обращения: 11.10.2021).

⁴ Meta, в том числе ее продукт Instagram, признана экстремистской организацией в России

нет (особенно социальные сети) для обсуждения вопросов безопасности, прав и свобод, в том числе и феномен онлайн домогательств (Hirji, 2021), анализируют роль гендерных дискурсов в «войне с террором» (Massoumi, 2015).

Что касается «женского вопроса» в исторической ретроспективе, то в периодической печати татар-мусульман часто освещались правовое положение женщины как в обществе в целом, так и среди мусульман (Брилева, 2018). Зарождаясь в литературных произведениях, где женские образы стремятся к лидерству, образованности и самостоятельности, осмысление места и роли женщин в обществе, в том числе и религиозном, переходит в публицистику, например, в работах И. Гаспринского, Р. Фахретдина, З. Камали, З. Кадыри и других. Так, М. Бигиев в нескольких своих трудах изучил ряд аспектов женского вопроса, выступив против общепринятых на тот момент стереотипов о несовершенности и неполноценности женщины (Хайрутдинов, 1999: 119-137). Размышления ученого о том, что несчастная и униженная женщина является свидетельством униженности и бессилия всего общества, находили горячий отклик не только в России.

Сегодня активно продолжается осмысление трансформации женского вопроса у татар и на территории Республики Татарстан (Саттарова, 2015; Гараев, 2019; Гузельбаева, Мчедлова, 2020). Исследуются различные аспекты религиозности и религиозной жизни в ракурсе гендерной принадлежности. Л.Ш. Давлетшина в своей статье рассматривает мусульманок, занимавшихся благотворительностью в сфере образования, как, например, Амина ханум Сыртланова, Суфия Джантурина – основатели медресе «Галия» в Уфе, Фатиха Аитова – основательница первой татарской женской гимназии в Казани (Давлетшина, 2009). В работе Д.А. Гусеновой анализируются особенности «женских практик» в неканоническом паломничестве через статусно-ролевые позиции женщин в обществе и «особенностей её психоэмоциональной природы» (Гусенова,

2021:80). Исследуется деятельность отдельных мусульманок-феминисток, активно выступающих за права женщин, причем отмечается не уникальность деятельности современных активисток, а громкая медийная презентация их проектов благодаря современным технологиям (Михалева, 2018).

Особенностью любых форм активизма является высокая скорость трансформации и формирование новых направлений и видов деятельности. В ходе нашего исследования предпринята попытка анализа сети женского религиозного активизма Республики Татарстан в рамках реляционной сетевой теории.

Ряд исследователей, анализируя генезис и эволюцию общего блока «сетевых теорий», работают над разграничением различных ее направлений (Князева, Куркина, 2017; Заякина, 2016; Мальцева, 2018). Несмотря на то, что определяются различные исследовательские подходы (анализ социальных сетей, реляционная социология и акторно-сетевая теория), абсолютной автономности в их применении не существует, и «направления соединяют весьма прочные теоретико-методологические мосты» (Заякина, 2016). Основной принцип сетевых теорий – это изучение связей и отношений между отдельными субъектами, возникающих социальных структур и их влияния на социальное поведение субъектов. Развитие женского мусульманского активизма в регионе формирует новую социальную структуру, в которой исламская идентичность трансформируется, адаптируется под современные реалии (в том числе, с помощью новых коммуникационных каналов). Позиции акторов в сети, с одной стороны, являются детерминантой социального поведения, а с другой стороны, представляю собой социальный капитал, позволяющий реализовывать свои устремления (Князева, 2006). Современные формы активизма в целом тесно связываются с возможностями цифровых коммуникационных каналов (Пырма, 2021). Под религиозным активизмом понимается целенаправленная деятельность по изменению мировоззрения в обществе или отдельных социальных группах на основе религиозных

норм и ценностей, осуществляемая в различных сферах жизни и ориентированная на воссоздание актуальных социокультурных условий (Патеев, 2021). Таким образом, женский мусульманский активизм подразумевает различные формы поведенческих практик мусульманок в публичном пространстве, обусловленных и мотивированных религиозными ценностями, реализуемых посредством и с помощью цифровых технологий. И нами не отождествляется с исламским феминизмом, не несет в себе протестный и радикальный характер.

Нами была выбрана популярная социальная сеть Instagram, так как ее успешные пользователи становятся лидерами мнений и участвуют в формировании повестки дня. Изначально мы подготовили список из 15 блогеров, соответствующих следующим критериям: 1) практикующая мусульманка, в том числе поднимающая в своем блоге религиозные темы; 2) проживающая и ведущая свою деятельность на территории Республики Татарстан; 3) от 20 до 40 лет; 4) количество подписчиков от 20 000 до 140 000; 5) наличие презентуемого «продукта», в виде услуг и товаров. Мы обратились к ним через социальные сети, на контакт с нами вышли две мусульманки. Большая часть проигнорировала сообщение, несколько человек отказали. В дальнейшем информанты набирались методом снежного кома. Проведено 6 нарративных интервью с мусульманками-блогерами, которые ведут активную социальную и публичную деятельность в Республике Татарстан. Информанты являются авторами личных брендов, учредителями организаций и предприятий различных форм собственности. Участники исследования представляют такие сферы как: благопристойная мода, детский и подростковый досуг, спорт, работа с мусульманской молодежью.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Следуя логике реляционной сетевой теории, необходимо раскрыть понятие «сеть». Под сетью принято считать совокупность взаимодействующих людей, характеризующаяся

рядом базовых принципов – децентрализованность и связность (Олескин, 2013). В контексте анализа социальных сетей децентрализованность представляет собой существование нескольких лидеров, относительное равенство статусов, положения, ранга. Под связностью понимается взаимозависимость и тесная кооперация составляющих элементов.

Таким образом, это децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким коммуникационным узлом является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию, а также быть субъектом свободного волеизъявления и действия. Сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции (Коробейникова, 2010).

Остановимся на религиозно-философском контексте женского мусульманского активизма. Основные права и обязанности женщин заложены в исламских первоисточниках: Коране и Сунне. В них раскрываются следующие аспекты: духовное равенство мужчин и женщин, условия брака, деторождение, бытовые обязанности, процедура развода, многоженство, экономическое положение женщины, наследственные права. В регионах компактного проживания мусульман наблюдается расхождение адата (традиция, обычай) с шариатом (исламская правовая система), который возник задолго до принятия ислама в определенной местности. Наиболее яркий пример существования адата – кавказский регион, где и сегодня наблюдается данное расхождение (Вента, 2012).

Говоря же о Поволжье начала XX в., исследователи отмечают такие формы женских практик, как домашние индивидуаль-

ные беседы, которые вели жены мулл (абыстаи), коллективные моления, специальные женские молитвенные собрания для наставления молодежи (Балтанова, 2007). На Кавказе, несмотря на низкий уровень эмансипации у женщин, собирались в домах и обучали девочек религии, а по четвергам поминали Аллаха, таким образом, исполняя суфийскую практику зикра (Албогачиева, 2018).

Во всех исламских источниках главная роль женщины и ее место в структуре общества обозначены достаточно четко – религиозное поклонение, замужество, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства. Всё это является обязанностью (фарз). Однако женщина в исламе, помимо основных предписаний, имеет право на реализацию своих профессиональных навыков, при соблюдении некоторых условий: разрешение супруга, соответствие выполняемой работы нормам исламской морали и этики, не противоречие осуществляемой деятельности понятиям дозволенной (халяль) работы, например, запрещено работать в той сфере, где применяется рибха (процент), продаются запрещенные товары (свинина, алкоголь), участвуют в азартных играх (Фролова, 2009: 4). Таким образом, религиозное положение женщин в исламе сводится к основным тезисам: 1) мужчины и женщины в исламе имеют равные права, но учитываются их биологические и психологические особенности, 2) обязанности жены-матери строго регламентированы, 3) профессиональная реализация женщины не запрещена, при условии, что семья не пострадает от отсутствия внимания и заботы матери-жены.

Мусульманки не борются за права с мужчинами, а выступают за большую реализацию прав, данных им религией (из интервью: «В исламе четко прописаны права женщин и мужчин. Начнём с того, что феминизм борется за права, но это немножко странно, потому что нам изначально выделили права, права у женщины есть и достаточно комфортные. Мы не можем сказать, что они у всех равны не потому что у кого-

то больше и меньше, а просто они разные» (интервью 6, Ф.Ш.).

Для информантов семья – основная площадка самореализации, но профессиональная деятельность им интересна и позволяет чувствовать себя уверенно, подавать положительный пример для детей и быть интересными для супруга (из интервью: «Одно дело сидеть дома женщине, воспитывать детей и готовить ужин, ухаживать за семьей, а другое, когда она выходит в свет, общается с себе подобными женщинами и получает огромную, колоссальную энергию для жизни – это очень важно. Хотя, по шариату, мы прекрасно понимаем, что женщина должна сидеть дома, воспитывать детей, но для того, чтобы женщина воспитала разносторонне развитых детей, чтобы она была интересна своему мужу, она должна сама лично развиваться, расти, для этого она должна выйти за рамки своей квартиры, своего дома и посещать такого рода мероприятия и самое главное это наше намерения» (интервью 1, А.Б.); «Для меня, в первую очередь, важна не общественная деятельность, а семья. В первую очередь это дети, довольство своей семьей, благочестивые дети» (интервью 3, Л.Г.). Сохранение баланса между работой и семьей важно, поэтому мусульманки прикладывают много усилий для нахождения компромисса, активно ищут инструменты эффективного тайм-менеджмента и договариваются с членами своей семьи (из интервью: «Вообще, раньше было очень тяжело. И были нянечки. Детки всегда со мной на проектах и на праздниках. Раньше я не знала тему делегирования, сейчас я ее освоила, если у нас есть какой-то праздник, то я одного волонтера беру для моих детей», (интервью 3, Л.Г.); «Относиться лояльно, когда было много административной работы и было мало времени, тогда у нас были небольшие трения на этот счет, тем более там погодки рождались, было немного тяжело. Мы коммуницировали, договаривались, я говорила, что для меня это важно. Он поддерживает меня, не скажу, что он горит

этим так же, как и я, но поддерживает» (интервью 3, Л.Г.).

Отметим, что предпринимательская деятельность мусульманок-активисток не столько направлена на финансовое обогащение, сколько тесно связана с решением социальных задач для благополучия уммы. Иногда свой сложный опыт вдохновляет на авторские проекты, направленные на поддержку других (из интервью: *«Я помню, как я покрывалась в 15 лет, тогда даже индустрия не была развита. Это было очень сложно и сейчас я стараюсь сделать все, чтобы мои проекты помогли девушкам найти себя, свой стиль, друзей, круг общения. Для тех, кто только покрывался, обычно эти девушки чувствуют себя уязвимо. Для тех, кто собирается покрываться, но не может решиться, потому что думает, что нет подходящей одежды. Им будет очень сложно. Помочь тем, кто в возрасте или тем, кто Plus Size, просто чтобы понять, что в любом состоянии и виде мода для девушек открыта, и она помогает им самореализовываться, находить себя и единомышленников» (интервью 5, Д.М.).*

Религиозный активизм сегодня реализуется как в институциональном, так и в неинституциональном поле. Кейс Республики Татарстан демонстрирует оба варианта, например, в рамках деятельности отдела по работе с молодежью Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) ведется разнообразная работа с мусульманками. Здесь сложно провести границу между профессиональной деятельностью организации и гражданской активностью, но мы наблюдаем, как вокруг различных проектов формируется женское мусульманское сообщество. Официальный институт имеет больше ресурсов и инструментов, возможность выходить за территорию региона (из интервью: *«Эти проекты остаются не только в Казани, они уходят за пределы нашей республики, потому, что участники наших мероприятий – это не только мусульманки республики и Казани, но и России. В основном у нас Поволжье очень активное, они, получая некий опыт*

проведения подобных мероприятий, пытаются там найти деньги, привлечь спонсоров, меценатов и ради довольства Всевышнего собрать мусульманок и объединиться с ними» (интервью 1, А.Б.).

Активно складывается и формируется сеть мусульманок, которая первоначально зародилась в социальных сетях. Вторая половина 2010-ых гг. характеризуется развитием личного блогинга в России, в том числе, мусульманки заняли свою нишу в этой сфере. Интересно, что социальная сеть явилась своего рода аккумулятором и фильтром для формирования определенного сообщества в офлайн пространстве (из интервью *«Сначала мы собирали девушек активистов, с активной жизненной позицией, те, кто сейчас в Казани чем-то занимается, имеет экспертное мнение, потом это переросло в более узкую блогерскую тему и люди отсеялись по этому признаку. Фильтром для блогеров мы ставили количество подписчиков около 10 тыс. и какие-то общие человеческие качества, чтобы мы в них сходились» (интервью 6, Ф.Ш.).*

Первоначально мусульманки собирались для разбора своих блогов, анализа и обсуждения. В дальнейшем естественным образом начала складываться дружеская связь, объединенная не только религиозной идентичностью, но и общим делом – поиском путей развития исламских блогов. Например, мусульманки столкнулись с проблемой рекламы: светские персоны не брали на рекламу страницы мусульманок, и сообщество вынуждено было формировать свое поле. Во-первых, темы, поднимающиеся в авторских блогах, чаще всего рассматриваются сквозь призму ислама, например, воспитание, материнство, быт, отношения между мужем и женой, помощь нуждающимся. Однако без внимания не остаются и более личные и интимные темы, в том числе с привлечением профессиональной психологии. Во-вторых, визуальный фото- и видео-контент строго цензурирован, некоторые девушки скрывают лицо или не показывают свою семью, кто-то скрывает и

свой голос. Такие действия связаны с исламским понятием «аурат», когда определенные части тела должны быть закрыты. У женщин это все тело, кроме лица и кистей рук (из интервью: *«Есть же понятие аурат – это те части тела, которые должны покрываться, но в шариате голос женщины тоже является ауратом. Если строго подходить к этому вопросу, то это тоже не совсем одобряемое действие со стороны ислама. Девочки на форуме (Форум мусульманской молодежи) тоже затронули этот вопрос, они предлагают выход из ситуации: ретушировать свое лицо, маски, есть оказывается что-то вроде масок для глаз, но устаз (учитель) тогда сказал, а для чего вы это делаете? Каждый должен задаться вопросом: зачем я пришла в инстаграм, что я там делаю? И как я отвечу на это в Судный день, то вопрос открытости уйдет. Все по намерению»* (интервью 1, А.Б.).

Неофициальная деятельность перешла к созданию юридических лиц, для того, чтобы выйти на новые формы взаимодействия с государством и обществом (из интервью: *«Изначально мы собираемся, общаемся, но это все было как-то не официально, а тут, когда мы решили это все организовать официально появились новые возможности, например, получить какой-то грант физическое лицо это очень тяжело, а если юридическое, то появляются новые возможности, новые горизонты и мы своим членам ассоциации даем эту возможность. Вступая в наше сообщество человек может подать проект от имени ассоциации»* (интервью 2, Г.В.).

Женская мусульманская сеть становится многоуровневой, объединяет как индивидуальных членов общества, так и коллективы профессионалов. Например, созданы Ассоциация социальных женских инициатив «Нур»¹ и Ассоциация психологической помощи мусульманам. Такие объединения позволяют более эффективно воспроизводить и перераспределять различные

ресурсы, например, социальный капитал среди своих участников и повышать вознаграждение (Князева, 2006:83). Таким образом, на сегодняшний день сеть мусульманок-активисток активно расширяется, предоставляя возможности для новых членов, создавая условия для обучения, профессиональной реализации, досуга, позволяя найти эмоциональную поддержку (из интервью: *«Начиная со школьной скамьи девочки, начинают подключаться к общественной, религиозной жизни нашей уммы. Хотя у них в школе царит одна атмосфера, могут быть насмешки, неприятие, а для того, чтобы эти девочки нашли себя, нашли себе друзей, для них как раз таки творческая группа «Бахет Ачкычы»² проводит такие мероприятия, они там общаются, создают свои мини проекты, уроки разные проводят – это в основном школьницы до 18 лет, получается с 13 до 18 у них еще общие интересы, им интересно вместе. С 18 лет этой молодежью уже занимаемся мы [ДУМ РТ], у нас есть учебный отдел, медресе, в медресе тоже проводится воспитательная работа»* (интервью 1, А.Б.).

Деятельность мусульманок-активисток в целом усиливает позиции мусульман в обществе. Проблемы, вопросы, которые они выносят к обсуждению в своих блогах, находят поддержку и широко тиражируются. Например, благодаря деятельности мусульманок-психологов начали обсуждаться экзистенциальные вопросы, проблемы ментального здоровья, интимные отношения в контексте религии. Несмотря на то, что данные темы активно освещались в светском блогинге, присутствие религиозного компонента способствует просвещению религиозной части населения, так как эксперт-мусульманин вызывает больше доверия, пользуется авторитетом, чем светский человек.

Мусульманки-активистки в ходе своей деятельности также сталкиваются с

¹ Перевод с тат. «Луч».

² Перевод с тат. «Ключик счастья».

различными трудностями. С одной стороны, несмотря на достаточно высокий уровень эмансипации в регионе, есть стереотипы касательно мусульманок в публичном пространстве. Например, информантки говорят о чувстве дискомфорта при взаимодействии с мужчинами из числа официального духовенства (из интервью: *«Это был очень большой барьер, в том смысле, что мы мусульманки, нужно было на территории хазратов выступать, это был первый посыл, и первое профессиональное на уровне КФУ проведенное мероприятие. Опыт, когда мы выступали и обучали хазратов, это был нонсенс, хазратов обучали молодые девочки: чему, как, что?»*) (интервью 3, Л.Г.). Не всегда проекты и задумки мусульманок легко принимаются, тем не менее, это не становится поводом для отказа от реализации своих идей (из интервью: *«Fashion iftar вызывает определенное сопротивление, потому, что достаточно несочетаемые понятия – fashion и ифтар. Потому что для всех это что-то сокровенное, но как я считаю, здесь самое важное это намерение. Мое намерение в том, чтобы помочь девушкам. Рамадан помогает раскрыться, помогает найти себя. Одежда, в том числе, очень сильно помогает девушке чувствовать себя уверенно и спокойно»*) (интервью 5, Д.М.).

Таким образом, возможности социальных сетей сегодня – это один из инструментов для личностного роста, профессиональной и творческой самореализации мусульманок. Активно происходит трансформация образа мусульманок, которые все чаще демонстрируют успехи и в бизнесе, и семейных отношениях (из интервью: *«Instagram мусульманкам помогает показать, что мусульманка обычный человек, она занимается и бизнесом, и спортом и еще чем-то»*) (интервью 4, А.Г.).

Заключение (Conclusions). Мусульманки всегда принимали активное участие в жизни уммы, были предпринимателями и благотворителями. В дореволюционный период женский мусульманский активизм представлял собой деятельность жен мулл,

купцов, меценатов и крупных предпринимателей. В основном они использовали капитал своих отцов, мужей. Следующий этап вдохновлен религиозным ренессансом конца XX в., который больше разворачивался в рамках организаций и сообществ, деятельность регламентировалась уставами, и имела структуру и иерархию (членство, лидеры и т.д.), например, «Союз мусульманок Татарстана», ОО РТ «Ак калфак», Союз мусульманских женщин Татарстана «Муслима» и т.д. В цифровую эпоху мы наблюдаем обновление сети активисток-мусульманок, где главным инструментом и ресурсом деятельности выступают площадки социальных сетей.

Сеть мусульманок не имеет четких границ, структуры и иерархии, она динамична и подвижна, неоднородна по своему составу. Например, на данный момент в сети участвуют отдельные личности, дружеские объединения, институты или оформленные юридические лица, мусульманки и немусульманки, светские организации и т.д.

Мусульманки в своей деятельности не стремятся к конкуренции с мужчинами, пересмотру норм ислама. Так как их активизм реализуется в рамках религиозных предписаний, информанты не видят противоречий и ограничений для своей публичной деятельности, женский мусульманский активизм носит мирный и созидательный характер.

В результате исследования, мы пришли к выводу, что социальные связи, возникшие в процессе взаимодействия авторов блогов, привели к 1) консолидации субъектов блогерского сообщества и формированию сети мусульманок-активисток региона; 2) нарастанию социального капитала внутри мусульманского женского сообщества, благодаря масштабированию и объединению деятельности; 3) формализации деятельности. Особенность мусульманского женского активизма состоит в том, что деятельность ведется в рамках религиозных предписаний, она направлена на благополучие российского мусульманского со-

общества. Например, проекты мусульманок-активисток нацелены на поддержку молодых девушек, которые только вступили на путь религии и могут сталкиваться с неприятием или буллингом в своем окружении.

Список литературы

Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // Ислам в современном мире. 2018. № 2. 149-164.

Антонова Ю. А., Сиражудинова С. В. Практики калечащих операций в республиках Северного Кавказа: стратегии преодоления. Издательские решения, 2018. 66 с.

Балтанова Г. Р. Мусульманка: история и современность. Казань: Кокпит-компьютер, 2007. 244 с.

Брилева Д. О. Женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17-36.

Вента Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX-XXI вв. // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 81-88.

Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 3. С. 5-23.

Гараев Д. М. Женские мусульманские организации в Татарстане: между традиционализацией и модернизацией // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12, № 4. С. 985-1000.

Гузельбаева Г. Я., Мчедлова М. М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247-268.

Гусенова Д. А. «Женские практики» в неканоническом паломничестве в исламе // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 2. С. 71-83.

Давлетшина Л. Ш. Благотворительная деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн. 2, ч. 2. С. 106-110.

Заякина Р. А. Топологические представления в реляционной сетевой теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 10 (392). С. 78-83.

Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р. Ф. Патеев, Д. Р. Гильмутдинов, А. А. Закиров и др.; отв. ред. Т.Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021. 448 с.

Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88.

Коробейникова Л. А., Гиль А. Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105-109.

Костенко В. В., Понарин Э. Д., Стребкова О. Н. Влияние исторических процессов на гендерные установки в странах арабского Востока // Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 126-146.

Куркина Е. С., Князева Е. Н. Методология сетевого анализа социальных структур // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 120-135.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3-14.

Михалева А. В. Исламский феминизм Сейран Атеш // Вестник Пермского научного центра. 2018. № 4. С. 62-74.

Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112-138.

Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74-80.

Саттарова, А. И., Фазлиев А. М. Образ татарской женщины-мусульманки и развитие женского движения в контексте исторической памяти: возрождающиеся и новые традиции // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. Ч. 2. С. 29-33.

Сиражудинова С. В. Гендерная стратегия и женская активность на Северном Кавказе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1-2 (25). С. 278-286.

Сиражудинова С. В. Женщины и женская активность в развитии гражданского общества на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2021. № 3. С. 139-142.

Фролова Л. Н. Статус женщины в исламе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 148-154.

Хайрутдинов А. Г. Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань: изд-во Иман. 1999. 127 с.

Antonova Yu. A., Siradzhudinova S.V. Report based on the results of a qualitative study on female genital mutilation performed on girls in the Republic of Dagestan, Russian Federation. Russian Justice Initiative. 2016. 41 p.

Bracke S. Subjects of debate: Secular and sexual exceptionalism, and Muslim women in the Netherlands // *Feminist Review*. 2011. № 98. Pp. 28-46.

Glas S., Alexander A. Explaining Support for Muslim Feminism in the Arab Middle East and North Africa // *Gender & Society*. 2020. № 34 (3). Pp. 437-466.

Glas S., Spierings N., Scheepers P. Re-Understanding Religion and Support for Gender Equality in Arab Countries // *Gender & Society*. 2018. № 32 (5). Pp. 686-712.

Hirji F. Claiming our Space: Muslim Women, Activism, and Social Media // *Islamophobia Studies Journal*. 2021. № 6 (1). P. 78-92.

Massoumi N. The Muslim woman activist: Solidarity across difference in the movement against the «War on Terror» // *Ethnicities*. 2015. № 15 (5). P. 715-741.

Mengia Hong Tschalaer Muslim Women's Rights Activists' Visibility: Stretching the Gendered Boundaries of the Public Space in the City of Lucknow // *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. 2015. URL: <http://journals.openedition.org/samaj/3928> (accessed 11.11.2021).

References

Albogachieva, M. S.-G. (2018), "Women's Sufi practices of loud dhikr in Ingushetia", *Islam in the modern world*, (2), 149-164. (In Russian)

Antonova, Ju. A. and Sirazhudinova, S. V. (2018), *Praktiki kalechashhih operacij v respublikah Severnogo Kavkaza: strategii preodolenija* [Practices of FGM in the Republics of the North Caucasus: Coping strategies], Publishing solutions. (In Russian)

Baltanova, G. R. (2007), *Musul'manka: istorija i sovremennost'* [Muslim Woman: History and modernity], Kokpit-komp'juter, Kazan. (In Russian)

Brileva, D. O. (2018), "To a woman and through the mouth of a woman: a Muslim woman in the Tatar periodical press of the early twentieth century", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, (2), 17-36. (in Russian)

Venta, R. (2012), "The evolution of the image of a Muslim woman in the studies of the XX-XXI centuries", *Woman in Russian Society*, (1), 81-88. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. and Rabat, L. (2020), "The role of women in the political discourse of Muslim countries", *Islamic Studies*, 11 (3), 5-23. (in Russian)

Garaev, D. M. (2019), "Muslim women's organizations in Tatarstan: between rationalization and modernization", *Minbar. Islamic Studies*, 12 (4), 985-1000. (In Russian)

Guzel'baeva, G. Ja. and Mchedlova, M. M. (2020), "Muslim communities in Kazan at the beginning of the XXI century: the reasons for the rise and decline of Islamic youth activism", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 247-268 (In Russian)

Gusenova, D. A. (2021), "Women's practices" in non-canonical pilgrimage in Islam", *Islamic Studies*, 12 (2), 71-83. (In Russian)

Davletshina, L. Sh. (2009), "Charitable activities of Muslim women in the educational sphere", *Scientific notes of Kazan State University*, 151 (2), 106-110. (In Russian)

Zajakina, R. A. (2016), "Topological representations in relational network theory", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 10 (392), 78-83. (In Russian)

Pateev, R. F., Gil'mutdinov, D. R. and Zakirov, A. A. (2021), *Islam and Religious Activism in the Republic of Tatarstan: A collective monograph*, Publishing House of the Academy of Sciences of RT, Kazan. (In Russian)

Knjazeva, E. I. (2006), "Network theory in modern sociology", *Sociology*, (2), 82-88. (In Russian)

Korobejnikova, L. A., Gil', A. YU. (2010), "Network structures in the context of globalization", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 316 (6), 105-109. (In Russian)

Kostenko, V. V., Ponarin, Je. D. and Strebkova, O. N. (2019), "The influence of historical processes on gender attitudes in the countries of the Arab East", *Oriens*, (1), 126-146. (In Russian)

Kurkina, E. S. and Knjazeva, E. N. (2017), "Methodology of network analysis of social structures", *Philosophy of Science and Technology*, 22 (2), 120-135. (In Russian)

Mal'ceva, D. V. (2018), "Network approach as a phenomenon of sociological theory", *Sociological research*, (4), 3-14. (In Russian)

Mihaleva, A. V. (2018), "Islamic Feminism Seyran Atesh", *Bulletin of the Perm Scientific Center*, (4), 62-74. (In Russian)

Oleskin, A. V. (2013), "Network structures in biosystems", *Journal of General Biology*, (2), 112-138. (In Russian)

Пырма, Р. В. (2020), "Concepts of civic activism in the digital space of communications", *Power*, (2), 74-80. (In Russian)

Sattarova, A. I. and Fazliev, A. M. (2015), "The image of the Tatar Muslim woman and the development of the women's movement in the context of historical memory: reviving and new traditions", *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 4 (2), 29-33. In Russian)

Sirazhudinova, S. V. (2021), "Gender strategy and women's activity in the North Caucasus", *Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art history*, 1-2 (25), 278-286. (In Russian)

Sirazhudinova, S. V. (2021), "Women and women's activism in the development of civil society in the North Caucasus", *Questions of History*, 3, 139-142. (In Russian)

Frolova, L. N. (2009), "The status of women in Islam", *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*, (2), 148-154. (In Russian)

Нажрутдинов, А. Г. (1999), *The Last Tatar Theologian (The Life and Legacy of Musa Jarullakh Bigiev)*, Iman, Kazan. (In Russian)

Antonova, Yu. A. and Siradzhudinova, S. V. (2016), Report based on the results of a qualitative study on female genital mutilation performed on girls in the Republic of Dagestan, Russian Justice Initiative, Russian Federation.

Bracke, S. (2011), "Subjects of debate: Secular and sexual exceptionalism, and Muslim women in the Netherlands", *Feminist Review*, (98), 28-46.

Glas, S. and Alexander, A. (2020), "Explaining Support for Muslim Feminism in the Arab Middle East and North Africa", *Gender & Society*, (3), 437-466.

Glas, S., Spierings, N. and Scheepers, P. (2018), "Re-Understanding Religion and Support for Gender Equality in Arab Countries", *Gender & Society*, (5), 686-712.

Hirji, F. (2021), "Claiming our Space: Muslim Women, Activism, and Social Media", *Islamophobia Studies Journal*, (1), 78-92.

Massoumi, N. (2015), "The Muslim woman activist: Solidarity across difference in the movement against the "War on Terror", *Ethnicities*, (5), 715-741.

Mengia Hong Tschalaer (2015), "Muslim Women's Rights Activists' Visibility: Stretching the Gendered Boundaries of the Public Space in the City of Lucknow", *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, available at: <http://journals.openedition.org/samaj/3928> (Accessed 11 November 2021).

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2021 г. Поступила после доработки 01 июня 2022 г. Принята к печати 02 июня 2022 г.

Received 21 November 2021. Revised 01 June 2022. Accepted 02 June 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гибадуллина Миляуша Рустамовна, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Gibadullina Milyausha Rustamovna, researcher of Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Кусанова Динара Сырынбетовна, младший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Kusanova Dinara Syrynbetovna – junior researcher of Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

УДК 316.023

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3

Дашибалова И. Н.

Идентификационные общности и интеграционные
установки жителей Бурятии

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
улица Сахьяновой, дом 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
imbt@imbt.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования идентификационных общностей в регионах России обусловлена усилением процессов этнонациональных, социокультурных, территориальных идентификаций населения на фоне формирования общегражданской идентичности россиян. В эмпирических социологических исследованиях, проводимых на территории Российской Федерации, представлены проблемы и противоречия соотношения российской и региональной идентичностей. Вместе с тем, как показывает корпус работ, посвящённых данной тематике, недостаточно освещен весь спектр идентичностей населения конкретного региона. *Предметом исследования* стали уровни идентичностей населения Республики Бурятия, сравнительный анализ общероссийской, региональной, этнической идентичностей в ситуации социально-экономического кризиса в регионе. *Цель публикации:* раскрыть соотношение и доминирующую роль того или иного типа идентичности жителей Республики Бурятия в меняющихся условиях, описать факторы, воздействующие на тип идентичности в зависимости от этнонационального статуса, территориальной принадлежности. *Методологической базой* исследования являются институциональный и сравнительный подходы. На основе проведённого в 2018-2019 гг. эмпирического исследования «Межнациональное согласие в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях» было изучено 900 респондентов в г. Улан-Удэ и районах республики. *Объектом исследования* стали возрастные группы от 19 до 60 лет и старше. Использованы методы массового опроса (анкетирование) и экспертного опроса (24 глубинных интервью). Участниками экспертного опроса являлись работники сферы образования, некоммерческих организаций, научные сотрудники, руководители центров национальных культур. *Новизна исследования* состоит в раскрытии специфики региональной идентичности различных поколенческих групп. *Результаты исследования* позволят федеральным и региональным органам власти регулировать межэтнические процессы и формировать устойчиво положительную территориальную идентичность жителей Республики Бурятия. *Выводы исследования* заключаются в том, что этническая идентичность, занимающая срединное место в диспозициях идентичностей, является индикатором общероссийских интеграционных процессов и устойчивой базисной солидарностью жителей Бурятии.

Ключевые слова: социальная идентичность; типы идентичностей; дискурс идентичности; гражданская идентичность; российская идентичность; этническая идентичность; территориальная идентичность

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.), № 121031000243-5).

Информация для цитирования: Дашибалова И. Н. Идентификационные общности и интеграционные установки жителей Бурятии // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 28-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3.

Research article

Irina N. Dashibalova

Identity communities and integration attitudes sitisents of Buryatia

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS)
bld. 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, Russia
imbt@imbt.ru

Abstract. The relevance of the study of identification communities in the regions of Russia is due to the strengthening of the processes of ethno-national, socio-cultural, territorial identifications of the population against the background of the formation of the general civil identity of Russians. In empirical sociological studies conducted on the territory of the Russian Federation, the problems and contradictions in the relationship between Russian and regional identities are presented. At the same time, as the corpus of works devoted to this topic shows, the entire spectrum of identities of the population of a particular region is insufficiently covered. The purpose of the publication: to reveal the relationship and the dominant role of one or another type of identity of the inhabitants of the Republic of Buryatia in changing conditions, to describe the factors affecting the type of identity, depending on the ethno-national status, professional and territorial affiliation. The research methodology is based on institutional and comparative approaches. Based on the conducted in 2018-2019. empirical research "Interethnic consent in the Republic of Buryatia in the changing socio-economic conditions" studied 900 respondents in Ulan-Ude and regions of the republic. The object of the study was age groups from 19 to 60 years old and older. The methods of mass survey (questioning) and expert survey (24 in-depth interviews) were used. The participants in the expert survey were educators, non-profit organizations, researchers, heads of centers of national cultures. The novelty of the research lies in the disclosure of the specifics of the regional identity of various generational groups. The research results will allow federal and regional authorities to regulate interethnic processes and form a consistently positive territorial identity of the residents of the Republic of Buryatia.

Keywords: social identity; civic identity; ethnic identity; Russian identity; territorial identity; Republic of Buryatia

Acknowledgments: Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th-21stCenturies), № 121031000243-5.

Information for citation: Dashibalova, I. N. (2022), "Identity communities and integration attitudes sitisents of Buryatia", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 28-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3.

Введение (Introduction). Концепции идентичности имеют богатую традицию в западной социологической и социально-психологической теоретической мысли. Изучение социальной идентичности является одной из центральных идей рассмотрения позиционирования индивида в социальном пространстве и осмысления им своего места в нем. Теории идентичности объясняют становление, изменение идентичности и ее множественность (Stets, Serpe, 2013).

Рефлексивные представления о том, «кто я?» и «кто мы?» встраивают индивида в социальные структуры, которые предписывают конкретные социальные роли и поддерживают тем самым социальный порядок. Взаимодействие с себе подобными на основе признаков территориальности, этничности, пола, политических пристрастий закрепляет статус, предопределяет коллективную идентичность и дает ключ к пониманию межгрупповых конфликтов (Eisensdat, Giesen, 1995).

Проблема современной идентичности обусловлена ростом индивидуализации, снятием границ социальных институтов и сложностью выбора профессии, обретения социально-экономических диспозиций, политических и религиозных ролей в меняющихся условиях (Marc, 2009).

Дж. Фридман обосновывает понимание современной эпохи как эпохи «глобального усиливающегося беспорядка», вызванного распадом традиционных коллективных моделей модерна и возникновением новых структур идентичности (Friedmann, 1993).

Активную интеллектуальную дискуссию в последние годы вызвала публикация Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами идентичности». Авторы справедливо отмечают, что данное понятие расширило свои толковательные границы до предела многозначности: «если всё есть идентичность, то её нет вообще», однако потребность в концептуализации «всех соотношений и связей, всех форм принадлежности, всех инстанций общности, привязанности и

сплоченности, всех аспектов самопонимания и самоопределения в идиоме «идентичности» включает нас в рамки прямых, негибких и ограниченных понятий» (Brubaker, Cooper, 2000; Brubaker, 1996).

Дискурс идентичности включает изучение гендера, гражданства, расы, религии, этничности, миграции, культурных течений и как демонстрируют исследования, разнообразие идентичностей множится с каждым днём в текучей современности (Bauman, 1992).

Э. Борнман считает, что нельзя не учитывать воздействие информационных технологий на изменение коммуникационной среды индивида и формирование новых типов идентичностей (Bornman, 2003).

Возвращаясь к исследованию Р. Брубейкера и Ф. Купера, согласимся с их выводом, что в настоящее время наличествуют как «сильные», так и «слабые» идентичности. «Сильные» идентичности укреплены в традициях, конкретных жизненных практиках, а «слабые» подвержены текучести (Brubaker, Cooper, 2000).

В отечественных теоретических и эмпирических социологических исследованиях, посвящённых изучению содержания и структуры идентификационных процессов, на протяжении нескольких десятилетий сохраняется неослабевающее внимание к социальной идентичности и современным идентификационным характеристикам россиян (Дробижева, 2014). Как считает С. Г. Климова: «Социальные идентичности и контриденности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида. Такая идентичность – это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться» (Климова, 2000: 14).

Сама типология и уровни идентичностей достаточно разнообразны по разным

основаниям: индивидуальная и групповая; позитивная, успешная, негативная, кризисная; Я-идентичность, социальная идентичность; формирующаяся, незавершённая, достигнутая; статусная, ролевая, профессиональная, корпоративная, политическая, культурная, этническая, историческая, национальная, гражданская, патриотическая, территориальная, религиозная, виртуальная, сетевая, возрастная, гендерная, половая, расовая; ускоренная, запаздывающая, ситуационная, демонстративная; формальная и неформальная; несформированная, утраченная и другие (Ковалёва, 2019). Как видим, концепт идентичности представляет множественный феномен, так как индивид включён в самые различные социальные группы, институции и общности. В связи с исследовательским проектом нас в большей степени интересует социальная идентичность и её типы: гражданская, региональная и этническая.

Гражданская идентичность солидаризирует чувство общности среди граждан конкретной страны. Интеграция сообщества происходит на базе символов национального государства и отождествления индивидов с людьми и событиями, происшедшими (происходящими) в нем, а также ориентации на общие социальные ценности. В отличие от категорий гражданское общество и политическая идентичность, гражданская идентичность затрагивает все слои общества, включает механизм централизации всех идентификационных общностей с опорой на идеологию. По мнению В. А. Ядова данная форма идентичности является конструируемой, так как группа «мы – граждане» опосредована массовой и межгрупповой коммуникацией и представлена «в сознании индивидов, не столько из собственного опыта, сколько из интерпретаций, предлагаемых СМК, или из общения с людьми» (Ядов, 1995: 167).

Исходя из анализа текущей политики российского государства и смены идентификационных матриц социальных групп представляет интерес, как происходит процесс перехода от актуальной локальной идентичности к общероссийской в массовом сознании россиян. С начала 2000-х гг. гражданская российская идентичность стала основой консолидации россиян, происходит её становление и закрепление (Сагитова, 2019). Социологами справедливо отмечается, что в результате проводимой государственной политики по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой в 2012 г., а также опираясь на исторический опыт взаимодействия этнических общностей, можно свидетельствовать о формировании национальной гражданской идентичности¹.

Региональная идентичность выполняет функцию позитивной ассоциации, основана на повышенном интересе населения к истории, культуре, традициям народов, проживающих на территории региона. Региональная идентичность является двусторонним процессом – заинтересованности региональных органов власти в продвижении территории в условиях экономической конкуренции, привлечения инвестиций и необходимости формирования его положительного бренда с опорой на целостность, самоидентичность этнонациональных, социокультурных, территориальных идентификаций населения региона.

Концепт этнической идентичности широко разработан в отечественной социологической литературе с середины 1990-х гг. на фоне распада СССР и процессов демократизации в национальных регионах. Примордиальное чувство к этнической общности формируется на основе механизмов соотнесения индивида с определенной территорией, языком, религией, традициями, моделями поведения, которые выполняют символическую функцию этнической

¹ О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от

19 декабря 2012 г. №1666 // URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521> (дата обращения 13.03.2021).

идентичности. Этническая идентичность выражается в эмоциональном выборе своей этнической группы, особенно в условиях политической неопределенности. Одновременно этническая идентичность подвергается изменчивости на фоне глобальных процессов, приводящих к ассимиляции и стиранию самобытности культур, вместе с тем ядро ее сохраняется. С усилением межэтнических контактов, ростом влияния средств массовой информации и интернета этническая идентичность выступает ценностной опорой для многих людей, отождествляющих себя с этническим сообществом.

Опираясь на изучение источников, можно сказать, что обнаруживается недостаточное изучение в региональных исследованиях степени актуализации того или иного типа социальной идентичности, а также сам спектр различных типов идентичности в Республике Бурятия на фоне происходящих социально-экономических изменений.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Методологическая база основывается на данных эмпирического исследования, проведенного в 2018-2019 гг. социологической группой ИМБТ СО РАН. Методом анкетирования (самозаполнение) опрошено 900 чел. (2018г. – 500 чел. в городах Улан-Удэ, Северобайкальск, Кяхта; 2019г. – 400 чел. в Баргузинском, Еравнинском, Заиграевском, Кабанском, Тарбагатайском и Хоринском сельских районах республики), взято 24 глубинных интервью у экспертов по проблемам межэтнического взаимодействия. Выборка многоступенчатая, на последней степени отбора квотная (пол, возраст, образование, национальность). При определении генеральной совокупности и разработке выборки опирались на Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Анкетирование позволило получить результаты по оценке диспозиций, интересов, установок, формирующих ценности и идентификационные характеристики представителей разных национальностей в республике.

Глубинные интервью экспертов качественно дополнили формализованные ответы респондентов, участвующих в массовом опросе.

Предметом исследования стали уровни идентичностей населения Республики Бурятия, сравнительный анализ общероссийской, региональной, этнической идентичностей в ситуации социально-экономического кризиса в регионе.

Объектом исследования стали социальные группы, выделенные по различным основаниям от этнических до возрастных.

Поскольку в настоящее время разработаны специальные социологические и социально-психологические методы исследования идентичности, стоит обратить внимание, что инструментарий включал вопрос в анкете: «Как часто Вы можете сказать о том, что «Это – Мы» о представителях указанных ниже групп? (люди Вашего поколения; люди той же профессии; все граждане России; жители Бурятии; те, кто живёт в Вашем городе, селе; люди Вашей национальности; люди того же достатка, что и Вы; люди, близкие по политическим взглядам; люди моей веры; люди таких же взглядов на жизнь)» и поэтому изученные нами идентификационные характеристики социальных групп Бурятии имеют самую общую картину, требующую корреляции со специальным комплексным изучением идентичности.

В рамках социологического исследования изучались группы, фиксирующие типы самоидентификации жителей Бурятии. С опорой на методику Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН нами произведён количественный замер параметров идентификации по признакам: поколение, профессия, гражданство (Россия), регион (республика), тип поселения (город/село), национальность, уровень доходов, политические взгляды, вероисповедание, жизненные установки (Дробужева, 2018 а, 2018 б). Выбор респондентами идентичностей позволяет определить сте-

пень актуальной солидарности, меру конфликтного потенциала и уровень разобщённости.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Базовыми критериями идентичностей для населения РБ являются установки: «мы – граждане России» и «мы – жители Бурятии». В массовом сознании гражданская солидарность респондентов близка с общероссийскими показателями и находится на уровне 78,9%, что свидетельствует об устойчивости интеграционных настроений, доминировании ценностей патриотизма, прочности диспозиций «мы – россияне» (Дробижева, 2014). Фиксированную позитивную российскую идентичность ощущают 43,1% респондентов, а более трети опрошенных (35,8%) испытывают чувство единства «иногда». Отрицают важность гражданской солидарности 6,1% ответивших по всей выборке, затруднились с ответом – 12,6% и не дали ответа – 2,4%. Ядро общероссийской гражданской идентичности жителей Бурятии включает ассоциацию и эмоциональную связь с государством Российская Федерация, опирается на патриотические чувства и интегрирует все слои населения. Гражданская идентичность наиболее устойчива и подразумевает социокультурные ценности, религиозные и политические паттерны, закреплённые в российском обществе исторически.

Если рассматривать в национальном срезе, то мы обнаруживаем, что половина русских «часто» идентифицируют себя с гражданами России – 43,8%. Реже сближает чувство единства россиянами треть русских – 34,1%. Обратим внимание, что представители бурятской национальности равномерно определяют гражданскую идентичность «часто» и «иногда» – по 41,6%. То есть, у русских интеграционные установки сопоставимы с выборами всего населения, у бурят умеренная гражданская идентичность выражается чаще, чем у всех. По данным исследования, суммарные ответы представителей бурятской национально-

сти, фиксирующие позитивную гражданскую идентичность выше, чем у респондентов русской национальности (83,2% к 77,9%). Негативную общегражданскую идентичность транслирует меньшинство населения, представленное всеми этническими группами республики (от 4 до 7%). Отсюда следует, что конфликтный потенциал по отношению к государственно-гражданской ценностям минимален. Несмотря на формирующийся характер российской гражданской нации, как видим, её параметры по всей выборке не вступают в противоречие с региональной идентичностью, в отличие, например, от полиэтничных регионов Северного Кавказа (Авксентьев, Аксюмов, 2013) Этнокультурное многообразие Бурятии является залогом гражданского единства, и подавляющая часть населения имеет позитивную общероссийскую идентичность.

Региональная идентичность в рамках данного исследовательского проекта трактуется как принадлежность к территориальному сообществу, географическая и политико-символьная ассоциация с пространством региона, чувство единства с людьми, разделяющими ценности, культуру, традиции народов Республики Бурятия. Особенность региональной идентичности жителей Бурятии проявляется в уникальном жизненном стиле, связи с «малой родиной» и повседневных практиках, основанных богатейшем культурном наследии бурят, русских, семейских, эвенков. Наблюдается своеобразный парадокс: региональная идентичность опрошенных имеет позитивный вектор, несмотря на то, что население республики не получает от региона реализации достойного уровня жизненных притязаний в сравнении с большинством субъектов РФ. Предполагаем, что в структуре региональной идентичности по полученным данным содержится в большей мере ценностно-эмоциональный компонент, чем рациональный. Иначе бы не наблюдался регулярный отток молодёжи региона, маятниковая миграция трудовых сил, снижение качества человеческого капитала и другие стагнирующие факторы территории.

Следующее распределение переменных демонстрирует основания республиканской солидарности этнических групп в регионе. Очевидно, что актуализирована устойчивая региональная идентичность половины респондентов бурятской национальности (49,6%), реже определяющих себя жителями Бурятии составляет 37,2% бурят. Русских «часто» выражающих республиканскую идентичность меньше, чем бурят – 39,4%.

Несмотря на то, что количественно иноэтнических групп, представляющих о самих себе как о жителях Бурятии, намного меньше, чем у бурят и русских и по всей выборке, в совокупности (ответы «часто» и «иногда») таких симпатий составляет более половины из числа представителей других национальностей. Неслучайно, председатель Ассоциации народов Бурятии подчеркнула в глубинном интервью уникальность нашего региона, заключающегося в симбиозе культур: *«очень много смешанных браков, ассимиляция очень сильная, у нас многие – полукультуры (о татарах). Надо бы двумя корнями питаться»*. Эксперт утверждает, что нужно *«использовать ресурсный потенциал национально-культурных центров»* для повышения уровня региональной идентичности: *«Мы гордимся Бурятией, а делаем очень мало. Надо расширять линейку брендов, региональные, локальные, географические, гастрономические. Ни один другому мешать не будет»* (эксперт, руководитель общественной организации). Анализируя данное интервью, можно определить, что макроидентичности населения региона, включающего 130 национальностей, как имеют историко-культурный фон, так и переживают фазу становления в современных условиях продвижения этнокультурного многообразия в качестве положительного имиджа и бренда. В этом смысле государственная национальная политика опирается на различные форматы гражданского общества этнонациональной направленности (НКЦ, Ассамблея народов РБ, Дом Дружбы народов РБ и др.).

Таким образом, макроидентичности населения Бурятии демонстрируют достаточно высокий критерий сплочённости на гражданском и региональном уровнях.

Одной из разновидностей локальной идентичности является территориальная по типу поселения (мегаполис, город, село, посёлок городского типа). Четвёртое место в рангах актуализированных идентичностей населения Бурятии представляет городская / сельская идентичность. В опросе участвовали жители столицы региона – г. Улан-Удэ (генеральная совокупность – 582700 человек), г. Северобайкальск (ГС – 23183 человек), г. Кяхта (ГС – 20297 человек), а также изучены респонденты различных сёл, включая районных центров шести сельских районов республики. В структуре городского населения большая часть опрошенных составила выборка по г. Улан-Удэ (40%), в городах Северобайкальск и Кяхта по 8% от всего массива. Исследование показало, что ощущение принадлежности к городской и сельской общности у респондентов достаточно высокое. Постоянное ощущение городской идентификации наблюдается у свыше трети горожан – 36,6%. Сходная корреляция ответов у сельских жителей – 37,6%. Ситуационно определяют свою сопричастность с городским пространством 39,2% жителей трёх городов. 38,3% сельчан «иногда» демонстрируют проявление своих чувств территориальной принадлежности. Таким образом, установки городских и сельских жителей равномерны. Вместе с тем, четверть населения индифферентно выражает понимание своей сопричастности к «малой родине», месту постоянного проживания, что является показателем групповой разобщённости. Чувство отчуждения от локуса города у горожан выше в полтора раза, чем у сельских респондентов. Идентификационный локальный механизм положительной категоризации по этническому признаку у бурят, живущих в городской и сельской среде, выражен чуть сильнее, чем у русских и представителей других национальностей (41,2% к 35,9% и 32,6%, соответственно).

Таблица

Ранжированный ряд: Уровни идентичностей жителей Бурятии

Table

Ranked series: Levels of identities of the inhabitants of Buryatia

Ранг / Rank	Тип идентичности/ Identity type	%
I	Региональная (республиканская) / Regional (Republican)	79,1
II	Гражданская (мы-жители России) / Civil (we are residents of Russia)	78,9
III	Поколенческая / Generational	77,8
IV	По типу поселения (городская/сельская) / By type of settlement (urban/rural)	75,9
V	Профессиональная / Professional	66,6
VI	Этническая / Ethnic	65,8

Рассмотрим более подробно формирование этнической идентичности. В целом по выборке фиксация этнической принадлежности имеет средне выраженную частоту (шестое место в диспозициях идентичностей). Наиболее позитивно и «часто» соотносят себя с людьми своей национальности всего 27,1% опрошенных, то есть это группа тех, кто чётко акцентирует этничность. «Иногда» отдают предпочтения типологической этнической группе более трети респондентов – 38,7% ответивших. Данный показатель можно считать умеренным по значимости этнической сплочённости. 16,8% респондентов безразлично выражают важность этнических признаков. 13,9% опрошенных затруднились с ответом и 3,6% не дали ответа. Более трети участников опроса – 34,3% (суммарно ответы «никогда», «затрудняюсь ответить», «нет ответа») не придают смысла внутригрупповой этнической солидарности, что подтверждает стабильный уровень межэтнического согласия в республике. Полученные результаты выбора этничности как фактора идентичности жителями республики демонстрируют замещение этнического фактора другими основаниями социальной солидарности.

Третья часть бурят (35%) определяет свою этническую принадлежность постоянно (внутри своей группы). Почти поло-

вина опрошенных бурят фиксируют умеренные оценки, выражая этничность в определённых случаях – 45,6% ответов «иногда». Данный показатель интересен тем, что титульный этнос Бурятии демонстрирует позитивные установки на значимость этнического статуса, но ситуационно. Выраженный ситуационный характер бурятской идентичности, в частности, проявляется в период общественных слушаний и интернет-дискуссий по поводу установки памятников, театральные постановки, материалов СМИ, вызывающих широкий резонанс, т.е. событий, связанных с этнокультурными проектами, оценкой исторического наследия или в ситуации политической конъюнктуры. Обратимся к мнению эксперта: «этничность – это, в первую очередь, эмоциональное чувство принадлежности к группе. И только во вторую очередь это знание о культуре, историческая память, их может вообще не быть, ни знаний этих особых, особенно у горожан. И, тем не менее, вот главенствующее – это чувство принадлежности к группе. И чувство это мобилизуется, мне не нравится слово «политизация», потому что политика – это борьба за власть, тут не о том идет речь. Мобилизуется каждый раз, когда какой-то паритет, какой-то статус-кво нарушается. И в 90-е годы, простите, с конца 80-х, конечно, у нас была ситуация вот этого нарушения некоего баланса,

нарушение стабильности, статус-кво» (эксперт, научный сотрудник).

Четверть опрошенных русских (24,3%) «часто» соотносят себя с представителями своей национальности и более трети (36%) признают важность своего этнического статуса «иногда» внутри своей группы. Необходимо отметить, что интеграционные характеристики русского населения в Бурятии имеют особые черты в отличие от русских, живущих в других регионах России. Тот факт, что русские в Бурятии имеют местные этнокультурные особенности в ходе исторического взаимодействия с титульным этносом и не придают значения выделению примордиальных свойств прослеживается в открытых формулировках ответов анкеты: «наши русские по характеру, менталитету отличаются от русских жителей других областей», а также в глубинном экспертном интервью: «мы очень любим говорить, что у нас такая толерантная республика, что у нас такие прекрасные отношения...иногда это воспринимается также как такой постоянный фактор, и даже знак, как 350 дней солнечных дней в республике... Все эти толерантные отношения сложились в результате сочетания очень многих достаточно сложных исторических причин в течение длительного времени» (эксперт, научный сотрудник).

Для представителей других национальностей, живущих в Бурятии, акцентирование своей этнической принадлежности актуально для четверти опрошенных (25,6%). Ситуационно этническая идентичность проявляется у 41,9% инонациональной группы. Как видим, это соотношение позитивной этнической идентичности несколько выше, чем у русских. Экспертами отмечается, что в последние годы в республике с изменением национального состава населения отмечаются нюансы самопозиционирования и самоидентификации других национальностей, выделяемые, в том числе в зависимости от возраста: «На мой взгляд, очень интересная сейчас такая ситуация, мы привыкли, что межэтнический

конфликт мы воспринимаем в плоскости русских и бурят во многом, сегодня во многих учебных заведениях, в школах появляется многочисленный слой других национальностей. Внутри, в отдельном классе, в отдельной студенческой группе, проблем может не быть, но когда, например, выходит это ребёнок из своего класса, своей группы, уже он встречается с негативными проявлениями в отношении себя. На юридическом факультете (БГУ) было очень много выходцев с Кавказа. Они рассказывали, что в группе всё нормально, в университете тоже более-менее, но стоит только куда-то выйти, куда-нибудь или куда-то приехать, допустим, на Олимпиаду, мы всегда встречаемся с тем, что мы – другой национальности, ощущаем себя чужими, и мы не ощущаем себя дома. Поэтому, во-первых, наверное, необходимо развести вектор, в каком мы смотрим на эти противоречия: русские и буряты или это другие национальности, межэтническая нестабильность. И второе. Наверное, от возраста зависит опять же» (эксперт, специалист в сфере образования). Действительно, данные массового опроса обнаруживают, что среди тех, кто часто и иногда выбирал этническую идентичность, выявляется молодёжь. Чем старше возраст респондента, тем менее актуальной является основание этнической солидарности, и наоборот, чем моложе, тем более выраженным происходит проявление этнических чувств.

Заключение (Conclusions). Итак, на основе анализа спектра идентичностей жителей Бурятии выяснены актуальные социальные аффилиации, главными из которых являются региональная и российская идентичности. Высокий уровень государственно-гражданской солидарности позволяет судить о вовлечённости в российские интеграционные проекты и потенциале формирующегося концепта «российская нация». Мощным маркером и возможным ресурсом развития территории является республиканская идентичность населения.

В качестве близкой общности для социальных групп РБ являются поколенческие, территориальные (город / село), профессиональные образования, которые характеризуют прочность традиционных и локальных связей в регионе, обеспечивающих потребности в общении и самореализации, но в то же время свидетельствуют о неустойчивости групповых интересов по основаниям: «религиозность», «достаток», «политические интересы». Этническая идентичность, занимающая срединное место в диспозициях идентичностей, является индикатором общероссийских интеграционных процессов и устойчивой базисной солидарностью жителей Бурятии.

Список литературы

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31-37.

Дробизжева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.

Дробизжева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100-115.

Дробизжева Л. М. Российская общегражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 4 (43). С. 324-336.

Климова С. Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13-22.

Ковалёва А. И. Разновидности социальной идентичности: подходы и классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89-103.

Сагитова Л. В. Политика идентичности и её акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: Автореферат диссертации на соискание учёной степени д-ра полит. наук. Калининград, 2019. 38 с.

Черняев И. В. Региональная идентичность и формирование «позитивного» имиджа

региона: к вопросу о теоретико-методологических основаниях политики регионального развития // Вестник российской нации. 2015. № 3 (41). С. 196-204.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158-181.

Bauman Z. Soil, Blood, and Identity // Sociological Review. 1992. Vol. 40. Pp. 675-701.

Bornman E. Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // Communication. 2003. Vol. 29, № 1-2. Pp. 24-47.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationalism and the National Question in the New Europe. Cambridge, UK, 1996.

Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity" // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. Pp. 1-47.

Friedmann J. Order and disorder in global systems: a sketch // Social research. 1993. Vol. 60. № 2. Pp. 205-234.

Eisenstadt S.N., Giesen B. The construction of collective identity // Archives Europeennes De Sociologie. 1995. № 1 (36). Pp. 72-102.

Marc E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la société. P., 2009. Pp. 5-20.

Stets J. E., Serpe R. T. Identity theory // Hand book of social psychology. 2013. Pp. 31-60.

References

Avksentiev, V. A., Aksyumov B. V. (2013), "Russians: from civil to civilizational identity", Nauchnjamysl' Kavkaza, (4), 31-37. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2014), "Ethnic solidarity, civil consolidation and prospects of interethnic harmony in the Russian Federation", Obshhestvennye nauki I sovremennost', (1), 119-129. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2018a), "Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness", Polis. Politicheskie issledovaniya, (5), 100-115. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2018 b), "Russian general civil identity in scientific and political discussions and public opinion", Voprosy nacional'n'ykh i federativnykh otnoshenij, 8 (4), 324-336. (In Russian)

Klimova, S. G. (2000), "Stereotypes in the definition of "ours" and "strangers"", Sociologicheskie issledovaniya, (12), 13-22. (In Russian)

Kovaleva, A. I. (2019), "Varieties of social identity: approaches and classifications", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 89-103. (In Russian)

Sagitova, L. V. (2019), "Identity politics and its actors in the context of social transformation in the Republic of Tatarstan", *Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences*, Kaliningrad, 38. (In Russian).

Chernyaev, I. V. (2015), "Regional identity and the formation of a "positive" image of the region: to the question of the theoretical and methodological foundations of the policy of regional development", *Vestnikrossijskojnacii*, (3), 196-204. (In Russian).

Yadov, V. A. (1995), "Social and socio-psychological mechanisms of the formation of a person's social identity", *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*, (3-4), 158-181. (In Russian).

Bauman, Z. (1992), "Soil, Blood, and Identity", *Sociological Review*, 40, 675-701.

Bornman, E. (2003), "Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold", *Communication*, 29 (1-2), 24-47.

Brubaker, R. (1996), *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge, UK.

Brubaker, R., Cooper F. (2000), "Beyond "identity"", *Theory and Society*, 29 (1), 1-47.

Friedmann, J. (1993), "Order and disorder in global systems: a sketch", *Social research*, 60 (2), 205-234.

Eisenstadt, S. N., Giesen, B. (1995), "The construction of collective identity", *Archives Europeennes De Sociologie*, 1 (36), 72-102.

Marc, E. (2009), "La construction identitaire de l'individu", *Identité(S). L'individu, le groupe, la société*, 5-20.

Stets, J. E., Serpe, R. T. (2013), "Identity theory", *Handbook of social psychology*, 31-60.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2021 г. Поступила после доработки 30 мая 2022 г. Принята к печати 03 июня 2022 г.

Received 30 October 2021. Revised 30 May 2022. Accepted 03 June 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Дашибалова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия.

Irina N. Dashibalova, Candidate of Philosophical Sciences, senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia.

Исследовательская статья

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4

Пруцкова Е. В.
Забаяев И. В.
Маркин К. В.

Социальный капитал и религиозность в России:
анализ с позиции «донора» и «реципиента»

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Лихов переулок, дом 6, строение 1, комната 417, Москва, 127051, Россия
evprutskova@gmail.com
zabaev-iv@yandex.ru
markink20@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается динамика различных показателей социального капитала в России и связь социального капитала с религиозностью населения и социально-демографическими факторами. Анализ проводится на основании репрезентативных всероссийских опросов «Ортодокс Монитор» (объем выборки – 1500 респондентов, 2011 г.) и «Религия и Церковь» (объем выборки – 1549 респондентов, декабрь 2020 г.). Полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Мы определяем социальный капитал как включенность в социальные сети поддержки, выделяем несколько типов ресурсов и различаем две ключевые позиции – «донора» и «реципиента» (Забаяев, Орешина, Пруцкова, 2014). Показатели социального капитала с позиции «реципиента» включают размер и состав социальной сети поддержки. В динамике, по сравнению с 2011 г., структура и размер социальной сети поддержки россиян оказались довольно стабильными. Для выявления типов ресурсов, к которым имеется доступ, использовалась модифицированная методика «Ресурс-генератор» М. Гаага и Т. Снайдерса, включающая 18 различных ресурсов, которые можно объединить в четыре укрупненных типа: личная поддержка, помощь с использованием личных умений и навыков, ресурсы, связанные с престижем и образованием, а также ресурсы, связанные со знаниями в области финансов и возможностями трудоустройства. Показатели социального капитала с позиции «донора» включали затраты сил и времени на оказание услуг в виде помощи по хозяйству, материальную помощь и моральную поддержку. В целом, по сравнению с 2011 г., россияне стали чаще выступать в качестве «доноров» социального капитала по всем трем рассматриваемым направлениям. Во всех вопросах отмечается снижение доли затруднившихся ответить. Пандемия COVID-19 остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», и, если даже люди не включались в оказание помощи и не получали помощи от окружающих, по крайней мере, они начали задумываться об этом, и данная тема оказалась в 2020 г. более близка и актуальна для населения страны. Для выявления связи различных показателей социального капитала с религиозностью и социально-демографическими факторами также был построен ряд линейных регрессионных моделей. В исследовании «Религия и Церковь» применялась модифицированная «Шкала центральности религиозности» Ш. Хубера, включающая пять измерений индивидуальной

составляющей и два измерения социальной составляющей религиозности. Результаты регрессионных моделей свидетельствуют о существенной связи различных показателей социального капитала с интеллектуальным измерением религиозности (частотой размышлений на религиозные темы) и наличием социальных связей с членами религиозных общин. Среди социально-демографических показателей ключевую роль в формировании социального капитала играют возраст, материальное положение и наличие работы.

Ключевые слова: социальный капитал; «Ресурс-генератор»; социальные сети поддержки; религиозность; Шкала центральности религиозности

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации» при поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, проект № 20-1-037307.

Информация для цитирования: Пруцкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента» // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 39-59. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4.

Research article

Elena V. Prutskova
Ivan V. Zabaev
Kirill V. Markin

**Social capital and religiosity in Russia:
Analysis from the “donor” and “recipient” perspective**

“Sociology of Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University
bld. 6/1, Likhov alleyway, room 417, Moscow, 127051, Russia
evprutskova@gmail.com
zabaev-iv@yandex.ru
markink20@gmail.com

Abstract. The article discusses the dynamics of various indicators of social capital in Russia and the relationship of social capital with religiosity and socio-demographic factors. The analysis is based on national representative surveys “Orthodox Monitor” (1500 respondents, 2011) and “Religion and Church” (1549 respondents, December 2020). We define social capital as involvement in social support networks. We differentiate between several types of resources, and distinguish the position of “the donor” and “the recipient” (Zabaev, Oreshina, Prutskova, 2014). Indicators of social capital from the “recipient” perspective include the size and composition of the social support network. Compared to 2011, the structure and size of the social support networks in 2020 turned out to be quite stable. The types of resources are evaluated via a modified “Resource Generator” method, which includes 18 different resources that can be combined into four broad categories: personal support, personal skills, prestige and education related resources, and financial skills / employment opportunities. Indicators of social capital from the “donor” perspective include the provision of household assistance, material assistance, and moral support. Compared to 2011, Russians have become more likely to act as “donors” of social capital in all three domains. There is also a significant decrease in the proportion of “hard to answer” option in all items. The

COVID-19 pandemic has sharply raised the issue of inclusion in social support networks, both from the “donor” and the “recipient” perspective. Even if people were not included in the provision of care and did not receive help from others, at least they began to think about it, and this topic turned out to be more relevant for people in 2020. In the “Religion and Church” survey, religiosity was measured via a modified “Centrality of Religiosity Scale” proposed by S. Huber. Linear regression models show a significant relationship of various indicators of social capital with the intellectual dimension and the social component of religiosity. Among socio-demographic indicators, age, financial situation and having a paid work play a significant role in the formation of social capital.

Keywords: social capital; Resource Generator; social support networks; religiosity; Centrality of Religiosity Scale

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project “Social work of the Russian Orthodox Church: Development factors and the problem of institutionalization” supported by a grant from the President of the Russian Federation for the development of civil society (project № 20-1-037307).

Information for citation: Prutskova, E. V., Zabaev, I. V., Markin, K. V. (2022), “Social capital and religiosity in Russia: Analysis from the “donor” and “recipient” perspective”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 39-59. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4.

Введение (Introduction). Русская православная церковь часто анализируется через призму ее отношений с государством (Малахов, Летняков, 2019; Карпич, 2021), в связи с производством той или иной идеологии (Zasanska, 2019), в связи с наличием в ней тех или иных протестных настроений, фундаментализма и/или антимодернизма (Кнорре, Мурашова, 2021); часто анализируется динамика и количество верующих, – как в целом (Лебедев, Благодеев, 2014; Кублицкая, Назаров, 2019; Лебедев, 2020), так и тех или иных конкретных групп или поколений (Павлюткин, 2020). Иными словами, преимущественно религиозность в России анализируется или на макроуровне – всей церкви, как политического агента; или на микроуровне – на уровне индивидуальной религиозности. Подобный взгляд имеет свои следствия, – религия предстает или частным делом человека, чем-то вроде его стиля жизни или вкусовых предпочтений; или же политической силой (или слабостью – зависит от позиции аналитика), которая (в лучшем случае) оказывает незначительное влияние на повседневную жизнь.

В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на третью возможную перспективу, а именно на существование религии (Русской Православной Церкви в частности) на мезоуровне – на уровне социальных связей, построения общин и коллективов, на уровне развития или противостояния тем или иным видам социальной солидарности. Безусловно, исследования современного русского православия в этой связи проводятся (Врублевская, 2016; Орешина и др., 2018; Schulte, Cook, 2020), однако, нельзя не признать, что данный подход не является доминирующим в современной повестке. Так, остается проблематичным описание церковной институции как связанных между собой, самоорганизующихся и самовоспроизводящихся общин. С одной стороны, церковь предполагает существование и производство религиозных сообществ, которые могут обладать уникальным социальным капиталом. С другой – структура внутриобщинных взаимодействий, в которых воспроизводится идея церкви как места общения с Богом, а не с людьми, может предполагать крайнюю степень «сакраль-

ного индивидуализма» (Забаев, 2011) и блокировать доступ индивида к социальному капиталу общины.

Исследование религии на мезоуровне позволяет оценивать степень и характер того, как она включается в формирование ткани общественной жизни на низовом уровне, является ли та или иная конфессия ресурсом для построения сетей поддержки и социальной солидарности или наоборот, – скорее оставляет человека в одиночестве, предлагая в рамках интеллектуального измерения религиозности мыслить проблемы повседневной жизни недостойными внимания верующего человека.

В статье рассматривается динамика различных показателей социального капитала в России и связь социального капитала с религиозностью населения и социально-демографическими факторами.

Методология исследования и методы (Methodology and methods). *Понятие социального капитала.* Категория социального капитала осмысливалась рядом социальных теоретиков. Например, П. Бурдьё пишет, что это понятие появилось «в результате необходимости выявить принцип социальных воздействий, которые несводимы к набору свойств, принадлежащих данному агенту на индивидуальном уровне... Эти воздействия... особенно заметны в тех случаях, когда различные индивиды получают слишком неравные прибыли при практически равном капитале (экономическом или культурном), – в зависимости от степени, в какой они способны мобилизовать капитал через свою близость к группе...» (Бурдьё, 2002: 66). Дж. Коулмен определяет социальный капитал как свойство социальной структуры: «социальная организация составляет социальный капитал, способствующий достижению целей, которые не могли бы быть достигнуты в ее отсутствие, или могли бы быть достигнуты только с более высокими затратами» (Coleman, 1990). Р. Патнэм вводит различие «открытого» (*bridging*) и «закрытого» (*bonding*) социального капитала (Putnam, 2001).

В различных научных работах продемонстрировано, как религия может становиться фактором, усиливающим способность группы продуцировать социальный капитал (Schneider, 2006; Wuthnow, 2006). Например, Патнэм считает религию важным фактором, способствующим сохранению и возникновению различных социальных благ. Религиозные организации, с его точки зрения, полезны для общества как непосредственно, то есть оказывая социальную поддержку своим членам, так и опосредованно – формируя среди них навыки гражданственности, распространяя определённые моральные ценности, проповедуя альтруизм и социальную ответственность (Putnam, 2001). Х. Унру и Р. Сайдер полагают, что конгрегации преобразуют социальный капитал в благополучие конкретных индивидов, поддерживая вовлечённость своих участников в «неравнодушное сообщество» (Unruh, Sider, 2005: 236). И. В. Забаев, Д. А. Орешина и Е. В. Пруцкова также отмечали, что религия является значимым фактором повышения социального капитала, формирования и укрепления социальных сетей поддержки в России (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014).

Операционализация социального капитала. Операционализируя понятие социального капитала, исследователи предлагают различать сами ресурсы и возможности доступа к этим ресурсам, вводя при этом развернутые системы ключевых типов ресурсов (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014; Sapin *et al.*, 2020). Каждый актор в социальной сети поддержки может выступать и в роли «донора», и в роли «реципиента». Данное различие предлагается А. Портесом который, оппонируя Коулмену (не проводившему данное различие), утверждает, что мотивы «доноров» – «источников» ресурсов в сети поддержки и «реципиентов» – «обладателей» социального капитала, которые через включённость в сеть поддержки имеют доступ к ресурсам «доноров», могут существенно различаться (Portes, 2000).

Оппозиция «донор»-«реципиент» применялась и в российских эмпирических

исследованиях. Например, С. Ю. Барсукова выделяет 4 типа участников в сети обмена продуктами, деньгами и трудом в зависимости от интенсивности участия: радикальный / умеренный донор, радикальный / умеренный реципиент (Барсукова, 2005). Г. В. Градосельская разработала типологию акторов в сети обмена ресурсами (деньги, связи, продукты, труд): доноры и потребители, соответственно, отправляют и получают трансферы, акторы «обмена» могут и отправлять, и получать трансферы, «независимые» акторы не участвуют в операциях обмена (Градосельская, 1999).

В данной работе мы понимаем социальный капитал как участие в сетях поддержки. Также мы принимаем оппозицию «донор»-«реципиент», выделенную по определенному набору ресурсов.

Социальный капитал «реципиента» подразумевает оценку: (1) состава социальной сети поддержки, (2) ее размерности (3) и набора доступных для использования ресурсов. Для оценки последней составляющей мы применяем модифицированную методику «Ресурс-генератор», предложенную М. Гаагом и Т. Снайдерсом (Gaag, Snijders, 2005) и модифицированную нами для применения в массовых опросах в России. В свою очередь, социальный капитал «донора» предполагает оценку частоты участия в поддержке окружающих: оказания помощи по хозяйству, материальной помощи и моральной поддержки (Забавин, Орешина, Пруцкова, 2014).

Социальный капитал и религиозность. Связь религии и социального капитала активно исследуется в эмпирической социологии (Alexseev, Zhemukhov, 2015; Kaasa, 2015; Swart, 2017).

Чаще всего для оценки воздействия религии на ценности и нормы, а также различные показатели поведения, как индикатор религиозности используется частота посещения церковных служб. В книге «Священное и светское» Р. Инглхарт и П. Норрис используют именно этот показатель наряду с важностью религии в жизни человека, поскольку данные индикаторы

максимально универсальны для разных религиозных традиций (Inglehart, Norris, 2004: 219-225). Однако, наряду с данным подходом, не менее значимой является традиция многомерной оценки религиозности, которую развивали Ч. Глок и Р. Старк (Glock, 1962; Stark, Glock, 1968), Дж. Фолкнер и Г. де Йонг (Faulkner, de Jong, 1966), М. Кинг и Р. Хант (King, 1967; King, Hunt, 1975) и др. Модернизированным вариантом данного подхода стал инструментарий оценки «центральности религиозности» (Centrality of Religiosity Scale или CRS) в жизни человека (Huber, 2009; Huber, Huber, 2012). Анализируя Г. Олпорта (Allport, Ross, 1967), автор данного подхода Ш. Хубер предлагает три градации религиозности согласно месту, которое занимает личная религиозная система (personal religious system) человека в его внутреннем психическом мире (Huber, 2009: 36–37): центральное (central) место соответствует высокой религиозности, подчинённое (subordinate) место – умеренной религиозности и маргинальное (marginal) – слабой религиозности. Различные версии шкалы предполагают как индивидуальную, так и социальную составляющую. Версия Шкалы центральности религиозности, предложенная Хубером, включала пять измерений: интеллектуальное измерение, личные и публичные религиозные практики, религиозный опыт, идеологическое измерение (Huber, Huber, 2012). Модернизированная шкала CRS-SOC (Prutskova, 2021) предполагает, помимо пяти измерений индивидуальной религиозности, оценку социальной составляющей – социальных связей со священнослужителями и религиозными мирянами (приходской общиной).

Источники данных. Анализ проводится на основании репрезентативных всероссийских опросов «Ортодокс Монитор» и «Религия и Церковь», проведенных при участии авторов.

Всероссийский опрос «Ортодокс Монитор» – это инициативный проект Исследовательского семинара «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Всероссийский опрос «Религия и Церковь» проходил в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации», организация выполнения проекта – Свято-Тихоновский Богословский Институт. В обоих случаях генеральной совокупностью является городское и сельское население Российской Федерации в возрасте от 18 лет и старше. Опрос «Ортодокс Монитор» (2011 г., 1500 респондентов) проходил на территории 44 субъектов РФ, более чем 100 населенных пунктов, опрос «Религия и Церковь» (декабрь 2020 г., 1549 респондентов) – на территории 53 субъектов РФ, также более чем 100 населенных пунктов. Полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение».

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Социальный капитал с позиции «реципиента».* Со-

став социальной сети поддержки. Для выявления размера и структуры социальной сети поддержки россиян, использовался вопрос: «Если Вы попадете в кризисную ситуацию (например, потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?». У большинства россиян есть к кому обратиться за помощью в трудной жизненной ситуации – всего 6% в 2011 г. и 7% в 2020 г. ответили, что таких людей нет. Большинство опрошенных могли бы обратиться за помощью к семье и родственникам: 84% в 2011 г. и 82% в 2020 г. и к близким друзьям – 47% в 2011 г. и 43% в 2020 г. Остальные варианты ответов встречаются намного реже: 10% в 2011 и 12% в 2020 г. могли бы обратиться к знакомым, 7% – к соседям. Чуть чаще, чем 9 лет назад, респонденты выбирали вариант ответа «к коллегам по работе»: 5% в 2011 г. и 9% в 2020 г. Состав социальной сети поддержки россиян в 2020 г., по сравнению с 2011 г., практически не изменился.

Таблица 1

Если Вы попадете в кризисную ситуацию (например, потеря работы, проблемы в семье или болезнь), к кому Вы можете обратиться за помощью?

Table 1

If you were in a crisis (loss of job, family problems, illness, etc.), to whom would you turn for help?

Варианты ответа / answer options	2011	2020
к семье, родственникам / family, relatives	84	82
к близким друзьям / close friends	47	43
к знакомым / acquaintances	10	12
к соседям / neighbors	7	7
к руководителю на работе / supervisor at work / employer	3	4
к коллегам по работе / colleagues	5	9
к прихожанам моего храма / people from my parish	2	2
к священнику (мулле, раввину, лидеру религиозной общины) / a priest (mullah, rabbi, leader of a religious community)	5	5
к представителям государственных структур / government officials	3	4
к представителям благотворительных организаций / social welfare groups	1	2
к незнакомым людям / strangers	1	1
к другим людям / other	1	0
ни к кому / no one	6	7
затрудняюсь ответить / hard to answer	1	1
другое – к Богу / other - God	<1	<1
N (респ.) / N (resp.)	1500	1549

Размер социальной сети поддержки.

Для оценки размера сети поддержки, в которую включены респонденты, задавался вопрос «Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?»¹.

Социальные сети поддержки большинства россиян включают нескольких человек. Всего 6% в 2011 г. и 7% в 2020 г. ответили, что есть всего один такой человек, 27% и 30% соответственно могут обратиться за помощью к 2-3 людям, 22% в 2011 г. и 25% в 2020 г. считают, что таких людей в их окружении четверо или пятеро, 23% и 26% соответственно – 6 или более.

За прошедшие 9 лет этот показатель также оказался довольно стабильным. Если сравнить данные за 2011 и 2020 гг., то единственное произошедшее существенное изменение за этот период – это значительное уменьшение доли затруднившихся ответить на вопрос о том, сколько в ближайшем окружении людей, к которым можно обратиться за помощью. Мы предполагаем, что это снижение было связано с ситуацией пандемии, которая заставила людей задуматься о том, сколько в их окружении таких людей, которые могли бы в случае необходимости оказать ту или иную поддержку.

Таблица 2

Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации?

Table 2

How do you think, how many people could you turn to for help in a crisis?

Варианты ответа / answer options	2011	2020
таких людей нет / there are no such people	6	7
один человек / one	6	7
2 – 3 человека / 2-3 people	27	30
4 – 5 человек / 4-5 people	22	25
6 – 9 человек / 6-9 people	8	13
10 и более человек / 10 or more people	15	13
затрудняюсь ответить / hard to answer	17	5
<i>N (resp.) / N (resp.)</i>	1500	1549

Ресурс-генератор. Для нашего исследования на основании методики «Ресурс-генератор» М. Гаага и Т. Снайдерса (Gaag, Snijders, 2005) был разработан инструментарий, включающий 18 различных ресурсов. Респондентам предъявлялись описания гипотетического человека, обладающего определенным ресурсом, и предлагалось выбрать из предложенного списка, есть ли среди родственников, друзей или знакомых такие люди. Всего 5% опрошенных указали, что в их социальном окружении таких людей нет.

Более чем у половины опрошенных есть кто-то, кто мог бы оказать личную поддержку: человек, к которому можно пойти в

гости (58%), обсудить личные вопросы (52%), или человек, которого можно попросить сходиться за покупками в случае болезни – собственной или членов семьи (46%). Также у большинства есть в окружении человек, который мог бы оказать какую-то помощь с использованием личных умений и навыков: отвезти куда-то на машине (69%), отремонтировать автомобиль, велосипед и т.д. (57%), помочь с мелким ремонтом – починить кран, поклеить обои и т.п. (52%). Заметное более редки ресурсы, связанные с престижем и образованием, а также знаниями в области финансов и возможностями трудоустройства.

¹ Вопрос о размере сети поддержки в 2011 г. задавался без подсказок, респондентов просили записать

ответ числом, в 2020 варианты ответа предлагались респондентам на карточке.

Таблица 3

На карточке перечислены различные люди. Скажите, есть ли среди Ваших родственников, друзей или знакомых такие люди?

Table 3

There are different people on the card. Are there any such people among your relatives, friends or acquaintances?

Варианты ответа / answer options	%
человек, который может отремонтировать автомобиль, велосипед и т.д. / can repair a car, bike	57
человек, который может отвезти куда-то на машине Вас или членов Вашей семьи / owns a car and can take you or a member of your family somewhere, if necessary	69
человек, который имеет научную степень, окончил аспирантуру или имеет несколько высших образований / has an academic degree, post-graduate degree, or several higher education degrees	27
человек, который может помочь с получением малодоступных медицинских услуг (устройство в хорошую больницу, на консультацию и лечение к известному специалисту и т. д.) / can help to get access to rare/high-quality medical services (treatment in a good hospital, well-known specialist consultation)	27
человек, который разбирается в финансовых вопросах (налоги, пособия, субсидии) / has knowledge about financial matters (taxes, subsidies)	35
человек, который может помочь с трудоустройством, дать рекомендацию или помочь найти дополнительный заработок / can help with employment, provide recommendations, or help find extra earnings	24
человек, который может дать полезный совет в случае конфликта на работе / can give useful advice concerning a conflict at work	35
человек, который может помочь с мелким ремонтом (починить кран, поклеить обои и т.п.) / can do small jobs around the house (repair a faucet, put up wall-paper, etc.)	52
человек, который может сходить за покупками, если Вы или члены Вашей семьи больны / can do your shopping when you or members of your household are ill	46
человек, который может дать медицинский совет / can give medical advice	41
человек, который может одолжить Вам большую сумму денег (например, 100 тысяч рублей) / can lend a large sum of money (100,000 rubles or more)	22
человек, у которого Вы можете при необходимости пожить неделю или больше / can provide you with a place to stay for a week or longer if needed	40
человек, который может помочь устроить ребёнка в дошкольное учреждение, хорошую школу, колледж, вуз и т. д. / can help a child enter a kindergarten, good school, college, university, etc.	11
человек, который мог бы помочь решить проблемы с представителями власти (полицией, армией, судом, прокуратурой) / can help you deal with authorities (police, army, court), if there are any problems	16
человек, который может дать совет по правовым, юридическим вопросам / can give advice on laws, judicial proceedings, governmental regulations	25
человек, который может посидеть с Вашими детьми / can babysit your children	28
человек, к которому Вы можете пойти в гости / can receive you on social visits	58
человек, с которым Вы можете обсудить личные вопросы / with whom you can discuss intimate matters	52
нет таких людей / no such people	5
затрудняюсь ответить / hard to answer	2
<i>N (resp.) / N (resp.)</i>	1549

Количество выбранных в вопросе позиций отражает разнообразие ресурсов, составляющих социальный капитал человека. В среднем опрошенные выбирали 6,7 позиций из списка. 8% имеют доступ только к

одному из перечисленных видов ресурсов (Рисунок), 32% – от двух до пяти видов ресурсов, 30% опрошенных выбрали от шести до десяти позиций, 22% – 11 или более позиций из списка.

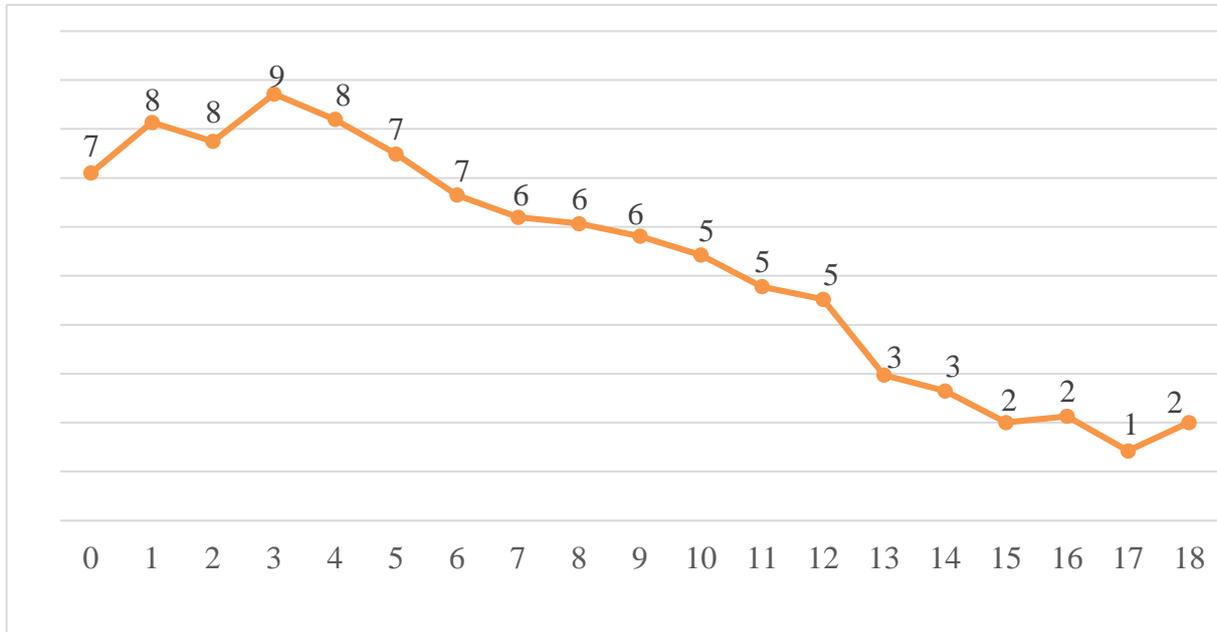

Рисунок. Разнообразие социального капитала (количество выбранных позиций «Ресурс-генератора»), % от опрошенных

Figure. Diversity of social capital (number of “Resource Generator” items chosen by respondents), % of respondents

Социальный капитал с позиции «донора». Социальный капитал с позиции «донора» – это (1) затраты сил и времени на оказание помощи по хозяйству, (2) материальная помощь, (3) моральная поддержка (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014). В динамике в 2020 г., по сравнению с 2011 г., россияне, в целом, более часто включались во взаимодействие с окружающими в качестве «доноров» социального капитала. Так, если рассмотреть динамику варианта ответа «раз в неделю или чаще», доля помогавших кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками увеличилась с 23% в 2011 г. до 35% в 2020 г., доля тех, кто еженедельно уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком, увеличилась с 25% в 2011 г. до 34% во

время второй волны пандемии COVID-19 в декабре 2020 г. Однако в то же время увеличилась и доля тех, кто ни разу за последний год не оказывали моральной поддержки окружающим (с 12% до 18%) и никому не давали денег в займы (с 22% до 32%).

В этом вопросе также можно отметить снижение доли затруднившихся ответить респондентов. Можно предположить, что пандемия остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», и, если даже люди сами не включались в оказание помощи и не получали помощи от окружающих, по крайней мере, они начали чаще задумываться об этом.

Таблица 4

Я перечислю Вам различные виды помощи, а Вы посмотрите на карточку и скажите, как часто за последний год Вы делали что-либо из этого для своих родственников, друзей, соседей или знакомых? Итак, как часто за последний год Вы...

Table 4

I will list the various types of help. Look at the card and tell me how often over the past year have you done any of these for your relatives, friends, neighbors or acquaintances?
So how often in the past year have you...

Варианты ответа / answer options	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your household with housework or shopping?		...давали денег в займы? / ...lent money to another person?		...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	
	2011	2020	2011	2020	2011	2020
раз в неделю или чаще / once a week or more often	23	35	7	11	25	34
два-три раза в месяц / two-three times a month	15	16	13	12	17	13
примерно один раз в месяц / once a month	14	12	18	16	16	14
не менее 2-3 раз за год / 2-3 times a year	15	10	24	16	15	10
один раз за год / once a year	6	4	8	9	6	6
ни разу за последний год / never in the last year	20	20	22	32	12	18
затрудняюсь ответить / hard to answer	8	3	9	5	10	5
<i>N (resp.) / N (resp.)</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>	<i>1500</i>	<i>1549</i>

Социальный капитал и социально-демографические факторы. Для выявления связи различных показателей социального капитала с социально-демографическими факторами на основании данных опроса «Религия и Церковь» 2020 г. был построен

ряд линейных регрессионных моделей (см. таблицу 5 и таблицу 6). Для каждого из показателей приводятся три модели – с полным набором показателей религиозности и социально-демографических признаков (Модели 1, 4, 7, 10, 13), включавшихся в

анализ, с частотой посещения религиозных служб в качестве единственного показателя религиозности и полным набором социально-демографических признаков (Модели 2, 5, 8, 11, 14), а также финальная модель, где присутствуют только значимые факторы (Модели 3, 6, 9, 12, 15)².

Среди показателей религиозности ключевым с точки зрения связи с социальным капиталом во всех его измерениях оказался социальный аспект, а именно – количество воцерковленных православных в социальном окружении респондента. Чем больше в эго-сети человека православных верующих, регулярно посещающих богослужения, тем выше социальный капитал с позиции реципиента – шире круг людей, к которым респондент может обратиться за помощью в трудной ситуации и набор ресурсов, к которым человек может получить доступ посредством активизации социальных связей. Это, конечно, может объясняться не только спецификой православия, но и просто наличием социальных связей – не важно, каких именно. Однако помимо этого значимый положительный эффект мы наблюдаем и в случае с социальным капиталом с позиции донора: чем больше в социальном окружении воцерковленных православных, тем чаще такие люди и сами помогают кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками, оказывают материальную или моральную поддержку.

Наличие социальных связей со священнослужителями значимо положительно связано в построенных моделях (при контроле других аспектов религиозности и различных социально-демографических характеристик) с одним из показателей социального капитала с позиции «донора», а именно – с оказанием финансовой поддержки, а также с одним из показателей социального капитала с позиции «реципиента» – размером социальной сети поддержки. Респонденты, чаще обращающиеся

к священнику за советом по повседневным вопросам, чаще давали деньги взаймы и сами имеют более обширную сеть социальной поддержки.

Люди, получившие религиозное воспитание, также чаще оказывались в позиции «донора», помогая кому-либо вне своего дома по хозяйству или с покупками, а также оказывая материальную поддержку.

Среди всех показателей социального капитала наилучшее качество построенной модели характеризует моральную поддержку. Здесь, помимо социального аспекта религиозности, важную роль играет наличие религиозного опыта и интеллектуальное измерение религиозности. Люди, которые ощущают вмешательство Бога или неких божественных сил в свою жизнь, а также часто размышляют на религиозные темы, склонны чаще уделять время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком.

Среди социально-демографических факторов ключевую роль играют возраст и материальное положение. С возрастом социальный капитал как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента» снижается, в то время как материальная обеспеченность положительно связана с социальным капиталом (во всех моделях, за исключением оказания помощи по хозяйству). Женщины, люди, не состоящие в зарегистрированном браке, а также жители более крупных населенных пунктов, при прочих равных, чаще уделяли время для оказания моральной поддержки окружающим.

Разнообразие ресурсов, к которым люди имеют доступ посредством социальных связей, заметно больше у тех, кто и сам оказывает помощь окружающим людям. К такому выводу мы приходили в наших предыдущих исследованиях (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014), теперь он подтвержден и на основании других массивов данных. При этом существенное влияние на

² При включении в регрессионную модель меньшего числа независимых переменных заметно увеличивается база для анализа, поскольку сокращается количество переменных с пропущенными данными.

В частности, это может приводить к тому, что ряд переменных, которые были статистически значимы в полной модели, могут быть исключены из финальной модели как незначимые.

формирование социального капитала с позиции «реципиента» оказывает только личное участие человека в поддержке окружающих – помощь по хозяйству или с покупками либо оказание моральной поддержки, в то время как одалживание денег такого эффекта не имеет.

Заключение (Conclusions). В настоящем тексте мы хотели обсудить функционирование русского православия на мезоуровне, и оценить какой вклад Русская Православная Церковь вносит в формирование социального капитала ее последователей.

В целом, по сравнению с 2011 г., россияне стали чаще выступать в качестве «доноров» социального капитала по различным направлениям – оказывать моральную и материальную поддержку окружающим, помогать друг другу по хозяйству и с покупками. Пандемия COVID-19 остро поставила вопросы включенности в сети социальной поддержки, как с позиции «донора», так и с позиции «реципиента», данная тема оказалась в 2020 г. более близка и актуальна для населения страны. Во всех вопросах о социальном капитале, по которым возможно отследить динамику, по сравнению с 2011 г. отмечается снижение доли затруднившихся ответить.

Применение многомерной Шкалы центральности религиозности (CRS-SOC) позволило включить в регрессионные модели различные измерения религиозности (пять измерений индивидуального аспекта религиозности и два измерения социального аспекта) и выявить некоторые интересные эффекты. В регрессиях при включении в качестве предиктора только одного показателя религиозности – частоты посещения религиозных служб – в большинстве моделей коэффициенты были положительными и статистически значимыми. Чем выше частота посещения служб, тем чаще люди были склонны и сами помогать окружающим, и сами были включены в более обширную сеть поддержки. Единственным показателем, где регрессионный коэффициент оказался статистически незначимым,

была модель для числа позиций «Ресурс-генератора». В то же время, при включении в модель всех показателей Шкалы центральности религиозности, а также вероисповедания и первичной религиозной социализации (религиозного воспитания), регрессионные коэффициенты для частоты посещения служб оказывались статистически незначимы, на первый же план выходило в первую очередь социальное измерение религиозности – общение со священником и принадлежность к общине, а также, в ряде случаев, интеллектуальное измерение религиозности – частота размышления на религиозные темы. С содержательной точки зрения это означает, что для формирования социального капитала недостаточно просто ходить на службы. Результаты нашего анализа показывают, что социальный капитал (особенно – с позиции «донора») увеличивается только в случае, когда участие в религиозных практиках сопровождается не только общением с единоверцами, но также и осмыслением вопросов веры, регулярным размышлением на темы, связанные с религией.

Первое очевидно: посещение церковных служб далеко не всегда влечет за собой общение и возникновение социальных связей. В качестве иллюстрации можно привести пример «сакрального индивидуализма» – специфического комплекса установок, основой которого является разделение мира на две части – сакральную и профанную, и восприятие столкновения с другими людьми в церкви как помехи для доступа к сакральному: «Для ряда людей, церковь является тем местом, куда хочется уйти. ... Церковь при этом не является сообществом, куда хочется прийти. Она воспринимается вне социальной реальности» (Забаяев, 2011: 347).

Второе намного менее очевидно, но также логично, что только для тех, кто начинает задумываться на темы, связанные с религией, вероучение начинает переходить на уровень практического воплощения, в частности – реализуется в помощи и поддержке, оказываемой окружающим людям.

Список литературы

- Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34-45.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. Т. 1. № 13. С. 103-127.
- Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156-163.
- Забаев И. В. «Сакральный индивидуализм» и община в современном русском православии // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджанян, К. Русселе. М.: Весь Мир, 2011. С. 341-354.
- Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 40-66.
- Карпич Ю. Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 48-69.
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. 2021. Т. 30. № 2. С. 146-166.
- Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской Академии Наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1120-1127.
- Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: Философия, Религия, Культура. 2020. Т. 4. № 3. С. 85-104.
- Лебедев С. Д., Благович М. Институциональная и личностная идентификация православия в России и Сербии // Человек. 2014. № 3. С. 107-111.
- Малахов В. С., Летняков Д. Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 4. С. 49-67.
- «Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века / Орешина Д. А., Врублевская П. В., Забаев И. В., Павлюткина Е. Л. М.: Издательство ПСТГУ, 2018. 320 с.
- Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодежи в России // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 153-183.
- Alexseev M. A., Zhemukhov S. N. From Mecca with Tolerance: Religion, Social Recategorisation and Social Capital // Religion, State and Society. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 371-391.
- Allport G. W., Ross M. J. Personal Religious Orientation and Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. No. 4. P. 432-443.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 993 p.
- Faulkner J. E., de Jong G. F. Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis // Social Forces. 1966. Vol. 45. No. 2. P. 246-254.
- Gaag M. V-D., Snijders T. A. B. The Resource Generator: Social Capital Quantification with Concrete Items // Social Networks. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 1-29.
- Glock Ch. Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education. 1962. Vol. 57. Sup. 4. P. 98-110.
- Huber S. Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies // What the World Believes: Analyses and Commentary on the Religion Monitor 2008 / ed. by M. Rieger. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009. P. 17-51.
- Huber S., Huber O. W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // Religions. 2012. Vol. 3. № 3. P. 710-724.
- Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. 329 p.
- Kaasa A. Culture, Religion and Social Capital: Evidence from European Regions // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35. № 11/12. P. 772-794.
- King M. B. Measuring the Religious Variable: Nine Proposed Dimensions // Journal for the Scientific Study of Religion. 1967. Vol. 6. № 2. P. 173-190.

King M. B, Hunt R. A. Measuring the Religious Variable: National Replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1975. Vol. 14. № 1. P. 13-22.

Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications* / ed. by E. L. Lesser. Boston: Butterworth-Heinemann, 2000. P. 43-67.

Prutskova E. V. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia // *Religions*. 2021. Vo. 12. № 15. P. 1-18.

Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2001. 541 p.

Sapin M., Joye D., Wolf C. The ISSP 2017 Social Networks and Social Resources Module // *International Journal of Sociology*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 1-25.

Schneider J. A. *Social Capital and Welfare Reform: Organizations, Congregations, and Communities*. New York: Columbia University Press, 2006. 445 p.

Schulte D., Cook L. Faith-Based Welfare Provision in Russia // *Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe* / ed. by G. Miguel, P. Ch. Manuel. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 37-57.

Stark R., Glock Ch. Y. *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press, 1968. 250 p.

Swart I. Social Capital, Religious Social Capital and the Missing Element of Religious Ritual // *Religion & Theology*. 2017. Vol. 24. № 3-4. P. 221-249.

Unruh H. R., Sider R. J. *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. 323 p.

Wuthnow R. *Saving America: Faith-Based Services and the Future of Civil Society*, Princeton: Princeton University Press, 2006. 376 p.

Zasanska N. New Producers of Patriarchal Ideology: Matushki in Digital Media of Russian Orthodox Church // *ESSACHESS - Journal for Communication Studies*. 2019. № 12. P. 99-128.

References

Barsukova, S. Yu. (2005), "Network Exchanges of Russian Households: Experience of

Empirical Research", *Sociological Studies*, 8, 34-45. (In Russian).

Bourdieu, P. (2002), "Forms of Capital", *Journal of Economic Sociology*, 3 (5), 60-74. (In Russian).

Vrublevskaya, P. V. (2016), "Circulation of children's items in Christian Orthodox Parish: Observations to the gift exchange theory", *Researches in Religious Studies*, 1 (13), 103-27. (In Russian).

Gradoselskaya, G. V. (1999), "Social Networks: Private Transfers Exchange", *Sociological Journal*, (1-2), 156-163. (In Russian).

Zabaev, I. V. (2011), "Sacred Individualism and the Community in Contemporary Russian Orthodoxy", in Agadjanian, A. and Rousselet, C. (eds.), *Prihod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaya sistema rossijskoj religioznosti* [Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity], Moscow, Ves' Mir, 341-354. (In Russian).

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A and Prutskova, E. V. (2014), "Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 32 (1), 40-66. (In Russian).

Karpich, Y. (2021), "The Political Choice of Orthodox Believers in Russia: Strengths and Limitations of Qualitative and Quantitative Approaches to Research" *Russian Sociological Review*, 20 (2), 48-69. (In Russian).

Knorre, B. K. and Murashova, A. A. (2021), "In the Beginning Was the Word; Will a Number Be in the End? Orthodoxy and Anti-digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus", *Mir Rossii*, 30 (2), 146-166. (In Russian).

Kublitskaya, E. A. and Nazarov, M. M. (2019), "Dynamics of religiosity in contemporary Russia according to research in the capital region", *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 11 (89), 1120-1127. (In Russian).

Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of Religious Communities as a Key Tool to Understanding the Evolution of Sociological Concepts of Religiosity", *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 4 (3), 85-104. (In Russian).

Lebedev, S. D. and Blagoevich, M. (2014), "Institutional and Personal Identification of Orthodoxy in Russia and Serbia", *Chelovek*, (3), 107-111. (In Russian).

Malakhov, V. S. and Letnyakov, D. E. (2019), "The Russian State in the Religious Sphere

(or National Secularism)”, *Mir Rossii*, 28 (4), 49-67. (In Russian).

Oreshina, D. A., Vrublevskaya, P. V., Zabaev, I. V. and Pavlyutkina, E. L. (2018), «Partnerskij prihod»: *Sotrudnichestvo svjashhennikov i mirjan v razvitii social'noj dejatel'nosti v prihodah RPC v nachale XXI veka* [“Partner Parish”: Cooperation of Priests and Laity in the Development of Social Activities in the Parishes of the Russian Orthodox Church at the Beginning of the 21st Century], Moscow, Izd-vo PSTGU. (In Russian).

Pavlyutkin, I. V. (2020), “Dynamics of religious commitments of young people in Russia”, *Research Result. Sociology and Management*, 6 (3), 153-183. (In Russian).

Alexseev, M. A. and Zhemukhov, S. N. (2015), “From Mecca with Tolerance: Religion, Social Recategorisation and Social Capital”, *Religion, State and Society*, 43 (4), 371-391.

Allport, G. W. and Ross, M. J. (1967), “Personal Religious Orientation and Prejudice”, *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4), 432-443.

Coleman, J. (1990), *Foundations of Social Theory*, Cambridge, MA.

Faulkner, J. E. and de Jong, G. F. (1966), “Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis”, *Social Forces*, 45 (2), 246-254.

Gaag, M.V-D. and Snijders, T. A. B. (2005), “The Resource Generator: Social Capital Quantification with Concrete Items”, *Social Networks*, 27 (1), 1-29.

Glock, Ch. Y. (1962), “On the Study of Religious Commitment”, *Religious Education*, 57 (4), 98-110.

Huber, S. (2009), “Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational Constructs, Interpretive Strategies”, in Rieger, M. (ed.), *What the World Believes: Analyses and Commentary on the Religion Monitor 2008*, Gütersloh, Verlag Bertelsmann Stiftung, 17-51.

Huber, S. and Huber, O. W. (2012), “The Centrality of Religiosity Scale (CRS)”, *Religions*, 3 (3), 710-724.

Inglehart, R. and Norris, P. (2004), *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*, Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press.

Kaasa, A. (2015), “Culture, Religion and Social Capital: Evidence from European Regions”, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 35 (11/12), 772-794.

King, M. B. (1967), “Measuring the Religious Variable: Nine Proposed Dimensions”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 6 (2), 173-190.

King, M. B. and Hunt, R. A. (1975), “Measuring the Religious Variable: National Replication”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 14 (1), 13-22.

Portes, A. (2000), “Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology”, in Lesser, E. L. (ed.), *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications*, Boston, Butterworth-Heinemann, 43-67.

Prutskova, E. V. (2021), “Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia”, *Religions*, 12 (15), 1-18.

Putnam, R. D. (2001), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York, Simon & Schuster.

Sapin, M., Joye, D. and Wolf, C. (2020), “The ISSP 2017 Social Networks and Social Resources Module”, *International Journal of Sociology*, 50 (1), 1-25.

Schneider, J. A. (2006), *Social Capital and Welfare Reform: Organizations, Congregations, and Communities*, New York, Columbia University Press.

Schulte, D. and Cook, L. (2020), “Faith-Based Welfare Provision in Russia.” In Miguel, G. and Manuel, P. Ch. (ed.), *Faith-Based Organizations and Social Welfare: Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe*, Cham, Springer International Publishing, 37-57.

Stark, R. and Glock, Ch. Y. (1968), *American Piety: The Nature of Religious Commitment*, Berkeley, University of California Press.

Swart, I. (2017), “Social Capital, Religious Social Capital and the Missing Element of Religious Ritual”, *Religion & Theology*, 24 (3-4), 221-249.

Unruh, H. R. and Sider, R. J. (2005), *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*, Oxford; New York: Oxford University Press.

Wuthnow, R. (2006), *Saving America: Faith-Based Services and the Future of Civil Society*, Princeton, Princeton University Press.

Zasanska, N. (2019), “New Producers of Patriarchal Ideology: Matushki in Digital Media of Russian Orthodox Church”, *ESSACHESS – Journal for Communication Studies*, (12), 99-128.

Attachment 1 Social capital from the “donor” perspective: Linear regression models (standardized coefficients)

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег в займы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
православие / Orthodox Christian	0,02			0,01			-0,06*		
другое вероисповедание / another denomination	-0,05			0,07			-0,02		
частота причастия / frequency of Communion	-0,02			0,07**			0,00		
частота посещения религиозных служб / frequency of religious service attendance	0,02	0,08***		-0,04	0,07**		-0,01	0,1***	
частота посещения храма / frequency of Church attendance	0,01			0,02			0,04		
частота молитвы / frequency of prayer	0,02			-0,05			0,01		
вера в Бога / faith in God	-0,02			-0,02			-0,05		
частота размышления на религиозные темы / frequency of thinking about religious issues	0,04			-0,04			0,12***		0,09***
религиозный опыт / religious experience	0,02			0,04			0,14***		0,14***

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег взаймы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
религиозная социализация / religious socialization	0,05*		0,04*	0,08***		0,10***	0,01		
частота обращения к священнику за советом / frequency of asking a priest for advice	0,02			0,06*		0,07***	0,00		
количество воцерковленных православных в социальном окружении / number of churched Orthodox Christians among relatives and friends	0,07**		0,11***	0,08***		0,07**	0,10***		0,12***
пол (0-мужской, 1-женский) / gender (0-male, 1-female)	0,02	0,02		0,00	-0,02		0,24***	0,26***	0,22***
возраст / age	-0,17***	-0,19***	-0,20***	-0,16***	-0,2***	-0,17***	-0,12***	-0,13***	-0,17***
образование / education	0,00	0,01		0,00	0,00		0,02	0,05*	
женат, замужем, зарегистрированный брак / married	-0,02	-0,02		-0,04	-0,03		-0,10**	-0,12***	-0,08***
женат, замужем, незарегистрированный брак / unregistered marriage	0,00	0,02		0,00	0,01		-0,01	0,00	
разведён(-а) / divorced	-0,01	-0,01		-0,01	-0,01		0,00	-0,02	
вдова, вдовец / widowed	-0,03	-0,05		0,03	0,01		-0,06	-0,09**	
численность детей / number of children	0,02	0,04		0,01	0,05		-0,01	0,05*	

Независимые переменные / Independent variables	...помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству или с покупками? / ...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?			...давали денег взаймы? / ...lent money to another person?			...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?		
	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2	Модель 3 / Model 3	Модель 4 / Model 4	Модель 5 / Model 5	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7	Модель 8 / Model 8	Модель 9 / Model 9
материальное положение / financial wellbeing	0,06*	0,04		0,13***	0,12***	0,13***	0,06**	0,05**	0,06**
наличие оплачиваемой работы / a paid job	0,04	0,05		0,10***	0,08***	0,07***	0,04	0,03	
тип населенного пункта / residence type	0,01	0,00		-0,01	-0,03		0,04	0,05*	0,05**
...помогал кому-то за пределами вашей семьи по дому или покупками? //...helped someone outside of your house-hold with housework or shopping?	-		-	-		-	-		-
...давали денег взаймы? / ...lent money to another person?	-		-	-		-	-		-
...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	-		-	-		-	-		-
<i>R-квадрат / R Square</i>	<i>0,07</i>	<i>0,06</i>	<i>0,06</i>	<i>0,11</i>	<i>0,09</i>	<i>0,10</i>	<i>0,18</i>	<i>0,12</i>	<i>0,17</i>
<i>N (pecn.) / N (resp.)</i>	<i>1228</i>	<i>1417</i>	<i>1407</i>	<i>1229</i>	<i>1411</i>	<i>1341</i>	<i>1214</i>	<i>1396</i>	<i>1304</i>

Социальный капитал с позиции «реципиента»: Линейные регрессионные модели (стандартизованные коэффициенты)

Приложение 2

Attachment 2

Social capital from the “recipient” perspective: Linear regression models (standardized coefficients)

Независимые переменные / Independent variables	Размер социальной сети поддержки / Size of social support network			Число выбранных позиций «Ресурс-генератора» / Number of “Resource Generator” items chosen by respondents		
	Модель 10 / Model 10	Модель 11 / Model 11	Модель 12 / Model 12	Модель 13 / Model 13	Модель 14 / Model 14	Модель 15 / Model 15
православие / Orthodox Christian	-0,05			-0,01		
другое вероисповедание / another denomination	0,06			-0,02		
частота причастия / frequency of Communion	0,04			-0,04		
частота посещения религиозных служб / frequency of religious service attendance	-0,01	0,06**		-0,04	-0,02	
частота посещения храма / frequency of Church attendance	-0,05		-0,08***	-0,02		
частота молитвы / frequency of prayer	0,00			-0,04		
вера в Бога / faith in God	0,00			0,02		
частота размышления на религиозные темы / frequency of thinking about religious issues	0,10**		0,11***	0,10**		0,07***
религиозный опыт / religious experience	-0,03			0,03		
религиозная социализация / religious socialization	-0,06			-0,04		
частота обращения к священнику за советом / frequency of asking a priest for advice	0,03		0,05*	0,02		
количество воцерковленных православных в социальном окружении / number of churched Orthodox Christians among relatives and friends	0,17***		0,13***	0,09***		0,05*
пол (0-мужской, 1-женский) / gender (0-male, 1-female)	-0,01	-0,01		-0,02	-0,01	

Независимые переменные / Independent variables	Размер социальной сети поддержки / Size of social support network			Число выбранных позиций «Ресурс-генератора» / Number of “Resource Generator” items chosen by respondents		
	Модель 10 / Model 10	Модель 11 / Model 11	Модель 12 / Model 12	Модель 13 / Model 13	Модель 14 / Model 14	Модель 15 / Model 15
возраст / age	-0,03	-0,03	-0,06**	-0,17***	-0,16***	-0,16***
образование / education	0,04	0,04		0,07**	0,1***	0,09***
женат, замужем, зарегистрированный брак / married	-0,03	-0,03		0,09*	0,08*	0,09**
женат, замужем, незарегистрированный брак / unregistered marriage	0,00	-0,03		0,07**	0,05	0,07**
разведён(-а) / divorced	-0,02	-0,03		0,07*	0,05	0,07**
вдова, вдовец / widowed	0,00	-0,01		0,10**	0,09**	0,10***
численность детей / number of children	0,07**	0,09**	0,07**	0,05	0,05	
материальное положение / financial wellbeing	0,06*	0,07**	0,10***	0,08***	0,09***	0,09***
наличие оплачиваемой работы / a paid job	0,01	0,00		0,11***	0,1***	0,11***
тип населенного пункта / residence type	-0,02	0,00		0,03	0,03	
...помогал кому-то за пределами вашей семьи по дому или покупками? //...helped someone outside of your household with housework or shopping?	0,02	0,03		0,05	0,07**	0,06**
...давали денег в займы? / ...lent money to another person?	0,02	0,04		0,01	0,00	
...уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным, подавленным человеком? / ...spent time talking with someone who was a bit down or depressed?	-0,01	0,02		0,11***	0,13***	0,11***
R-квадрат / R Square	0,07	0,03	0,06	0,13	0,12	0,12
N (pecн.) / N (resp.)	1146	1293	1332	1176	1332	1304

*Статья поступила в редакцию 30 апреля 2022 г.
Поступила после доработки 30 мая 2022 г.
Принята к печати 25 июня 2022 г.
Received 30 April 2021. Revised 30 May 2022. Ac-
cepted 23 June 2022.*

***Конфликты интересов: у авторов нет кон-
фликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: The authors have no conflict
of interest to declare.***

Пруцкова Елена Викторовна, научный со-
трудник, старший преподаватель Научной ла-
боратории «Социология религии», Православ-
ного Свято-Тихоновского гуманитарного уни-
верситета, Москва, Россия.

Elena V. Prutskova, research fellow, “Sociology
of Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Or-
thodox University, Moscow, Russia.

Забаяев Иван Владимирович, кандидат социоло-
гических наук, профессор, руководитель
научной лаборатории «Социология религии»,
Православного Свято-Тихоновского гумани-
тарного университета, Москва, Россия.

Ivan V. Zabaev, PhD in Sociology, Head of the
“Sociology of Religion” research laboratory,
St. Tikhon’s Orthodox University, Moscow,
Russia.

Маркин Кирилл Васильевич, научный со-
трудник Научной лаборатории «Социология
религии», Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, Москва, Россия.

Kirill V. Markin, research fellow “Sociology of
Religion” research laboratory, St. Tikhon’s Or-
thodox University, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

УДК 305

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-5

Mahmudul Hasan Laskar

**Gender Diversity in Indian society:
Identity distinction between Hijra and Transgender**

University of Science and Technology Meghalaya
Techno City, Kiling Road, Baridua, 9th Mile, Ri-Bhoi,
Meghalaya-793101, India
hasanlaskaramu@gmail.com

Abstract. Ethnomethodological explanation of the social construction of gender highlighted the natural attitude of society towards binary gender categories (men-women); gender groups other than men and women are socially and culturally rejected. Gender in everyday life is a kind of displaying appearances and behaviour in the forms of masculinity and femininity. Gender is also described as the performance of individuals in their everyday life. The binary gender system (men-women) is perceived as normal or socially acceptable because of the “natural attitude” (preconceived notion regarding gender) regarding certain fixed social roles and behaviour of men and women. The paper has examined how the social construction of gender contradicts gender diversity. There are four gender categories in Indian society: Men, women, transgender and third gender (Hijra). It has shown the distinction between transgender and third gender identity in Indian society. Hijra is a native third gender category in India, that structurally contradicted the compulsory binary gender system but transgender or transsexuals are in favour of fluidity of sexual orientation or sexual preferences.

Keywords: Gender diversity; transgender; third gender; Hijra; Non-binary gender

Information for citation: Laskar, M. H. (2022), “Gender Diversity in Indian society: Identity distinction between Hijra and Transgender”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 60-72. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-5.

Ласкар М. Х.

**Гендерное разнообразие в индийском обществе:
различие в идентичности между хиджрой
и трансгендером**

Университет науки и технологий Мегхалая
Техно-Сити, Килинг-Роуд, Баридуа, 9-я миля, Ри-Бхой,
Мегхалая-793101, Индия
hasanlaskaramu@gmail.com

Аннотация. В этнометодологическом объяснении социальной конструкции пола выделено естественное отношение общества к бинарным гендерным категориям (мужчины-женщины): гендерные группы, отличные от мужчин и женщин, социально и культурно отвергаются. Гендер в повседневной жизни – это своего рода отображение внешности и поведения в формах мужественности и женственности. Гендер также описывается как поведение людей в их повседневной жизни. Бинарная гендерная система (мужчины-женщины) воспринимается как нормальная или социально приемлемая из-за «естественного отношения» (предвзятого представления о гендере) к определенным фиксированным социальным ролям и поведению мужчин и женщин. В статье исследуется, как социальная конструкция гендера противоречит гендерному разнообразию. В индийском обществе есть четыре гендерные категории: мужчины, женщины, трансгендеры и третий пол (хиджра). Показано различие между трансгендером и третьей гендерной идентичностью в индийском обществе. Хиджра – это коренная третья гендерная категория в Индии, которая структурно противоречит обязательной бинарной гендерной системе, но трансгендеры или транссексуалы выступают за изменчивость сексуальной ориентации или сексуальных предпочтений.

Ключевые слова: гендерное разнообразие; трансгендер; третий пол; хиджра; небинарный пол

Информация для цитирования: Ласкар М. Х. Гендерное разнообразие в индийском обществе: различие в идентичности между хиджрой и трансгендером // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 60-72. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-5.

Introduction. The sociological explanation of gender diversity has to be understood in the theoretical framework of the social construction of gender. Many sociological studies (West and Zimmerman, 1987; Kimmel, 2011; Kessler & McKenna, 2000; Butler, 1988) have illustrated the societal norms of compulsory heterosexuality and a binary gender system that categorizes humans as male-female sexes and men-women gender. The binary gender system is questioned or challenged by the idea of gender diversity across societies of the

world. Generally, men and women are regarded as the opposite sex, which implies the belongingness of men and women in distinct sex categories. Sex signifies that the bodies of men and women differ biologically in terms of characteristics such as chromosomal differences, external and internal sexual structures, hormonal production, physiological differences and secondary sex characteristics. Sex marks a distinction between two physically and genetically different or opposite categories of people. These physical differences turned into socio-culturally distinct gender identities

like man and woman. The notion of masculinity-femininity characterizes men's and women's gender existence in society. Masculinity and femininity guide an individual's conduct and activities. Cross-behavior or interplay of femininity and masculinity is strictly forbidden in society. Gender cannot be conceived outside masculinity and femininity. But the phenomena of transsexuality and homosexuality opposed the idea of a sex-gender normative structure. Gender diversity actually can only be understood in a society where men, women and intersexuals live together. Who are intersexuals? Intersexuals are neither men nor women, who have born with ambiguous genitals. They are also called hermaphrodites. Those who castrated their genital are called eunuch, who has a long history of palace guard of royal women. India's Hijras fall into the intersexual category and they live a distinct socio-cultural life.

The main problem on which the present paper focused is misunderstanding and ambiguous understanding of gender diversity in India. There is a misrepresentation of Hijra in transgender discourse. Hijra is a gender category, different from men and women. Hijra gender consists of both born hermaphrodites and castrated men. It is believed that all Hijras are hermaphrodites (intersexed) but studies (Nanda, 1999) revealed that many joined in Hijra community willingly through emasculation in the latter part of their life, who are not born hermaphrodite. In Indian society, transgender is an umbrella term for transsexual, genderqueers and intersex people (The Transgender Persons Protection of Rights Bill, 2019). There is an ambiguous understanding of gender diversity in India. It is perceived that transgender and third gender are one category. Here the sociological issue is binary gender and non-binary gender in Indian society. Hijra is a non-binary gender category in Indian society. So the present paper focused on the identity distinction between transgender and third gender (Hijra) in Indian society.

Methodology and Methods. Qualitative techniques have been used to understand gender diversity and third gender existence in Indian society. It is difficult to trace the exact

numbers of Hijra homes and their population because there is no data available on it and no non-government organization has specific working objectives on Hijra. Empirically the issue is examined based on case analysis among some Hijras residing in areas of Hatigaon, ISBT and Railway Station in Guwahati city of Assam (India).

The article is grounded in the theoretical postulates of ethnomethodological and phenomenological ideas of the social construction of gender. Gender is a socially constructed system that established a binary relationship between notions of masculinity and femininity, whereas, sex is a biological construct that differentiates the body into male and female in terms of genitals, hormonal differences and others. But, this binary sex-gender model is challenged by homosexuality, transsexuality and transgenderism on the one hand and alternative gendering or development of the third gender on the other hand. Studies (West and Zimmerman, 1987; Kimmel, 2011; Kessler & McKenna, 2000; Butler, 1988) have shown that correspondence between male-female sexes with men-women gender is rooted in the social structure that developed compulsory heterosexuality and binary gender system. West and Zimmerman considered this social construction of the binary gender system as 'doing gender'. Men and women undertake 'doing of gender' as members of society; the proficiency of men and women as members of society depends on the production of doing gender (West and Zimmerman, 1987: 126). Human beings use the method of 'gender display' in the gendered society. People display masculinity and femininity in their everyday actions as natural behaviour. Individuals have to be in any of the two sex categories by displaying appropriate attributes and behaviour (West and Zimmerman, 1987: 127-128). The social construction of gender for Michael Kimmel is the differentiation of masculinity and femininity, which has no overlapping attributes. Cross-behavior or interplay of femininity and masculinity is strictly forbidden in society. Gender is the expression of masculinity and

femininity in an appropriate way that is eventually recognized as men and women (Kimmel, 2011: 3). This fixed categorization of gender and its distinct attributes happens to exist as a result of the natural attitude of society toward gender. Kessler & McKenna asserted that gender is constructed through the consistent use of 'natural attitude towards gender' and gender is accomplished in everyday interaction of the people (Kessler and McKenna, 2000: 12). Gender is further described as 'performative acts' (Butler, 1988) of human beings in society. People in their everyday life perform the role of specific gender which they have imbibed through socialization. The human body is gendered by performative acts in the cultural and social regulative framework (Butler, 1988: 526). Gender is not a pre-given entity for human beings, it is not a fixed attribute to acquire or it is not something that is imposed upon human beings naturally. Instead, gender is a kind of displaying the distinct attributes; doing things as a particular gender and also a type of performance as specific gender by the members of society. People's everyday life is in a process of gendering or other words, it can be said that every act of human beings is gendered; nothing is outside of gender regulations. People typically assume gender as something naturally given and their attitude towards behaviour that doesn't match the prevalent narratives makes it evident that there cannot be anything extra-gender or beyond the gender line.

This binary constructed gender is challenged by gender diversity or pluralism in various societies. Transsexuality, transgendering and homosexuality have exposed the fluidity of sexual orientation and challenged compulsory heterosexuality. Hijra is an Indian third gender category that often faces rejection and humiliation in society. Transgender activism and identity politics is quite active in India but they overshadowed the third gender identity of Hijras. Hijra as a third gender embraced certain roles, which are considered anti-social or a challenge to normative gender roles. The social role of men and women are perceived as natural or pre-given; so, the third gender has no so-

cially recognized role or space to live normally. The third gender is pushed into the marginalized position in society. However, the most striking issue of gender analysis is the ambiguous use of the term transgender and third gender in India. The transgender movement or transgender politics evolved through transsexualism, queering and homosexuality in the West as well as non-Western societies. But an important fact that should be pointed out is the limitation of transgenderism to binary gendered society; it doesn't cross the binary gender line though fluidity of sexual orientation and cross-behaviour is encouraged. The third gender on the other hand has changed the entire narrative of binary gender and moved towards gender diversity and pluralism. Indian Hijra is a third gender category that is peculiarly recognized as a deviant gender kind or abnormal human group. The study is carried out with the objectives to understand the social construction of gender and gender diversity in the context of India, and examining the Hijra as the third gender category in Indian society.

Research Results and Discussion. The result of the study proclaimed that transgender or transsexuals manifest fluidity of sexual orientation and gender within a binary gender system. Transgender doesn't challenge the binary gender system. The binary gender model is challenged by intersexuals, who are called the third gender and popularly named 'Hijra' in Indian society. The existence of Hijra as the third gender raised the question of the possibility of gender diversity in Indian society. In Indian society, Hijra or the third gender challenges binary gender or compulsory heterosexuality and gender role. In India, Hijras are either born intersex or castrated. Intersex individuals are also called hermaphrodites. Those men who have castrated their genital are called eunuch, who has a long history of serving royal palaces of various dynasties since the ancient period in India. The Hijra category consists of born intersexuals as well as castrated individuals. Sociologically they fall into the third gender category because of their exclusion from binary gender roles in society. In the paper, it is argued that Hijra is a third gender category,

which is unique in Indian society. Due to the 'natural attitude of society' towards binary gender and sex, Hijras are labelled as deviant or abnormal people.

The paper has attempted to answer certain questions: Is Hijra just merely a deserted, unwanted and deviant community? Are Hijras conscious of their third gender identity? Whether they oppose the gender binary? The study revealed that Hijra is a socially, economically, culturally and politically excluded and marginalized gender category. Hijras are not conscious of their third gender identity rather they conceive themselves as transgender due to the popular use of the term in India. Hijra as a third gender category in Indian society is suppressed. A popular use of the term 'transgender' has overshadowed the identity of the third gender. Hijras are not transgender but an indigenous third gender of Indian society. Hijra gender opposes the gender binary of Indian society. Indian society like any patriarchal society sets the socio-cultural role for men and women but Hijras are excluded from the binary role. Hijras are now bound to take up certain roles like begging, dancing in marriage events, performing in birth rituals and involvement in prostitution, which led to labelling them as deviant gender kind in Indian society.

The detailed discussion is presented in the following sections.

Transgender or transsexual category manifests fluidity of gender within a binary gender system. Husserl's phenomenological idea of the natural attitude is the best means of understanding the gender binary in a socio-cultural setting. Natural attitude refers to an individual's unquestionable axioms about a world that appears to exist independently of particular perceptions or construction of it (McKenna and Kessler, 2006:344). Man and women exist as distinct genders that are their independent quality of maleness or femaleness within society's natural attitude towards gender. Ethnomethodology emphasized understanding how gender in everyday life is constructed and practiced (McKenna and Kessler, 2006:344). The terms 'transsexual' and 'transgender' often create ambiguity over the question, of whether

transsexuals or transgender challenge binary gender or reinforce the gender binary. McKenna and Kessler extended various meanings of the prefix 'trans' in the term transgender to end the diverse and confusing interpretations. They presented three meanings of 'trans': change, crossing and moving beyond. The first meaning is change as in the case of transformation implies changing of gender. It is the change of body from male to female and vice-versa. Transgender changes their bodies from one with which they were born to bodies that they think match their gender. In this sense, the term transgender is synonymous with transsexual. The second meaning of 'trans' is crossing, which has been used in academic writing for a long. Transgender are those who don't express conformity to the expected men and women gender roles prescribed by society. In the second meaning, transgender is an umbrella term for cross-dressers, transvestites and transsexuals, gender blenders, drag queens, bi-genders, feminine men, androgynies, drag kings, intersexuals, masculine women, passing men, gender dysphoric and others who might consider themselves a gender outlaw (McKenna and Kessler, 2006: 348-349). The third meaning of the term 'trans' is moving beyond or through an invariant gender system; similar to the meaning the word 'transcutaneous' suggests. This meaning of 'trans' in transgender derived from the gay and lesbian activist's discourse of queering gender in the 1990s. Transsexuals here do queer 'compulsory heterosexuality and gender model. Queering of gender refers to the deconstruction of compulsory heterosexuality and sex-specific gender role. Those who have joined in queer politics of the 1990s adjusted them to the transgender category as their identity (McKenna and Kessler, 2006: 350-351). It is clear from the above interpretations regarding the comprehensiveness of the term transgender; the term transgender encompasses many identities, sexual categories and behaviours that contradict the natural attitude towards gender. But on the other hand, transsexualism doesn't challenge the natural attitude toward gender, as it refers to the changing of

one's genitals through surgery. Two genders remain static even for transsexual persons because he/she is just moving from one gendered body to another gendered body. Thus transgender in this sense means a person's move from one gender to another or certain aspects of one person crossing a gender (McKenna and Kessler, 2006: 349). This dissociation of genitals from gender made some writers think and consider intersexuals as transgender too. Intersexuals are known as a hermaphrodite, which has various local terms across the world (McKenna and Kessler, 2006: 350). Unlike transsexuals, intersexuals fall outside the binary men-women gender model in any society. Transsexuals ultimately accommodate them within the men-women gender model through genital surgery, gender-appropriate performances and gender display but intersexuals challenged this model and proved the prevalence of the third gender category. The term transgender is an identity as well as an umbrella term to encompass other fluid sexuality and gender expressions. It includes those sexuality and gender expressions other than gay and lesbian because they are confined within men and women genders. Transgender people are trying to take sexual preference away from gender.

What is Third gender? The binary gender model is challenged by third gender or intersexuals, which has raised the question of the possibility of gender diversity in society. The approach 'gender pluralism' is very relevant for cultures, which already have a third or other sex/gender, for example, those that exist in Indian society. Kothi and Hijra identities fit easily within the sex/gender pluralist model. Hijras in India are considered the third sex/gender, which has a history of more than 4,000 years. Hijras are born intersex as well as castrated in Indian society (Monro, 2010:247-248). Evan B. Towle and Lynn M. Morgan (2006) stated that the term 'third gender' is being replaced by or conflated with the newer term 'transgender' in social science. The term third gender was introduced in 1975 by M. Kay Martin and Barbara Voorhies, who used it for drawing attention to the ethnographic evidence

that gender categories in some cultures cannot be explained within the binary gender system. This term helped feminists and gender theory to think outside the dichotomous gender system. The term third gender is also used to understand the behaviour that challenges heteronormative gender systems. It is a very effective term for societies (mostly non-western) to provide institutionalized 'intermediate' gender concepts and practices (Towle and Morgan, 2006:668). Gilbert H. Herdt, the most acclaimed anthropologist used the 'third gender' concept to discuss particularly gender and sexuality among the Sambia, a New Guinea group that practices 'semen eating' (in which young boys perform fellatio on older men) and to provide a discursive space for analyzing non-dichotomous gender categories. Herdt used the third gender concept as a heuristic device for understanding non-dichotomous sex/gender categories (Towle and Morgan, 2006: 669). In modern times, medical intervention has included intersex persons in the purview of diagnosis. The development of medical science with advances in anaesthesia, surgery, embryology, and endocrinology in the twentieth century changed the discourse on intersex persons from just labelling as hermaphrodites to an object of diagnosis (Chase, 2006: 301). Transsexuals have become patients in modern medical discourse, whose bodies according to medical experts are in disorder. So to give order in the body, male or female sex must be assigned. This is necessary because society nurtures the child according to its sex and provides the associated gender. Transformation of intersex bodies by surgeries at the early age of child began a new strategy to relocate these into either of the male or female sex/gender. A team under the guidance of urologist Hugh Hampton Young at John Hopkins University developed a principle of rapid postnatal detection and intervention for intersex infants by the 1950s intending to undergo surgery early enough so that the child would have no memory of it. According to the John Hopkins model, the birth of an intersex infant is considered a "psychosocial emergency". This emergency case is

dealt with by a multidisciplinary team of intersex specialists. The team comprises surgeons and endocrinologists rather than psychologists, bioethicists, representatives from intersex peer support organizations, or parents of intersex children. The team decides the sex of the infant after extensive examination and assigns it accordingly and then the team informs the parents about the child's true sex. After doing sex assignment to the infant, medical technology is employed to mould the body in terms of hormone and genital to make sure that the body conforms the assigned sex (Chase, 2006: 301-302). Born intersex or hermaphrodite and castrated individuals are members of the third gender. Third gender social role is not yet defined or legitimized in any society. Their position in a society with a binary gender system is still ambiguous. Unlike men and women, the third gender has no uniform social role and social status in any society; often they face humiliation and social rejection. Their role and status vary from society to society and from time to time.

Hijra is the third gender not transgender in India. There is confusion over the identity of Hijra; mostly they are previewed casually under the transgender category. In India, confusion exists between transsexuals and the third gender. Transgender may encompass gender fluidity like transsexuals, gays, lesbians, transvestite through political movements but it creates an identity crisis for Hijra. The main issue that differentiates the third gender from transgender is the question of binary gender. The third gender challenges binary gender or compulsory heterosexuality and gender role. It signifies the existence of gender plurality opposite to the binary gender system. But transgender operates its affairs within the binary gender and sex; it just advocates for freedom of sexual orientation and preference. So, fundamentally transgender reinforces binary gender only but the existence of third gender questions the age-old perception of two-gender concepts and theory.

Who is Hijra in the sex category? Hijras are those born as intersexuals as well as castrated individuals. Intersex people are likely to

become Hijras, either through choice or because of rejection by their families (Monro, 2010:250). It has also been found that faith and tradition also determine the position of Hijras in Indian society. It is believed that Hijras have the power to curse or bless due to their spiritual heritage. Hijras also exercise a kind of power, embarrassing by exposing genitals if they are not paid during begging or attending events. Thus, Hijras are somehow maintaining a position of third sex/gender in Indian society (Monro, 2010: 251). Hijras have emerged as the third gender category in India. There is a popular perception that all Hijras are born hermaphrodites or intersexuals but studies (Nanda, 1999) showed that in empirical reality all Hijras are not born hermaphrodites rather many joined willingly. Before going into a discussion about the Hijra of India, we shall look into the medicalization of hermaphrodites and the politics of hermaphrodite identity. Phenomena of intersexuality or existence of hermaphrodites are the sign of nature's strategy to disrupt the normative system of sex, gender and sexuality; but binary male/female binary sex division is presumed as unchangeable. The colonial British regarded Hijras as deviant to binary sexuality and gender. To deal with eunuch and Hijra in India by the Criminal Tribes Act of 1871, the British government labelled Hijra as professional sodomites, who kidnapped, castrated and exploited male children and polluted public space with their obscene performance and transvestism (Hinchy, 2013: 196). Hijras are also described as labelled deviants (Sharma, 2009). It implies the deviance from compulsory heterosexuality and binary genders.

Hijra is the indigenous third gender of Indian culture that differs from the western third gender that in other words called transgender, encompassed transsexuals, transvestites and others. If present transgender politics in India included Hijra too in its purview, Hijra as a non-western third gender community may overlap with that of the western third gender category. Hijra is a very complex gender entity that has to be understood based on the various dimensions of its meaning. Defining

Hijra is difficult because of the disjunction (Nanda, 1999) that exists between the cultural definition of the Hijra role and the variation of individual roles, experiences and life history. The first disjunction is that though culturally Hijra is defined in terms of traditional occupation (performance on auspicious occasions, begging etc.), most Hijras don't follow such occupation. The second disjunction is between the cultural definition of Hijra as neither men nor women on the one hand and the expression of individual experience on the other hand. Some Hijras may think of them as neither men nor women and others may consider them as women. The third disjunction is due to the question: whether all Hijras are hermaphrodites? It is believed that all Hijras are hermaphrodites (intersexed) but studies revealed that many joined the Hijra community willingly through emasculation in the latter part of their life, who are not born a hermaphrodite. Another disjunction is due to the distinction between the cultural definition of Hijra as emasculated and the real fact that many are not emasculated (Nanda, 1999: XIV-XX). These disjunctions about defining Hijras raised the questions: Are Hijras neither men nor women? Are they impotent men? Are they women with masculine attributes? Are they born Hijra (hermaphrodite) or made (eunuch)? Serena Nanda analyzed the Hijra as neither men nor women. The word Hijra is translated into English by the word eunuch or hermaphrodite (intersexed), which connotes the impotence of men in India. The word Hijras also implies the inability of sexual role or sexual impairment (Nanda, 1999: 13). So both terms eunuch and Hijra refer to genital disorders. Again there exists regional variation in the use of the term for those who are perceived as neither men nor women of ambiguous gender. Unlike North India, Hijras do not have any cultural role in south India. The term used for Hijra is kojja in Telugu or Pottai in Tamil, which connotes derogatory meaning for those cowardly or feminine men. It is believed that Hijras are impotent men but impotence is not the only condition because many join the Hijra community through the emasculation process. Hijra thinks of them as

in-between (neither men nor women) but the term Hijra is a masculine noun just like the word eunuch, a man who is less than perfect man (Nanda, 1999: 14-15). If Hijras are not men they are not women too. Hijras are not women because of the reasons such as improper genitalia, absence of menstruation and incapability to conceive. Hijras dress like female and wear makeup to keep them similar to women but their manner and behaviour is different from typical women. Nanda thus described Hijra as an alternative gender that can even accommodate multiple other cross-gender identities, attributes and behaviours, who are known as the eunuch, homosexuals, transsexuals, hermaphrodites and transvestites in the west (Nanda, 1999: 18-19).

Whether Hijras are conscious of third gender identity? 'Hijra' term is popularly used to refer to masculine females and feminine men. Hijra as identity is objectified by certain expressions and appearances like hard face make-up, physical appearance (masculine but feminine attire), the tune of the voice neither (neither masculine nor feminine), style of walk and clapping while begging and so on. Some Hijra individuals were interviewed in Guwahati City to explore their own experience of living in a socially constructed gendered society and to reveal how they perceive themselves.

Salima (name changed) is a 30 years old Hijra who lives in Guwahati city for livelihood and community support. According to her, she doesn't have proper genital of either male or female. She originally hailed from a village in Chaygaon but because of the lack of family support, she had to move to Guwahati at the age of six to join the Hijra community. She had undergone certain rituals of joining the community as per tradition prevails in the Hijra community. She dressed like a female but she is neither a perfect male nor a female. She does begging like other Hijras for livelihood as there are no other alternative professions for them. She studied only up to class four and discontinued due to lack of financial, family and societal support and was bound to take up the traditional begging profession of Hijra.

Salma (name changed) is a 35 years old Hijra born in a poor family from a village in Boko of Kamrup district. She discontinued her education in class IX due to the ridicule she received over her intersex identity. Once society came to know about the Hijra identity, the family didn't want to keep such a child according to her. She is born intersex but in childhood, she used to like female dresses and appearance but her identity was exposed when she grew up. Her occupation is begging and performing 'badhai' (blessings through Hijra dance) at weddings or events of newborn child's name initiation ceremony. She also experienced sexual harassment because she denied being part of prostitution, which is another traditional occupation of Indian Hijras.

Jasmine (name changed) is 28 years old Hijra resides near ISBT, Guwahati. Jasmine left her home at the age of 12 and came to Guwahati to join the Hijra community. She admitted that she is intersex by birth and used to be like a female in early childhood. But over the exposure to her actual identity, she had to leave the family. She also earns her livelihood through begging. She stated that her joining the Hijra community made her free from societal pressure on concealing her identity. She is now free to express her Hijra identity.

Pinki (name changed) is 35 years old Hijra from the Mangaldoi district of Assam who lives in Guwahati; she has 3 sisters and one brother in her home. She discontinued her education at the age of 10 due to unnatural stigmatized behaviour towards her. Her family, though in poor condition, approached a doctor to cure her genital disorder. But she was not willing to visit the doctor. Over the doctor's description of difficulty in curing the case, her family lost hope. She then chose Hijra life and joined the community in Guwahati. She is hesitant to reveal her sex life but admitted that as part of her profession she sometimes has to do prostitution. The client of Hijra prostitution is mainly truck drivers and industrial manual workers.

Sajina (name changed) is a 42-year-old Hijra, who hailed from the Barpeta district of Assam and lives in Guwahati. She has a

mother, two elder brothers and three sisters in her family. At the age of 11, she got to know about her unusual genitalia. Her family was worried about her intersexed condition and societal response toward her. She then moved to Guwahati to join the community. Like other members, she also earns by begging and prostitution. But now she is the Guru (leader) in one of the Hijra homes. So she doesn't go begging, but rather manages other Hijras, and trains new members and their activities.

Hijras are not conscious of the difference between transgender and third gender identities. But they are conscious of being a distinct gender or sexual category. Hijras lack clarity about their identity. Mainstream society treats them as deviant gender kind. Due to the poor education and societal label as deviant category, Hijras are not able to understand their third gender identity. Common usage of the term 'transgender' includes those who don't follow appropriate male or female sex-specific behaviour and those who tend to change their assigned sex. But Hijras are different due to their intersex status and unique behaviour that doesn't match with any of the binary gender (men and women). Due to this uncommon behaviour, people perceive Hijra as a deviant gender group and attach negative meanings to their activities; common societal perceptions are that men and women are normal gender categories and other gender groups cannot be socially normal. People have acquired experience in their social world on how to live either as men or women. So, the activities or behaviour of Hijra are treated as unnatural and anti-social.

It is important to note that common people use specific meanings for the gender role of men and women. But whether Hijras can perform the gender role of men or women? The answer is no; because firstly, they are not allowed to live like normal family members, secondly they choose different attire, appearance and style of life that goes against the standard normative behaviour of society. Society treats this gender appearance of Hijra as distasteful and disregards social normativity. On the other hand, transsexuals may live as other

members of family and society though they may have to struggle if they want to get married or change their genitals through surgery. Often it becomes difficult to identify transsexuals because they live within the binary gender normativity. Common people usually don't have a proper idea regarding transsexuals and their identical appearance. The intensity of objectification through expressions and appearance is less among transsexuals; therefore, observers don't find it as unusual as they find in the behaviour of Hijras. For an example of a practical situation, if Hijras board the bus or train, fellow passengers feel uncomfortable and insecure but the identity of a transsexual cannot be traced easily, so any such disgraceful attitude is placed on them.

The existence of Hijra in Indian society proves the fact that gender diversity is possible beyond men and women. Moreover, Hijra is also a phenomenon of queering of the binary gender system and a sign of fluidity in gender practice. The existence of Hijra in Indian society challenged the idea of the mandatory binary gender model. Some cases are analyzed to understand the perception of Hijras about their own identity and how they encounter the 'natural attitude' of society towards them. 'Natural attitude of society' treats them as unnatural, abnormal and deviant people. Even transgender organizations are not clear enough about the distinctive identities of transgender and the third gender in India. These organizations loosely state Hijra as part of LGBTQ. But there is a huge gap in conceptual clarity over the identity. Due to this ambiguous state of condition, Hijras are still living on the margin of society.

Gender ambiguity of Hijras in Indian Society. Case studies have revealed that all Hijra in their Hijra home are born intersex and originally hail from different districts of Assam. They left their own home and took shelter in the Hijra home through a proper ceremony conducted by their Guru. All Hijras irrespective of religious background do worship Bahuchara Mata, the Hindu goddess of chastity and fertility. That is why all Hijra use attire similar to Hindu women. They use female 'pronouns'

for them in their conversation. But they claim that they are not perfect females, because they don't menstruate and don't have proper male genitals too. It is clear from the above cases that Hijra don't have social space in their original village or place; Guwahati city is commonplace for them to migrate and find Hijra home. There are several Hijra homes in the city and each home has a Guru (head). They maintain a kind of social organization in the home by categorizing them into grandmother, mother and child, based on the age and seniority in the Hijra home. They admitted that all the members of their Hijra home are intersex individuals but they all dress up like women. But they don't consider them as female nor women rather Hijra. For them, Hijra is their actual identity. They have not revealed their sexual orientation. But it is observed that they do prostitution for money. Their clients are mainly truck drivers and labourers. It has been found that all the Hijras of the case study are economically very weak and only their Guru (leader) enjoys certain good wealth due to seniority. Because all the subordinate Hijras need to hand over their earnings to Guru and they get an amount that is fixed by Guru.

An important point is that they face rejection due to the 'natural attitude' of society towards binary gender and sex. They fall outside the binary sex-gender, so societal response stigmatized their identity as intersex. Family members worry over the disclosure of actual identity in public and the inability to arrange marriage. Hijra home mostly prevails in city or town because of the livelihood scope in the form of begging, prostitution and ceremonial dance (in marriage, birth ritual and others). It is stated by respondents that the economic condition of Hijras is very deplorable due to lack of education, employment opportunities, and lack of acceptance in society as the third gender. Social roles and positions are designed in such a way that only men and women can accommodate; the third gender has no place in it. Therefore, Hijras choose alternative life even though it is miserable.

To make it clear whether a transgender organization encompasses Hijra into its purview or not, a volunteer of “anaajoree”, a Guwahati-based organization working for transgender rights is interviewed. It has been revealed that the organization looking into the rights of transsexuals, gays and lesbians. But the use of the term transgender is even referred for Hijra too. The organizations do relief work for Hijras in the form of food or amount of money in the time of crisis. The organization arranges various collaborative workshops, seminars or webinars as a platform for transsexuals, gays and lesbians to express their identities and problems. But no intellectual practice or identity movement exists for Hijra or the third gender of India. The organization simply treats Hijra as part of transgender.

But Hijra and transgender in India are two different identities that cannot be included in one umbrella term. Hijras are most vulnerable because they don't get social space to live in mainstream society. On the other hand transsexual, gay and lesbian gets to live in mainstream society and avail their preferred education and jobs. Their struggle is only with the expression of their sexuality that they can even enjoy in a certain way. But Hijras are excluded and marginalized gender, which doesn't even gets recognition as the third gender in legal discourse just included in the transgender category. Due to this confusion, it has become an ambiguous identity formation. Even those Hijra activists working for their rights don't know the fact that they are third gender, not transgender. But in the campaign or movement, they are often referred to as transgender. So far, it has been revealed that Hijra's third gender role in society is regarded as most degraded and sometimes regarded as deviance. People do offer to beg amount just to avoid any possibility of misfortune. What about their acceptance as the third gender in school, College, or University? Mere relief works are not enough.

Conclusions. It can be concluded that Hijra is a native third gender and intersex category in Indian society. Hijra gender has

quashed the narrative of the binary gender system and gradually the idea of gender diversity surfaced in academic debates. Transgender or transsexual people don't fundamentally challenge the binary gender system but Hijra as the third gender explored the idea of gender diversity in Indian society. But Hijras areneglected and excluded from mainstream Indian society; they are often termed as deviant or unnatural. Their identity is overshadowed due to the popular debate over transgender. Considering Hijras as transgender in India is a kind of distortion of their actual identity. Third gender politics or third gender discourse needs to be developed by separating it from the transgender movement in India. Indian society has accommodated four categories of gender: Men, Women, Hijra (Third Gender) and Transgender (transsexuals, transvestite and drag queens).

Reference

- Benjamin, H. (2006), Transsexualism and Tranvestism as Psycho-Somatic and Somato-Psychic Syndromes. In Stryker Susan & Whittle Stephen (Eds), *The Transgender Studies Reader*, 45-52, Routledge, UK.
- Brickell, Ch. (2006), “The Sociological Construction of Gender and Sexuality”. *The Sociological Review*, 54 (1), 87-113.
- Butler, J. (1988), “Performative Acts and Gender Constitutions: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory”, *Theatre Journal*, 40 (4), 519-531.
- Butler, J. (1999), *Gender Trouble Feminism and the Subversion of Identity*, Routledge, UK
- Chase, Ch. (2006), Hermaphrodites with Attitude: Mapping the Emergence of Intersex Political Activism. In Stryker Susan & Whittle Stephen (Eds.), *The Transgender Studies Reader*, 300-314, Routledge, UK
- Fausto-Sterling, A. (1985), *Myths of gender: Biological theories about women and men*. Basic Books, US.
- Fausto-Sterling, A. (1993), “The five sexes: Why male and female are not enough”, *The Sciences*, (March-April), 20-24.

Fausto-Sterling, A. (2000), *Sexing the body: Gender politics and the construction of sexuality*, Basic Books, US.

Feinberg, L. (1998), *Trans liberation: Beyond pink or blue*. Beacon Press, US.

Feinberg, L. (2001), "Trans health crisis: For us it's life or death", *American Journal of Public Health*, 91, 897-900.

Feinberg, L. (2006), *Transgender Liberation A Movement Whose Time Has Come*. In Stryker Susan & Whittle Stephen (Eds.), *The Transgender Studies Reader* (pp-205-202). Routledge, UK.

Freud, S. (1905), Three contributions to the theory of sex. In A. A. Brill (Eds.), *The basic writings of Sigmund Freud*, 553-629. Random House, New York.

Hinchy, J. (2013), "Troubling bodies: Eunuchs, masculinity and impotence in colonial North India", *South Asian History and Culture*, 4 (2), 196-212.

Hinchy, J. (2017), "The eunuch archive: Colonial records of non-normative gender and sexuality in India", *Culture, Theory and Critique*, 1-20.

Howson, Al. (2005). *Embodying Gender*, Sage Publications Ltd, US.

Kessler, S. J. and McKenna, W. (1978), *Gender: An Ethnomethodological Approach*. University of Chicago Press, US.

Kessler, S. J. and McKenna, W. (1997), "Who put the "trans" in transgender? Gender theory and everyday life", *International Journal of Transgenderism* (Special Issues), available at: <http://www.symposion.com/ijt/gilbert/kessler.htm> (Accessed 10 October 2020).

Kessler, S. J. and McKenna, W. (2000), "Gender Construction in Everyday Life: Transsexualism", *Feminism and Psychology*, 10(1), 11-29.

Kimmel, M. (2011), *The Gendered Society*, Oxford University Press, UK.

Lorber, J. (1994), *Paradoxes of gender*, Yale University Press, United States.

Lucal, B. (1999), "What it means to be gendered me: Life on the boundaries of a dichotomous gender system", *Gender and Society*, 13 (6), 781-797.

McKenna, W. and Kessler S. J. (2006), *Transgendering Blurring the Boundaries of Gender*, In Davis Kathy, Evans Mary and Lorber Judith (Eds.), *Handbook of Gender and Women's Studies*, 342-356.

Monro, S. (2005), *Gender Politics Citizenship, Activism and Sexual Diversity*, Pluto Press, UK.

Monro, S. (2010), *Towards a Sociology of Gender Diversity: The Indian and UK Cases*. In Hines Sally and Sanger Tam (Eds.), *Transgender Identities Towards a Social Analysis of Gender Diversity*, 242-258, Routledge, UK.

Nanda, S. (1999), *Neither Man nor Woman The Hijras of India*, Wadsworth Publishing Company, UK.

Sharma, S K. (2009), *Hijras The Labelled Deviants*. Gian Publishing House, Delhi.

Spargo, T. (1999), *Foucault and Queer Theory*, Icon Books, UK.

Stryker, S. (2008), *Transgender history*, Seal Press.

Stryker, S. (2006), (De) Subjugated Knowledges An Introduction to Transgender Studies, In Stryker Susan and Whittle Stephen (Eds.), *The Transgender Studies Reader*, 1-17, Routledge, UK.

Towle, E. B. and Morgan, L. M. (2006), *Romancing the Transgender Native Rethinking the Use of the "Third Gender" Concept*. In Stryker Susan & Whittle Stephen (Eds.), *The Transgender Studies Reader*, 666-684, Routledge, UK.

Turner, B. S. (2000), *An outline of a general sociology of the body*. In Bryan S. Turner (Eds.), *The Blackwell companion to social theory*, 481-501, Blackwell, United States.

West, C. and Zimmerman D. H. (1987), *Doing Gender. Gender and Society*, 1 (2), 125-151.

Received 04 January 2022. Revised 10 June 2022. Accepted 11 June 2022.

Статья поступила в редакцию 04 января 2022 г. Поступила после доработки 10 июня 2022 г. Принята к печати 11 июня 2022 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Mahmudul Hasan Laskar, Assistant Professor, Department of Sociology, University of Science and Technology Meghalaya, India.

Ласкар Махмудул Хасан, ассистент департамента социологии Университета науки и технологий Мегхалая, Индия.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-6

Николаева А. А.
Яковлев Д. Ф.

Современные общественные движения
как форма взаимодействия государства и общества

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет»
Шелепихинская набережная, дом 2А, Москва, 123290, Россия
nikolaevaaa@mgppu.ru
danil.yakovlev.2014@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие государства и общества, где главными акторами являются различного рода общественные движения. Они создаются, опираясь на идеи конкретной социальной группы, а когда набирают значимость в обществе сами становятся инициаторами различных социально значимых проектов. Обретая власть и силу среди общественности, движения получают возможность влиять на государство и взаимодействовать с ним через механизмы недоступные обычному гражданину. В работе основной акцент делается на следующие общественные движения: «Pro-life», «Pro-choice», «Феминизм», «metoo», а также описываются результаты эмпирического исследования на тему «Влияние общественных движений на современную Россию». Цель работы: отследить влияние общественных движений на формирование каналов связи с государством, а также процессы взаимодействия граждан через данные движения. Методы: всеобщие методы познания: диалектический; метод социологического исследования; приемы научного познания – анализ и синтез, аналогия, обобщение и др. Результаты: описаны теоретические основы изучаемых общественных движений; рассмотрены вопросы влияния общественных движений на формирование каналов связи с государством, а также процессы взаимодействия граждан через данные движения. Выводы: анализируя результаты эмпирического исследования, можно проследить, что среди более взрослого поколения гораздо больше людей отрицают значимость общественных движений для современного государства. Это способствует устареванию каналов связи и медленной их деградации. Выявлено, что общественные движения не только непосредственно влияют на политику государства, но и увеличивает количество интересующихся ей людей.

Ключевые слова: общественные движения; взаимодействие государства и общества; государственное управление; каналы связи; коммуникация между государством и обществом

Информация для цитирования: Николаева А. А., Яковлев Д. Ф. Современные общественные движения как форма взаимодействия государства и общества // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 73-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-6.

Alla A. Nikolaeva
Daniil F. Iakovlev

**Modern social movements as a form
of interaction between the state and society**

Moscow State University of Psychology & Education
bld.2A, Shelepikhinskaya naberezhnaya str., Moscow, 123290, Russia
nikolaevaaa@mgppu.ru
danil.yakovlev.2014@mail.ru

Abstract. The article examines the interaction of the state and society, where the main actors are various kinds of social movements. They are created based on the ideas of a particular social group, and when they gain importance in society, they themselves become initiators of various socially significant projects. Gaining power and strength among the public, movements gain the opportunity to influence the state and interact with it through mechanisms inaccessible to an ordinary citizen. The paper focuses on the following social movements: «Pro-life», «Pro-choice», «Feminism», «me too», and describes the results of an empirical study on the topic «The influence of social movements on modern Russia». Objective: to track the influence of social movements on the formation of communication channels with the state, as well as the processes of interaction of citizens through these movements. Results: the theoretical foundations of social movements are described; the issues of the influence of social movements on the formation of communication channels with the state, as well as the processes of interaction of citizens through these movements are considered. Conclusions: analyzing the results of an empirical study, it can be traced that among the older generation, many more people deny the importance of social movements for the modern state. This contributes to the obsolescence of communication channels and their slow degradation. It is revealed that social movements not only directly influence the state policy, but also increase the number of people interested in it.

Keywords: social movement; interaction between the state and society; public administration; communication channels; communication between the state and society

Information for citation: Nikolaeva, A. A., Iakovlev, D. F. (2022), “Modern social movements as a form of interaction between the state and society”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 73-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-6.

Введение (Introduction). Государство и общество находятся в тесном взаимодействии с момента возникновения этих двух структур. Воздействие общества на формирование процессов государственного управления невозможно отрицать, это позволило постепенно преобразовывать некоторые аспекты государственного управления и даже сами страны. Так под влиянием общественных изменений в разных государствах менялись: формы правления, политические режимы, формы территориального устройства и даже границы определен-

ных стран. Несомненно, чем более развитым государство становится, тем быстрее эволюционирует общество и различные движения внутри них.

В современных демократичных странах существует огромное количество различных общественных движений, и Российская Федерация не является исключением. Несомненно, что в государствах с иными политическими режимами тоже присутствуют такого рода движения, но в связи высокой степенью закрытости общества, такие страны дольше идут к социальному равенству. Это можно проследить,

разобрав то, как именно изменилось общество в двух странах КНДР и Республика Корея, которые некогда были одним государством (Пак, 2020). Из этого можно сделать вывод, что в демократических странах общественные движения имеют больше власти и соответственно популярности в силу возможности свободного волеизъявления и существующей там свободы слова.

В связи с тем, что общественные движения набирают новый виток развития и все больше расширяют свою сферу влияния, многие граждане начинают взаимодействовать с государством или выражать свое мнение по отношению к действиям государства или отдельных государственных лиц сквозь призму этих общественных движений. Как следствие этого появляются новые каналы коммуникации между государством и обществом (Антонова и др., 2019).

Целью данной работы является выявление значимости современных общественных движений, таких как «Pro-life», «Pro-choice», «Феминизм» и другие, для процесса взаимодействия государства и общества.

Задачи данного исследования: изучить и проанализировать теоретические основы взаимодействия описанных общественных движений и государства; провести эмпирическое исследование на тему «Влияние общественных движений на политику современного государства»; выявить проблемы взаимодействия государства и общества сквозь призму общественных движений.

Методология и методы (Methodology and methods). При изучении теоретических основ общественных движений, на примере Pro-life, Pro-choice, феминизм и других, мы использовали теоретические методы научного познания: в частности, анализ научной литературы и иных источников информации, и дальнейшая систематизация, и классификация полученных данных. Были использованы всеобщие методы познания: диалектический; метод социологического исследования; приемы научного познания: аналогия, обобщение и др.

Для выявления проблем взаимодействия государства и общества сквозь призму общественных движений, нами было проведено эмпирическое исследование, а именно социологический опрос на тему «Влияние общественных движений на современную Россию». Опрос был проведен в онлайн формате в связи со сложными эпидемиологическими условиями.

Выборку поискового исследования составили жители города Москвы в количестве 205 человек. В состав выборки вошли мужчины и женщины в трех возрастных группах: от 18 до 25, от 25 до 35, от 35 и более.

В исследовании затрагиваются вопросы, связанные с избирательным правом гражданина, поэтому единственное ограничение – это возраст респондентов, не менее 18 лет. Дальнейшее ограничение выборки могло отразиться на исследовании негативно, так как в данном случае необходимо было охватить людей из разных социальных групп для того, чтобы исследование было более валидным.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Взаимодействие общественных движений и государства происходит на совершенно разных уровнях, при этом механизмы взаимодействия тоже могут быть разными в зависимости от целей такого рода коммуникации (Богомолова и др., 2020). Общественные движения в данном случае будут выступать посредником при взаимодействии государства и общества, контролируя соблюдение намеченных целей. Выделяют общественные движения по следующим критериям:

- по отношению к религии;
- по отношению к базовым социальным ценностям;
- по отношению к законам Российской Федерации;
- по характеру и степени развития.

В нашей работе мы рассмотрели три общественных движения: «Pro-life», «Pro-choice», «Феминизм». Причем первые два являются взаимоисключающими. «Pro-life» – общественное движение, нацеленное на

запрет аборт. Согласно статье 20 пункт 1 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь, здесь стоит уточнить, что человеческие права приобретаются с момента рождения. В свою очередь движение «Pro-life» хочет изменить этот момент, поэтому они просят законодательно утвердить право на жизнь с пометкой «с момента зачатия». Как известно практика создания и применения прав в России имеет особый характер, поэтому логично, что некоторые законы могут изменяться вместе с эволюцией государства и общества (Прудентов, 2019). Однако, в данном случае следует понимать, что для утверждения такой законодательной нормы необходимо будет проводить референдум по поправкам в конституцию, а это несет определенные сложности. Возникают вопросы: могут ли мужчины принимать участие в этом голосовании, если они не могут вынашивать ребенка? Сможет ли государство справиться с абортами в полевых условиях и не понесет ли такая поправка вреда?

Несмотря на все вопросы, которые возникают такой закон, уже существует в ряде стран, закрепляя право на жизнь неродившегося ребенка, обуславливая святость жизни человека и ее неприкосновенность с момента зачатия (Чернова и др., 2021). Многие политические деятели придерживаются такой позиции, так как считают, что запрет абортов может улучшить демографическую ситуацию в стране. Pro-choice выступает контрдвижением, которое отстаивает право женщины самой выбирать: совершать ей аборт или нет, иными словами это движение за репродуктивный выбор. В данном случае оба движения взаимодействуют с государством, чтобы добиться своих целей. Они в своей работе используют различные методы: взаимодействуют посредством социальных сетей и распространения информации; воздействуют на государство путем митингов или демонстраций; участвуют в политических гонках, отсюда появляются лозунги у политических лидеров на выборах с поддержкой той

или иной стороны. Как следствие этого движение из общественного становится общественно-политическим.

Рассматривая иное общественно-политическое движение, хочется отметить, что из всех представленных в нашей работе, оно имеет наибольшее влияние в обществе и мире, мы говорим о феминизме. «Феминизм» – это общественно-политическое движение, целью которого является уравнивание правового статуса по половому признаку. С точки зрения закона и конституции, мужчины и женщины равны, как в своих правах и свободах, так и перед законом. Отсюда вытекает вопрос: зачем бороться за равенство полов, если законодательно, оно и так регламентируется? В действительности равенство по большей части законодательное, а реальная картина говорит о том, что многие сферы как экономические, так и социальные, остаются во многом дискриминационными для женщин по всему миру, и Россия не является исключением (Липатова и др., 2021). По данным опроса среди населения, большая часть опрошенных считают, что проблемы, затрагиваемые этим общественно-политическим движением, являются актуальными для современной России (Шафеева, 2019).

Движение «феминизм» приобрело настолько всеобъемлющий характер, что начало поддерживать иные общественные движения, например, metoo – движение против сексуального насилия и домогательств; Pro-choice, делая такие отдельно возникающие общественные движения частью своего. Еще один фактор, который определяет высокую степень влияния феминизма на общество и государство – это изменение законодательства и создание новых законопроектов (Коновалова, 2022). В данном случае общественное движение выступает посредником при взаимодействии государства и общества, внося свои идеи через политические механизмы на государственный уровень. Так, например, за рубежом существует целое направление под названием феминистская политика, и одно

из средств достижения ее целей – это чувство стыда, которое они вызывают различными медиапроектами по борьбе с сексизмом и сексуальным насилием. Они используют стыд как форму социально-общественного воздействия на людей, считая, что он может быть политически прогрессивной эмоцией и способствовать феминистской политике (Gottzen, 2019).

В контексте вышеописанных рассуждений, стоит упомянуть законопроект о домашнем насилии. Семейно-бытовое насилие – это серьезная проблема любого современного социально-правового государства. Для общей наглядности на Рисунке 1 представлен количественный график совершенных преступлений, связанных с семейно-бытовыми отношениями.

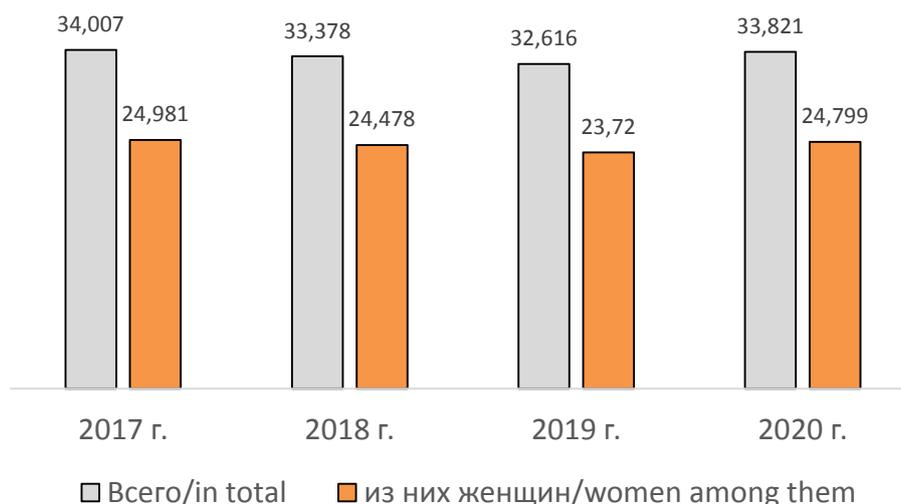

Рисунок 1. График количества преступлений, сопряжённых с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи за 2017-2020 годы¹
Figure 1. Graph of the number of crimes involving violent acts committed against a family member for 2017-2020

Как мы помним, в 2019 году был внесен проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Законопроект должен был позволить осуществлять профилактические мероприятия, снижающие риск возникновения ситуаций семейно-бытового насилия. Для общественных движений и жертв, которые сталкивались с подобного рода ситуациями, это значит признание семейно-бытового насилия государством.

Примерно в то же время, произошло несколько инцидентов, которые потрясли общественность, вследствие чего необходимость такого закона стали отстаивать общественные движения. Одним из таких громких дел, стал инцидент, который произошел весной 2020 года, когда молодой человек, проживающий со своей девушкой, в состоянии алкогольного опьянения выстрелил ей в голову². Девушка осталась жива, но лишилась глаза, а ее бывшему жениху дали 5 лет с возможностью выхода по УДО через год.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 21.04.2022).

² «Я решила, что уйду, но не успела»: девушка лишилась глаза – пьяный жених выстрелил ей в голову из ружья // ЛЕН ТВ 24. 2021. URL: <https://lentv24.ru/ya-resila-cto-uidu-no-ne-uspela-devuska-lisilas-glaza-zenix-vystrelil-ei-v-golovu-iz-ruzya.htm> (дата обращения 17.04.2022).

Возможность выхода человека, выстрелившего в лицо девушке, снова взбудоражила общественность и подняло ажиотаж вокруг законопроекта. Многие общественные и политические деятели высказывались на эту тему, поддерживая такой законопроект, различные общественные движения также выступали за принятие этого законопроекта (Романов, 2020).

В контексте темы нашего исследования хочется отметить, что общество в данном случае выстраивало свое взаимодействие, используя любые доступные каналы. Многие общественные движения, специализирующиеся на данной проблематике, то есть работающие с жертвами как домашнего, так и иных видов насилия, предлагали свою помощь государству в доработке вышеописанного федерального закона. Они обращались с различного рода инициативами, ссылаясь на зарубежный опыт в данном вопросе.

Все вышеописанное говорит нам о тесном взаимодействии государства и общества, а как следствие этого воздействие одной группы на другую. Общественные движения в любом современном государстве во многом создают фундамент для развития политической системы страны, а как следствие этого могут служить предпосылкой образования новых политических партий (Троицкая, 2021). Однако все же политические партии и общественные движения – это разные фундаментальные единицы общественно-политической системы.

Мы предполагаем, что в глазах большинства граждан общественные движения из-за своей тесной связи с государством представляются как политические партии, то есть рассматриваются как структура, созданная государством, однако это не так. Именно поэтому в контексте эмпирического исследования влияния общественных движений на политику современного государства, нами был задан вопрос: «Как Вы считаете, у общественных движений и политических партий много различий?» Респонденты ответили так: 16,7% – да, достаточно много, 7% – они идентичны, 59,3% –

нет, достаточно мало, 17% – затрудняюсь ответить. Исходя из этих ответов, можно сделать вывод, что наша гипотеза не подтвердилась, так как большинство респондентов видят мало схожего между этими структурами.

Несомненно, у общественных движений и политических партий есть схожие черты, так, например, они пользуются одинаковыми PR-приемами, взаимодействуют с государством и населением. Политические партии, как и общественные движения должны олицетворять мнение граждан, быть его политическим воплощением (Бокоева и др., 2022). Однако все же не стоит путать эти два понятия, у населения должно быть четкое понимание, что политические партии – это структура, приближенная к государству больше, чем к людям, в то время как общественные движения действуют исключительно в рамках конкретных социальных групп и приближены к обществу.

Далее были заданы вопросы о взаимодействии государства и общества в контексте влияния на него общественного движения «Феминизм». Так был задан вопрос об участии женщин в управлении государством: «Стал бы для вас гендерный признак решающим при выборе в президенты?» Большинство из опрошенных – 87%, ответили, что нет, остальные 13% ответили – «затрудняюсь ответить». Однако на вопрос: «Отдали бы вы свой голос на выборах в президенты женщине?» Утвердительное да, отметило лишь 37,3%, «возможно да» – 36,3%, «скорее нет» – 10,2%, «определенно нет» – 2,2%, а «затрудняюсь ответить» отметило 14%. Также хотелось бы отметить, что была возможность написать свой вариант, однако им воспользовалось всего 13 респондентов, чтобы написать о том, что голосовать они будут, опираясь на программу, представленную политиками, а не на гендерную составляющую.

Несмотря на то, что прошло уже больше 100 лет с момента появления женского избирательного права, женщин в политике в процентном соотношении все еще

меньше (Милаева и др., 2021). Общественно движение «Феминизм» провоцирует изменения в государстве, за счет попытки сравнить правовое поле мужчин и женщин. Однако, как мы видим из результатов опроса выше, многие граждане еще не готовы к феминизации руководящих постов, хотя стоит отметить, что девушки руководители есть: министры, депутаты, военные. Однако на посту президента, как мы выяснили, видеть девушку граждане не готовы. Чтобы понять причины такого сопротивления современным канонам равенства, мы задали вопрос «Как Вы считаете, почему люди при одинаковой политической программе выбирать именно мужчин?» Вопрос открытый, поэтому тут каждый респондент сам решает, что ему ответить. Самые популярные ответы: *«Я считаю это связано с тем, что эти области менее интересны для женщин, а те, кому это интересно, сложно пробиться»*; *«Потому что нет социального и полового равенства. Считается, что женщина слабее и глупее мужчины, хотя это сугубо индивидуально»*; *«Исторически так сложилось (в связи с особенностями развития общества + действительно раньше прав у женщин было меньше, «не привыкли интересоваться политикой»)*. Пол не является ключевым фактором при голосовании); *«Гендерное неравенство, неправильное понимание идей феминизма большей массой населения, стереотипное мышление»*.

Хочется отметить, что практически во всех ответах стабильно прослеживаются феминистские идеи, хотя, по сути, то, о чем говорится в ответах правда. Если обратиться к Истории России, то мы видим, что к власти приходили только выдающиеся женщины, в то время как среди мужчин было много посредственных управленцев. Возможно, среди женщин такого рода управленцев не меньше, но такого свободного доступа к власти у них не было, поэтому и отсутствовала возможность это проверить (Фортунатов и др., 2022). Собственно, поэтому мужчины у власти – это

картина привычная, так как психологически люди стремятся к чему-то знакомому и понятному, вследствие этого выбор в равных схватках падает на них. При этом очевидно, что взаимодействия государства и общества не хватает, чтобы изменить данную проблему, так как для этого необходимо изменить сознание людей, а это долгая и кропотливая просветительская работа должна проводиться. Однако, как мы знаем, общество развивается и не стоит на месте, появляются различные общественные движения, которые уже в свою очередь занимаются просветительской деятельностью через каналы коммуникации.

Если говорить об общественных движениях в контексте взаимоотношения государства и общества, то можно отметить, что они в принципе появляются благодаря тому, что некоторые проблемы государство и общество не может решить даже совместными усилиями. Выходит, что, если в системе коммуникации два элемента не могут прийти к согласию, к ним вклинивается третий, становясь посредником между основными сторонами взаимодействия. В нашем случае третьей стороной выступают общественные движения, меняя сознание людей просветительской деятельностью, ведь само государство не может этим заниматься, так как со стороны государства такая деятельность считается нарушением свобод, а в народе называется государственной пропагандой (Родинов, 2020).

В контексте взаимодействия государства и общества общественные движения во многом сыграли большую роль в становлении современных государств. Стремление к равенству по гендерному, расовому, национальному и иным признакам возникло во многом благодаря тому, что люди объединялись, создавая небольшие группы, которые противостояли закоренелым нормам. Обращаясь к мировой истории, можно вспомнить движение афроамериканского населения в США за отмену доктрины «разделенных, но равных», которая была узаконена верховным судом через некоторое

время после отмены рабства и введения новых конституционных норм. Суть доктрины заключалась в том, что равные права должны были реализовываться отдельно для темнокожего и белого населения, то есть давала прочный фундамент для развития расизма в стране (Майстренко, 2021). Темнокожие люди по всей стране пытались на правовом поле отстаивать свои права, они уже боролись против рабства, теперь появилась новая угроза. Также можно вспомнить движение суфражисток во Франции, зародившее современное движение феминизма. Суфражистки начали отстаивать возможность предоставления избирательных прав женщинам: суды, шествия, митинги, пикеты, а затем равенство гражданских прав между мужской и женской частью населения (Попова и др., 2021). Это два глобальных примера общественных движений, которые кардинально изменили вектор развития государств, приводя их к тому состоянию, в котором они находятся сейчас.

В целом мы уже выяснили из исторического опыта, что общественные движения взаимодействовали с государством, отстаивая права и свободы граждан. Однако, в контексте нашего исследования было важно узнать: «считают ли респонденты, что общественные движения оказывают влияние на политику?» Как выяснилось, 59,8% респондентов считают, что оказывает, 22,5% – частично оказывает, 11,8% – не оказывает совсем, а остальные затрудняются ответить. Как мы видим практически 12% опрошенных, считают, что общественные движения не имеют влияния на государство, хотя исторические примеры говорят об обратном.

Далее следовало выяснить, насколько сильным влиянием обладают общественные движения. Для этого был задан вопрос:

«Как Вы считаете, изменится ли политическая ситуация в РФ, если запретить общественные движения?» Результаты были следующими: 33% считают, что ухудшится, 36% – не изменится, 8,4% – улучшится, 21,6% – затрудняются ответить. Далее мы рассмотрели ответы респондентов на этот вопрос по возрастному критерию (Рисунок 2).

Как мы можем видеть на графиках процент респондентов, которые считают, что запрет общественных движений ухудшит ситуацию в стране уменьшается пропорционально росту возраста респондентов. В свою очередь процент ответов «улучшится» и «не изменится» увеличивается по мере увеличения возраста респондентов. Такая картина может говорить о нескольких вещах, во-первых, это нежелание принимать новую действительность, в которой существует свобода мнений, интересов, взглядов и т.д. В такой ситуации человеку сложно принимать новое, так как приходится работать над собой, чтобы уважать и понимать даже те точки зрения, которые им не близки. Во-вторых, четкая убежденность в том, что современные течения, а именно феминизм, бодипозитив, pro-choice и иные, не несут никакой значимости и в них нет необходимости, так как в мире уже и так есть равенство и свобода или убежденность в том, что этого равенства не добиться. Взрослое поколение в принципе менее гибкое и более тяжело переносит изменения, поэтому такая ситуация не удивительна, однако все же отрицать значимость общественных движений не стоит, так как все же они являются формой волеизъявления граждан и вместе с этим, формой взаимодействия с государством.

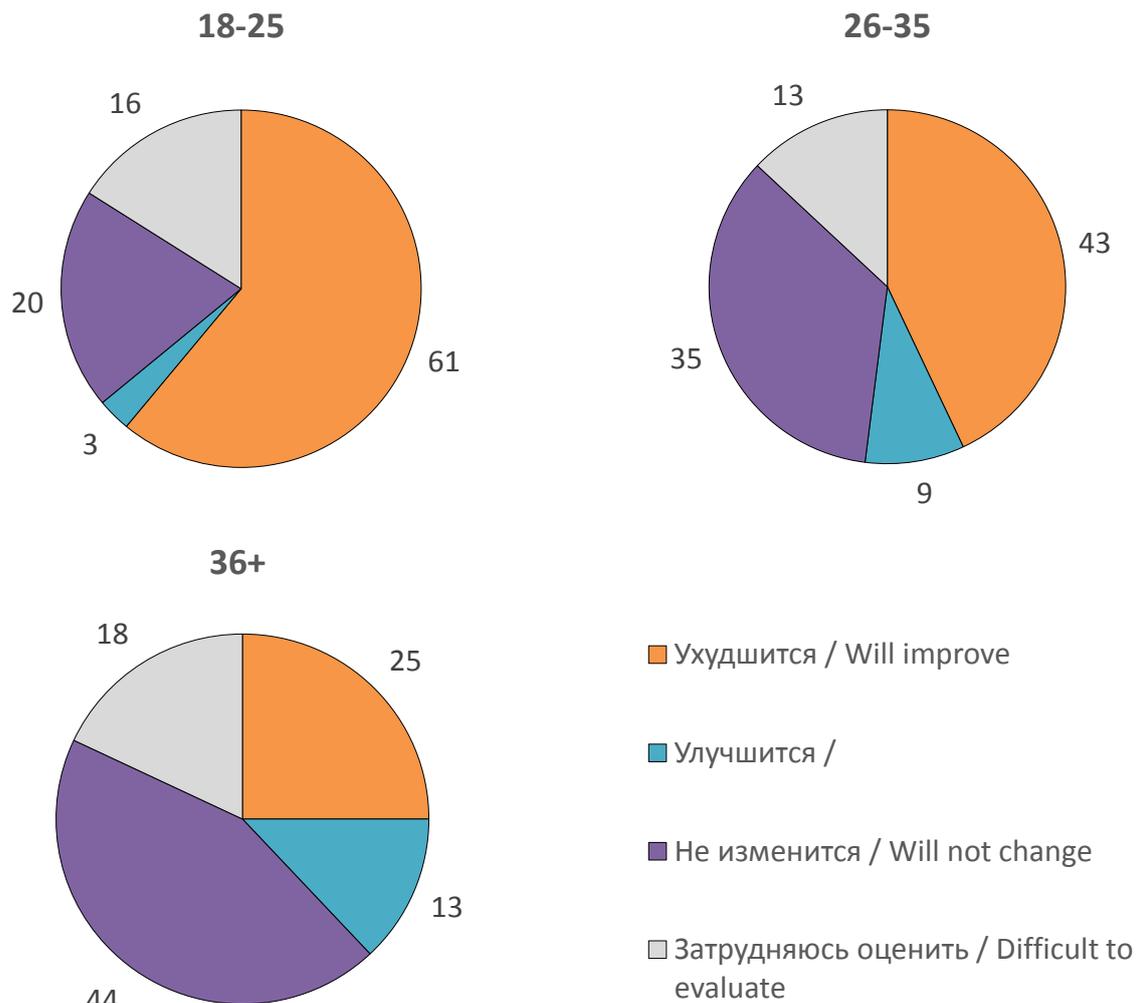

Рисунок 2. Результаты ответов на вопрос в соответствии с возрастными группами: «Как Вы считаете, изменится ли политическая ситуация в РФ, если запретить общественные движения?»

Figure 2. The results of the answers to the question according to age groups: «Do you think the political situation in the Russian Federation will change if social movements are banned?»

Заключение (Conclusions). Анализируя результаты эмпирического исследования, можно сделать вывод, что среди более взрослого поколения гораздо больше людей отрицают значимость общественных движений для современного государства. В долгосрочной перспективе это может способствовать устареванию и деградации каналов связи.

В ходе проведения исследования была выявлена взаимосвязь между общественными движениями и взаимодействием государства и общества. Общественные

движения – это продолжение идей общества или конкретных социальных групп, а вследствие этого должно рассматриваться как составляющая коммуникационного процесса между государством и обществом. Феминизм, pro-life, pro-choice, metoo и иные общественные движения могут выражать мнение большинства или меньшинства, но не должны противоречить законам гуманизма и демократии, а также принципам правового, социального и экономического равенства всех граждан.

Несмотря на то, что общественные движения все больше набирают свою популярность и обретают независимость, начиная во многом рассматриваться вне взаимодействия государства и общества, все же не стоит забывать о том, для чего изначально эти движения создавались. Общественные движения не только непосредственно влияют на политику государства, используя огласку как средство достижения целей общества, но и увеличивает количество интересующихся политикой людей. Ведь многие движения перешли из общественного пространства в политико-правовое, взаимодействуя с государством не только через косвенные механизмы, а уже напрямую. Из этого следует, что общественные движения можно выделить как отдельную форму взаимодействия государства и обществ со своими механизмами, принципами работы и коммуникации как с политическими деятелями, так и с населением.

Список литературы

- Антонова Ю. П., Савченко И. А. Исследование коммуникативных процессов в системе государственного управления // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 10. С. 263-273. DOI: 10.33619/2414-2948/47/30.
- Богомолова Т. П., Шурус А. А. Основные формы взаимодействия государства и гражданского общества: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2020. № 2. С. 23-27. DOI: 10.24158/tipor.2020.2.3.
- Бокоева Ж. Т., Акматбекова Ж. А., Сыдыгалиева Д. PR как инструмент политических технологий (на примере парламентских выборов 2020 года в Кыргызстане) // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 1. С. 191-200. DOI: 10.33619/2414-2948/74/27.
- Коновалова А. П. Тренды феминизма и российское общество // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. № 1. С. 80-88. DOI: 10.18101/1994-0866-2022-1-80-88.
- Липатова Л. Н. Гендерное неравенство в экономике современной России: количественный анализ проблемы // Регионоведение. 2021. Т. 29. № 1. С. 99-125. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.099-125.
- Майстренко Г. А. Роль Верховного Суда США в решении проблем расовой дискриминации: исторический аспект // Образование и право. 2021. № 7. С. 446-450. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-7-446-450.
- Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Социальные проблемы участия женщин в институтах политического представительства // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 3. С. 119-130. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-3-12.
- Пак А. В. Роль протестантской церкви в формировании новой женской идентичности в Корее в конце XIX начале XX в. // Историческая психология и социология истории. 2020. Т. 13. № 2. С. 68-72.
- Попова С. Л., Тараскина Е. В. Проблемы и задачи феминизма на современном этапе развития российского социума // Молодой исследователь Дона. 2021. № 4. С. 134-137.
- Прудентов Р. В. Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права: монография. М.: Статут, 2019.
- Родионов Л. И. Правовые основы организации и функционирования общественно-политических движений // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 39-47.
- Романов А. А. Научный комментарий к проекту федерального закона «о профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2. С. 44-50.
- Троицкая Т. В. Общественные движения в Российской Федерации и их участие в выборах: современное состояние и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 3. С. 317-322. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-3-317-322.
- Фортунов В. В., Бесчасная А. А. Женщины в государственных органах управления советской России: с чего все начиналось (Петроград, 1923 г.) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 108-120. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.9.
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 2. С. 27-50.
- Шафеева А. В. Апредставления современной молодежи о феминизме // Социальные

и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1. С. 293-304.

Gottzen L. Chafing masculinity: Heterosexual violence and young men's shame // *Feminism & Psychology*. 2019. Vol. 29, № 2. DOI: 10.1177/0959353518776341

References:

Antonova, Yu. P., Savchenko, I. A. (2019), "The study of communicative processes in the system of public administration", *Bulletin of Science and practice*, 5 (10), 263-273, DOI: 10.33619/2414-2948/47/30. (In Russian)

Bogomolova, T. P., Shulus, A. A. (2020), "The main forms of interaction between the state and civil society: theoretical and practical aspects", *Theory and practice of social development*, (2), 23-27, DOI: 10.24158/tipor.2020.2.3. (In Russian)

Bokoeva, Zh. T., Akmatbekova, Zh. A., Sydygalieva D. (2022), "PR as a tool of political technologies (on the example of the 2020 parliamentary elections in Kyrgyzstan)", *Bulletin of Science and Practice*, 8 (1), 191-200, DOI: 10.33619/2414-2948/74/27. (In Russian)

Konovalova, A. P. (2022), "Trends of feminism and Russian society", *The Buryat State University Bulletin. Philosophy*, (1), 80-88, DOI: 10.18101/1994-0866-2022-1-80-88. (In Russian)

Lipatova, L. N. (2021), "Gender inequality in the economy of modern Russia: quantitative analysis of the problem", *Regionology*, 29 (1), 99-125, DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.099-125. (In Russian)

Maistrenko, G. A. (2021), "The role of the US Supreme Court in solving problems of racial discrimination: a historical aspect", *Education and Law*, (7), 446-450, DOI: 10.24412/2076-1503-2021-7-446-450. (In Russian)

Milaeva, O. V., Siushkin, A. E. (2021), "Social problems of women's participation in institutions of political representation", *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 9(3), 119-130. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-3-12. (In Russian)

Pak, A. V. (2020), "The role of the Protestant Church in the formation of a new female identity in Korea at the end of the XIX-early XX century", *Historical Psychology and sociology of History*, 13 (2), 68-72. (In Russian)

Popova, S. L., Taraskina, E. V. (2021), "Problems, and tasks of feminism at the present stage of development of Russian society", *Young*

researcher of the Don, (4), 134-137. (In Russian)

Prudentov, R. V. (2019), [Method of legal regulation: questions of theory and constitutional law: monograph], Statut, Moscow, Russia. (In Russian)

Rodionov, L. I. (2020), "Legal foundations of the organization and functioning of socio-political movements", *Voprosy rossijskoj usticii*, (8), 39-47. (In Russian)

Romanov, A. A. (2020), "Scientific commentary on the draft federal law "on prevention of domestic violence in the Russian Federation"", *Pravo: retrospektivaiperspektiva*, (2), 44-50. (In Russian)

Troitskaya, T. V. (2021), "Social movements in the Russian Federation and their participation in elections: current state and prospects of development", *Izvestiya of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*, 21 (3), 317-322, DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-3-317-322. (In Russian)

Fortunatov, V. V., Beschasnaya, A. A. (2022), "Women in state governing bodies of Soviet Russia: how it all began (Petrograd, 1923)", *Woman in Russian society*, 1, 108-120, DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.9. (In Russian)

Chernova, Zh. V., Shpakovskaya, L. L. (2021), "The anti-abortion agenda in the conservative Discourse of modern Russia: ideological campaigns, legal initiatives, and regional practices", *Demographic Research*, 8 (2), 27-50. (In Russian)

Shafeeva, A. V. (2019), "Apredstavlenie modern youth about feminism", *Social'nyeigumanitarnyenauki: teoriijaipraktika*, 1, 293-304. (In Russian)

Gotzen, L. Irritating masculinity: heterosexual violence and shame of young men, *Feminism and Psychology*, 2019, 29 (2), DOI: 10.1177/0959353518776341.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2022 г.
Поступила после доработки 15 июня 2022 г.
Принята к печати 20 июня 2022 г.

Received 30 May 2022. Revised 15 June 2022.
Accepted 20 June 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Николаева Алла Алексеевна, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой «Теория и практика управления», доцент кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Alla A. Nikolaeva, PhD in Sociology, Head of Department "Theory and Practice of Management", Associate Professor of Department "Theory and

Practice of Management" of Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

Яковлев Даниил Фейрузович, студент бакалавриата Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Daniil F. Iakovlev, student, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

УДК 314.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-7

Svetlana Yu. Sivoplyasova
Evgenia P. Sigareva

**Birth of Children as a Factor of Regressing
of Socio-Economic Status of the Family**

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
svetlankamos84@rambler.ru
sigarevae@mail.ru

Abstract. This article deals with the results of a study of the impact of the birth of children on the socio-economic status of the family. Public and scientific discourse recognizes the essential role of the economic factor in the decision to give birth to a certain number of children before the event itself. However, there are a small number of works that evaluate already implemented reproductive attitudes to change the socio-economic status of the family. The authors examined the well-known theoretical foundations of the “economic theory of fertility” by G. Becker and R. Easterlin, “demographic transition” by F. W. Notestein and other foreign and domestic researchers in relation to the transformation of the current situation of fertility processes in Russia. The study revealed a more complex relationship between fertility and the socio-economic status of the family, which had a regressive character in this study. It is shown that the birth of children in modern socio-economic conditions in Russia worsens family satisfaction with their financial situation, depending on the number of children and form the potential of the poor population. In addition of this it develops a shortage of funds, and also accelerates the degradation of housing conditions at a higher rate in families with a large number of children. An important conclusion of the study to clarify the scope and directions of socio-demographic policy in Russia and in other countries experiencing similar problems is the conclusion that the appearance of each child in a family worsens its socio-economic status by 10-30%.

Keywords. Family; children; fertility; regression; socio-economic status; household; income, demographic policy

Information for citation: Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P. (2022), “Birth of Children as a Factor of Regressing of Socio-Economic Status of the Family”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 85-96. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-7.

Исследовательская статья

Сиволясова С. Ю.
Сигарева Е. П.

**Рождение детей как фактор регресса
социально-экономического положения семьи**

Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия

svetlankamos84@rambler.ru
sigarevae@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования влияния рождения детей на социально-экономическое положение семьи. Общественный и научный дискурс признает существенную роль экономического фактора в принятии решения о рождении определенного количества детей до самого события. Однако, имеется небольшое количество работ, в которых оцениваются уже реализованные репродуктивные установки на изменение социально-экономического статуса семьи. Авторы рассмотрели известные теоретические основы «экономической теории рождаемости» Г. Беккера и Р. Истерлина, «демографического перехода» Ф. У. Ноутстейна и других зарубежных и отечественных исследователей в связи с трансформацией современной ситуации процессов рождаемости в России. Исследование выявило более сложную связь между рождаемостью и социально-экономическим положением семьи, которая в данном исследовании носила регрессивный характер. Показано, что рождение детей в современных социально-экономических условиях России ухудшает удовлетворенность семей своим материальным положением в зависимости от количества детей и формирует потенциал малообеспеченного населения. Вдобавок к этому развивается дефицит средств, а также ускоряется ухудшение жилищных условий более высокими темпами в многодетных семьях. Важным выводом исследования для уточнения масштабов и направлений социально-демографической политики в России и в других странах, испытывающих аналогичные проблемы, является вывод о том, что появление в семье каждого ребенка ухудшает ее социально-экономическое положение на 10-30%.

Ключевые слова: семья; дети; рождаемость; регресс; социально-экономический статус; семья; доходы, демографическая политика

Информация для цитирования: Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Рождение детей как фактор регресса социально-экономического положения семьи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 85-96. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-7.

Introduction. Interest in this topic is due to the fact that in the modern world, under the influence of the ideology of economic determinism and consumer society, the birth of children becomes utilitarian. New generations are increasingly approaching the creation of a family and the birth of a child from the standpoint of the “benefit-cost” dichotomy. The birth of a child ceases to be an unconditional value and becomes the subject of commercial evaluation. This is due to the fact that modern living standards, often imposed by the media and marketers, require significant material, financial and time costs for the birth and upbringing of children. A child is perceived by society as an expensive and long-term “investment project”,

the “dividends” from which are not guaranteed.

Russia participates in world global trends, which are characterized by individualism and atomization of society, deepening socio-economic inequality, shrinking family structure and decreasing childbirth, but still has a number of features in comparison with other countries. Thus, the share of households consisting of one person is less (26%) than in Europe and the United States, the share of married couples without children is also much less (16%) than in these countries.

The last 30 years, which are characterized by depopulation trends in Russia (the first and second waves), have formed an active position of the state to overcome them. At the

same time, the existing socio-economic conditions to a significant extent hinder the processes of restoring demographic progress at the level of the whole society and at the level of individual families.

Methodology and methods. The theoretical approaches of this work were based on classical works of Western and domestic demographers, sociologists and economists, as well as articles by modern researchers about the role of socio-economic influence on reproductive processes. It should be noted that a significant part of scientific publications present studies of fertility processes transformation. They focus on the role of economic conditions that form the motivation to have children. The idea of rationalizing reproductive behavior due to economic factors is asserted starting with the well-known “economic theory of fertility” by G. Becker (Becker, 1960, 1993).

In macroeconomic theory This idea was developed by R. Easterlin in macroeconomic theory (Easterlin, 1961, 1981, 2011). He argued that the relationship between income and fertility does not depend on absolute, but on relative income. This hypothesis continues to be tested by his followers, who confirm the validity of the theoretical model, but only for high-income countries (Dupke at al., 2015; Hill, 2015; Manukovich, 1998; Jeon at al., 2005). H. Leibenstein noted that “pure economic theory does not explain all variations in fertility; it is necessary to take into account the socio-economic processes that are the result of economic development” (Leibenstein, 1974).

The importance of economic incentives in the processes of fertility is also laid down in the theory of “demographic transition”. The essence of this theory is a gradual decrease in fertility and mortality rates during the economic development of states. The works of the founder of this idea, F. W. Notstein, continue to be widely discussed in the scientific community even now (Notestein, 2009). The famous Russian demographer A. G. Vishnevsky was one of the first to try to adapt this theory to Soviet and then Russian reality (Vishnevsky, 2005, 2017, 2018). Other authors continue to

explore this approach in a new situation (Sergeev at al., 2020; Eggleston and Fuchs, 2012; Muller, 1976).

Microeconomic studies of this problem detail the role of the economic factor, but indicate more complex relationship between it and other determinants of reproductive behavior. These works include the projects of E. Lehrer and M. Nerlav (Lehrer and Nerlav, 1981), S. Robinson and N. Thomes (Robinson and Tomes, 1982), M. O. Borg (Borg, 1989), J. Llovet (Llovet, 1989).

The works of domestic researchers who study the processes of fertility and reproductive behavior have a great theoretical value. They recognize the importance of economic conditions but not limited to them and proved the need to take into account other factors. The works of B. Ts. Urlanis (Uralanis, 1963), A. Ya. Boyarsky, D. I. Valentey, A. Ya. Kvasha (Boyarskiy at al., 1980; Kvasha, 1981), A. I. Antonov (Antonov, 1980), V. A. Borisov, A. B. Sinelnikov (Borisov and Sinelnikov, 1995), V. N. Arkhangelsky (Archangelsky, 2006), V. N. Medkov (Antonov at al., 2002) and other authors convincingly prove that economically deterministic demographic policy does not always lead to unambiguous increase in the birth rate. The economic factor is a necessary, but insufficient condition for influencing the processes of fertility. In conditions of economic instability, a guaranteed system of the state support of families with children is of particular importance. It provides basic expenses for the upbringing and education of the younger generation.

In our study, we focused on the aspect of the socio-economic status of the family, which is objectively transformed at the birth of a child. Moreover, the nature of the transformation is regressive.

Here the socio-economic status of the family is an integral characteristic that reflects the social and economic potential for the implementation of life strategies. It contains various components: total income, per capita income (its financial position), as well as the presence of property, housing conditions and other opportunities, or, on the contrary, the absence of such. Usually, the study of the socio-economic status of families classifies them into

several groups with high, medium and low status. The first one is determined by a high level of income and quality of housing conditions that allow satisfying the basic needs of life. The second one is characterized by the level of income and housing conditions corresponding to the minimum social standards of living. The third one is determined by such material and housing conditions, which are below the established standards (for example, below the subsistence level) and do not allow satisfying basic needs in full.

The concept of regression in the context of the study had a classical interpretation as a

decrease or deterioration in socio-economic status under the influence of any events: in this case, with the birth of children. This report will affect some aspects of our research.

Research Results and Discussion. Following the data of the last census in Russia in 2010 (since the new census planned in 2020 was postponed due to the pandemic), the country's population includes more than 17.5 million families with children under 18 years old. The most common are full families with children (Figure 1). Almost 30% consisting of a mother and children, and about 4% consisting of a father and children.

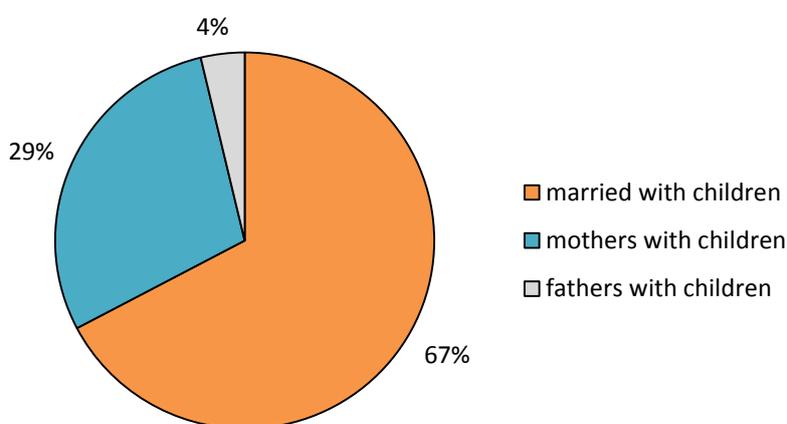

Figure 1. Structure of family units with children under 18 years old

A typical family in Russia is a married couple with 1 child. There are more than 2/3 of such households (Figure 2). Every fourth family is also a family with 2 children. The share of households with a large number of children is about 6%. These data are presented in the results of the Russian Census of 2010. According to the Ministry of Labour and Social Protection of Russia of January 1, 2019, the number of large families was 1.76 million, where more than 5.6 million children are being raised.

In the Figure 3 in all types of families, especially where there is only one parent, the dominant family is a family with 1 child. There are relatively few families with many children where there is only one parent.

In recent years, the total fertility rate in Russia has been declining and in 2020 amounts

to 1.48 children per 1 woman of reproductive age. This situation is characteristic not only of Russia. At the same time, it should be noted that the desired number of children, according to the results of many sociological studies, is greater than the real total coefficient. This is due to the fact that the prevailing socio-economic conditions hinder the implementation of the desired reproductive attitudes. This fact is indicated by the results of the author's sociological survey of intellectual youth, which was carried out in Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. The survey showed that given the current socio-economic conditions, the ideal reproductive model is becoming less detailed. The number of respondents with "conscious childlessness" is also increasing (Figure 4, 5).

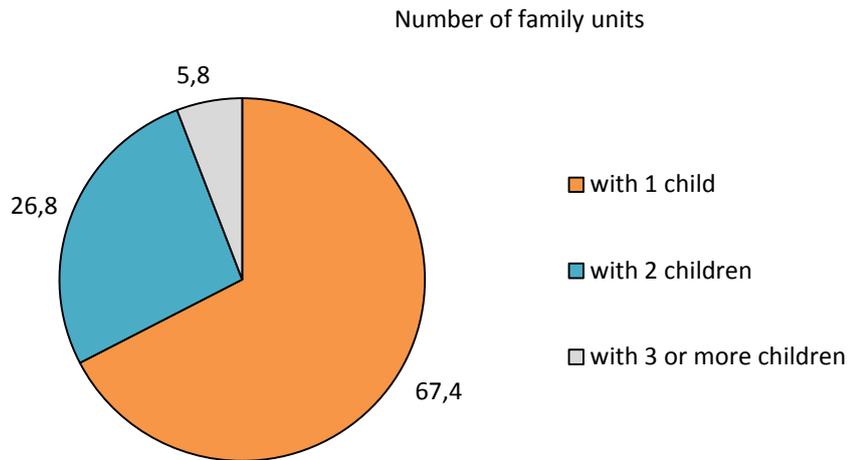

Figure 2. Structure of family units by the number of children under 18 years old

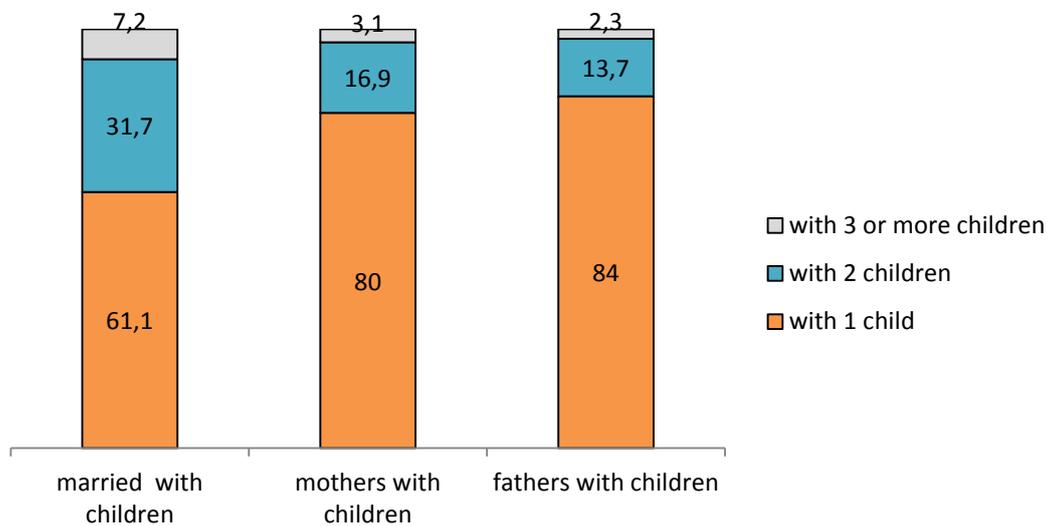

Figure 3. Structure of families with children under 18 years old by composition and number of children, %

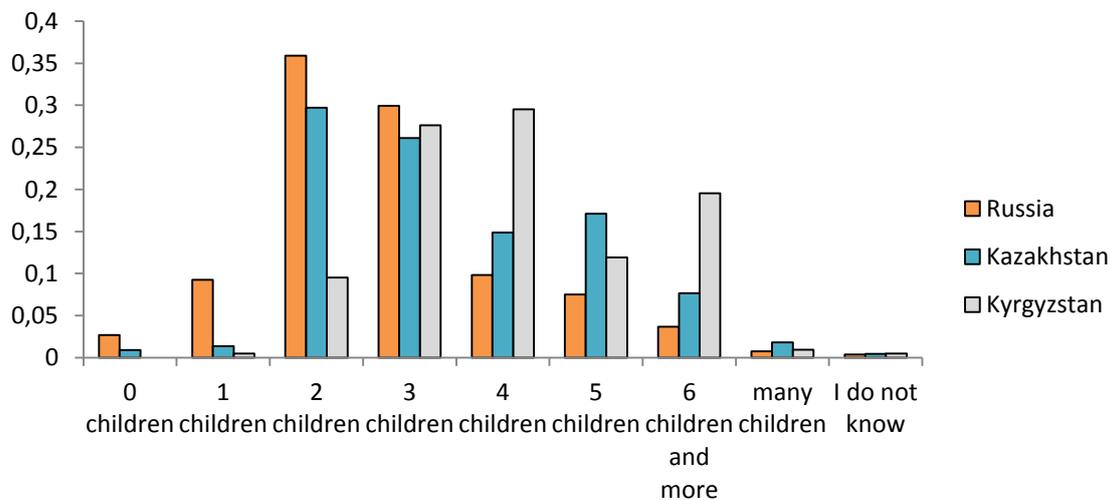

Figure 4. Distribution of respondents' answers to the question "How many children would you like to have if all the conditions necessary for this exist?", %

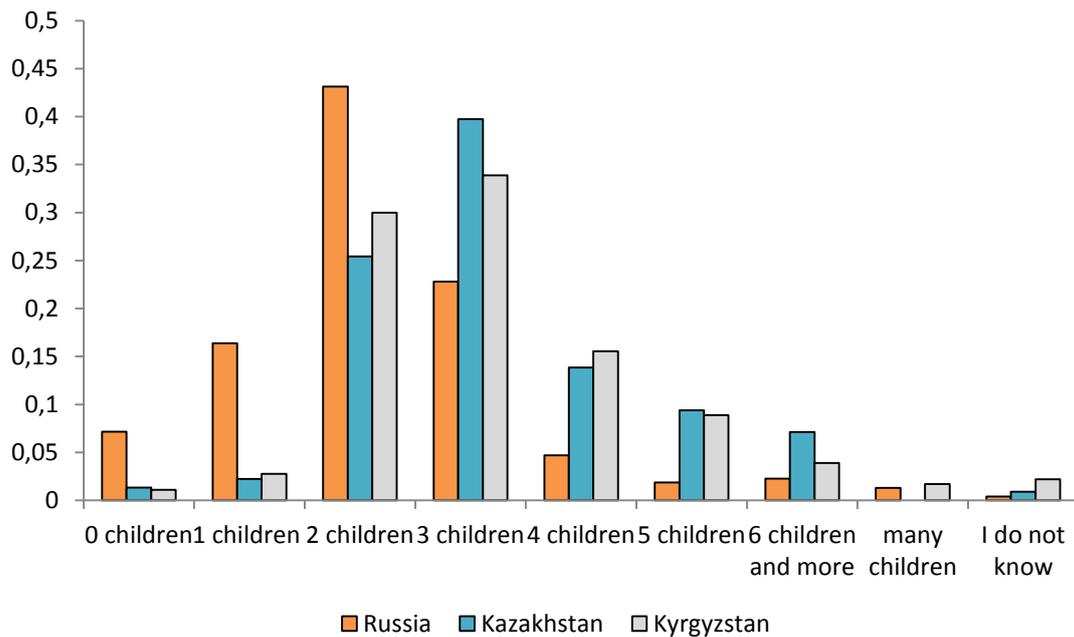

Figure 5. Distribution of respondents' answers to the question: "How many children are the best to have in a family in our time in your country? ", %

According to another all-Russian survey "Demographic Wellbeing of Russia" conducted by the Institute for Demographic Research of

the Russian Academy of Sciences, financial difficulties and housing problems were among the main reasons for refusing to implement the desired reproductive attitudes (Table 1).

Table 1

Three main reasons that prevent having the desired number of children, %

What prevents you from having the desired number of children, %	men	women
difficulties with money	66.2	65.9
uncertainty about the future	59.4	63.0
housing problems	54.1	48.8

The results of a sample survey of households on the degree of satisfaction with their financial situation in 2019 (Table 2) show that only 2% of families with 1 child and 3% of families with 2 or more children have sufficient funds to buy everything they consider necessary.

Almost half of families with children (regardless of their number) have problems buying durable goods, which forces them to take out consumer loans. About one of four families does not have sufficient funds to buy a car. For 13% of families with 1 child, it is difficult to make mandatory payments for

utilities and buy clothes. There are already more than 16% of families with more than 1 child with the same problems. As for buying an apartment, the problem of lack of funds is more noticeable in families with 1 child than with 2 or more children (8% versus 7.4%). This paradox is evidently due to the demographic policy of the state to stimulate the birth rate of the second and subsequent children (first of all, the payment of maternity capital at the birth of a second child). In addition, there are families who noted that they did not even have enough money for food (0.4% with 1 child and 0.8% with 2 or more children).

Table 2

Distribution of households according to the degree of satisfaction with their financial situation (including those with children under 16 (18) years old) (based on the results of the Sample Survey of Household Budgets), %

Having children	Allhouseholds	households that assessed their financial position as follows:						
		not enough money even for food	it is difficult to buy clothes and pay utility bills	cannot afford to buy durable goods	not enough money to buy a car	not enough money to buy an apartment, summer residence	enough funds to buy whatever you see fit	find it difficult to answer
1 child	100	0.4	13.0	49.7	26.3	8.0	2.0	0.5
2 children and more	100	0.8	16.6	48.6	23.4	7.4	3.0	0.3

The evidence of the significant influence of childbirth on the socio-demographic status of a family is shown in the Figure 6. Here, the dynamics of the share of poor households in the total number of households in Russia is presented. Its value is not so great and in different years ranged from 6.6% to 8.9%. In addition, the share of low-income households with children under 18 years old in the total number of households with children is presented. In this case, its value ranges from 15.0% to 21.7%. Moreover, as the graph shows, this gap is growing by 2018. This means that having children in a family generally increases the family's poor status or poverty. In addition, the share of low-income families with small children (under 3 years old) in the total number of families with children under 3 years old is presented. Its indicators are even higher: from 22.1% to 34.5%. Also in recent years, the gap between the charts has been

growing. This demonstrates that a particularly significant deterioration in socio-economic status is characteristic of young families with young children.

The data from the survey of cash income of households in Russia also recorded an increase in the deficit of cash income of low-income families with different numbers of children (Figure 7). It should be noted that in absolute numbers the shortage of funds for one family member with 1 child and 2 children is quite close. The growing deficit for such families is almost synchronous, but for low-income families with many children (3 or more), the shortage of funds increases and "breaks away" from the dynamics of less-child low-income families. This means that poverty in low-income families with many children continues to have a special dynamic and, in general, is getting worse over time.

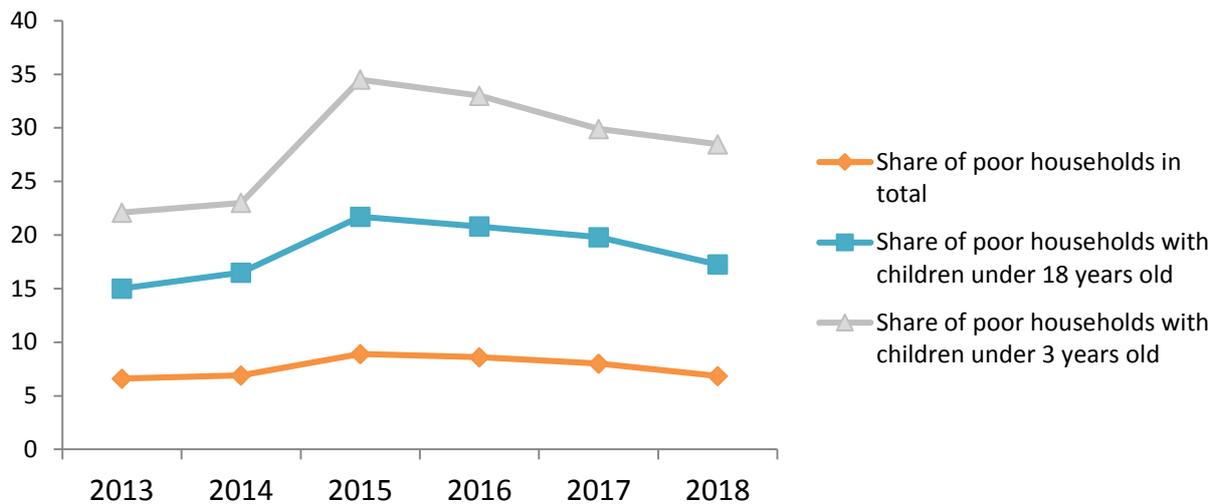

Figure 6. Share of poor households in the total number of households. Share of poor households with children of 18 years old in the total number of households with children under 18 years old and share of poor households with children under 3 years old in the total number of households with children under 3 years old, % (according to the data of sample observation of the population's income and participation in social programs)

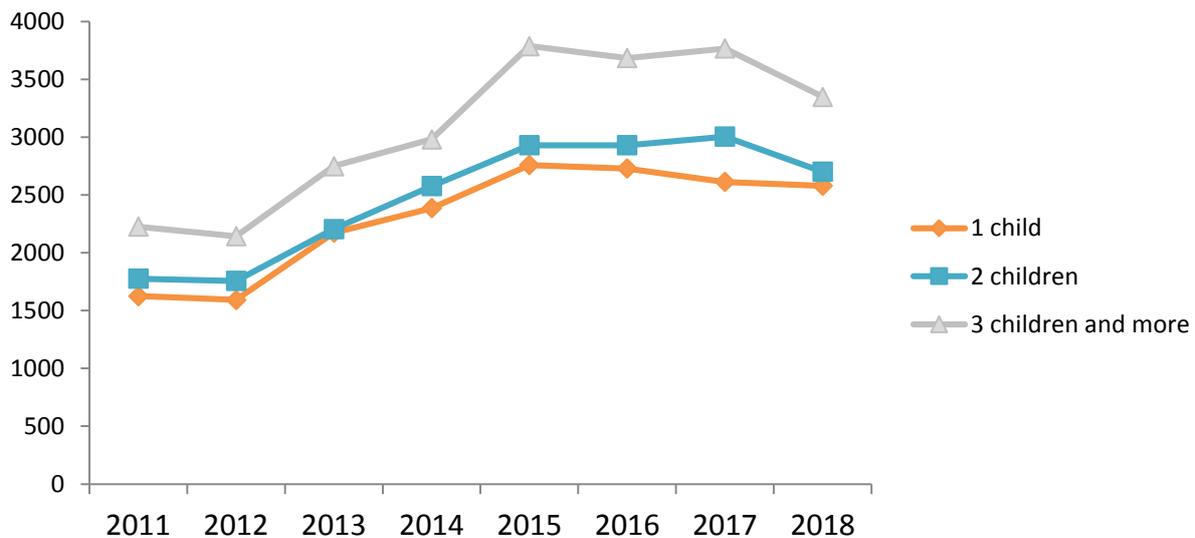

Figure 7. Deficit of cash income of low-income households with children under 16 (18) years old, on average per household member, rubles

The same conclusion can be made on the basis of the following graph, which demonstrates the relative indicators of the shortfall in cash income of poor families with different numbers of children (Figure 8).

If in 2011 the aggregate deficit of low-income families with children in the total

deficit of low-income families was 71.0%, then later it increased and in 2018 reached 90.9%. This is especially noticeable in the growth of the share of the deficit of low-income families with 3 or more children (3 times).

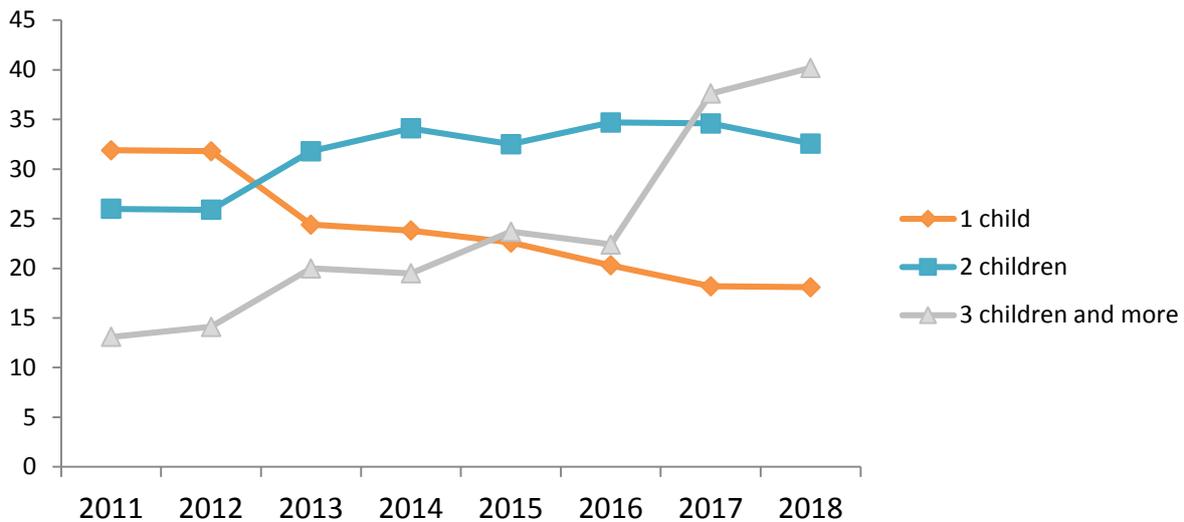

Figure 8. Deficit of cash income of low-income households with children under 16 (18) years old, as a percentage of the total income deficit of low-income households

As for another significant factor holding back the birth of children, the housing problem, we note the following: it is clear that the appearance of a new family member objectively worsens living conditions. In Russia there is a state program “Housing for a Young Family” aimed at stimulating the birth of children. But if we pay attention to the Figure 9, we note that, despite the decrease after 2014 in the number of young families in need

of housing, their number remains quite large: in 2018, more than 318 000 families. Moreover, the prospects for improving living conditions are not as great as it seems. The share of young families who were able to do it ranges: from 10% in 2011 to 7% in 2019. Therefore, the housing problem will be a constraining factor for the birth of children for a long time to come. Conversely, the birth of children will aggravate the living conditions of young families.

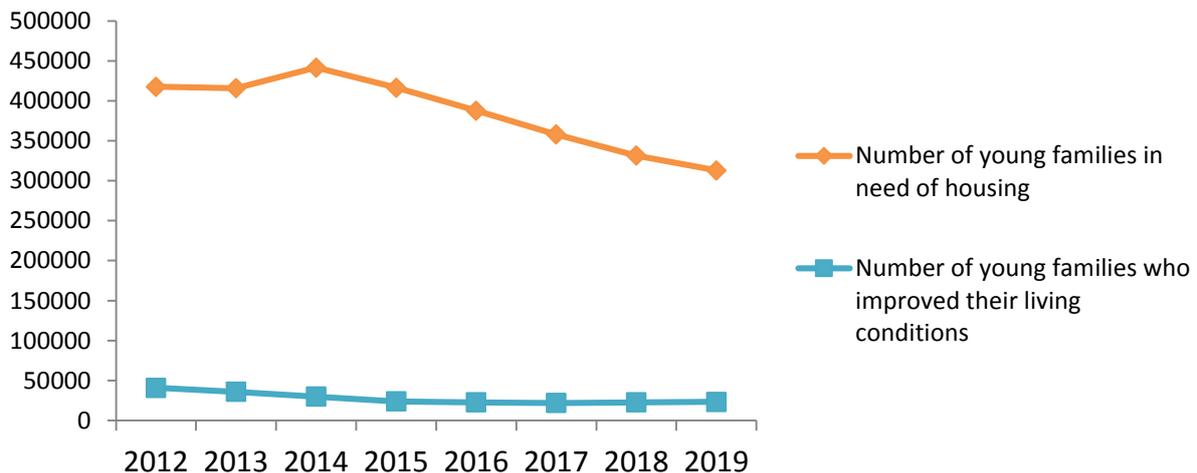

Figure 9. Number of young families registered as needing housing at the end of the year and number of young families being registered as needing housing and having improved living conditions in the reporting year

This also applies to large families seeking to improve living conditions (Figure 10). Their number is gradually increasing: in 2019 they amounted to more than 132 000 families.

The share of those large families who received adequate housing or improved it reaches no more than 3% -5%

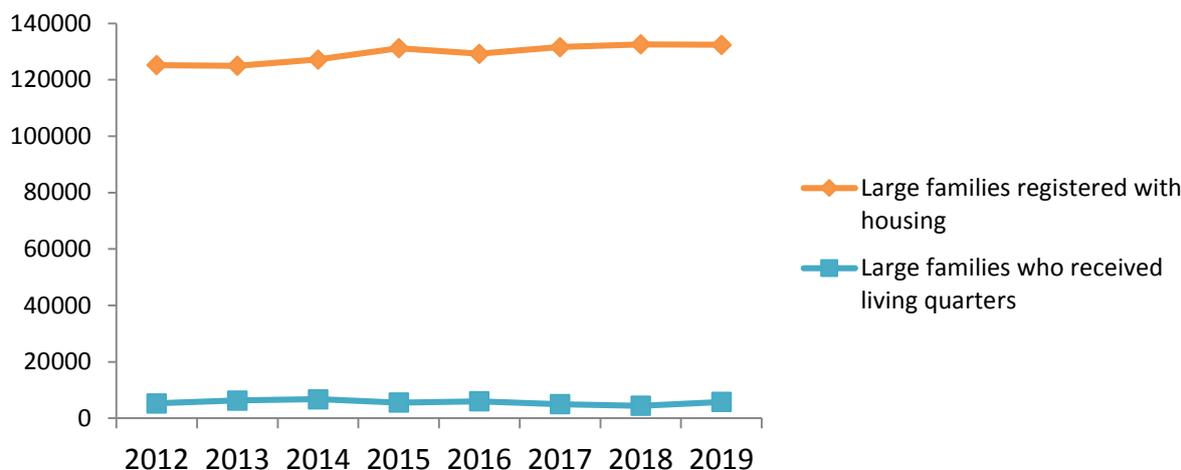

Figure 10. Number of large families registered as needing housing at the end of the year and number of large families that received housing and improved housing conditions in the reporting year

At the same time, Russia is doing a lot to support the birth of children. Since 2007, it has been implementing a program of “maternity (family) capital”, which was paid at the birth of a second and/or subsequent child. The amount of such payment is constantly growing. Since 2020, maternity capital has also been paid for the first-born and is already 484 000 rubles (about 6.5 thousand US dollars) in 2021. The birth of children in young families under 30 is additionally stimulated. From 2021, the methodology for calculating the subsistence minimum is changing, on the basis of which calculations are made on measures of social support for families with children.

In the context of a pandemic in Russia, special attention was paid to supporting families with children. Special payments in 2020 were the following:

- within three months, families with children under 3 years old: 5 000 rubles (\$ 70) per month;
- within five months, families with children from 3 to 16 years old: 10 000 rubles (\$ 140) per month;
- in case of loss of work by parents, an additional payment for a child under 18 years old to unemployment benefits: 3 000 rubles (\$ 40) per month.

- payment by the new year 2021 for children under 7 years old inclusive: 5 000 rubles (\$ 70).

In addition, there is a preferential mortgage program. This program is valid for the families in which the second child was born after January 1, 2018. The interest rate on such a loan ranges from 4% to 6% depending on the bank (as opposed to the average rate of 8-10% in most banks on standard terms).

Thus, social support from the state is, according to various estimates, from 20% to 30% of the financial costs of giving birth and raising a child.

Conclusions. Main conclusions are the following:

- birth of a child and socio-economic status of the family are interdependent concepts. As the socio-economic opportunities of the family affect the reproductive choice, the birth of children affects the current and future socio-economic situation of the family;
- empirical data indicate that the appearance of each subsequent child worsens the socio-economic potential of the family, by about 10% -30%, thereby provoking a regression of status;
- basic needs for purchasing durable goods and car cannot be met for half of fami-

lies with children, in the first case, and a quarter of families, in the second case. Consumer loans for the purchase of these items only preserve the problem of lack of material resources and delay the process of regression;

- deterioration of the socio-economic status is especially significant among young families with a child under 3 years old, as well as among large families. The realization of reproductive intentions in low-income families greatly aggravates the problem of poverty;

- socio-economic policy of states characterized by depopulation trends should be much more focused on preserving the financial and housing situation of families intending to become parents.

References

- Antonov, A. I. (1980), *Sociology of fertility*, Moscow, 271. (In Russian)
- Antonov, A. I., Medkov, V. M. and Arkhangelsky, V. N. (2002), *Demographic processes in Russia of the XXI century*, Moscow, 167. (In Russian)
- Arkhangelsky, V. N. (2006), *Fertility factors*, Moscow, 399. (In Russian).
- Becker, G. S. (1960), *An Economic Analysis of Fertility*, Universities-National Bureau, Demographic and Economic Change in Developed Countries, Columbia University Press.
- Becker G. S. (1993), "Economic analysis and human behavior", *Tezis*, 1 (1), 27-40.
- Borg, M. O. (1989), "The income-fertility relationship: effect of the net price of a child", *Demography*, 26 (2), 301-10.
- Borisov, V. A., Sinelnikov, A. B. (1995), *Marriage and fertility in Russia: demographic analysis*, Moscow, 117. (In Russian)
- Boyarsky, A. Ya., Valentey, D. I., Kvasha, A. Ya. (1980), *Fundamentals of demography*, Moscow, 295. (In Russian)
- Diane J. Makunovich (1998), "Fertility and the Easterlin hypothesis: an assessment of literature", *Zhurnal jekonomik i narodonaselenija*, 11, 1-59. (In Russian)
- Easterlin, R. A. (1961), "The American baby boom in historical perspective", *American Economic Review*, 51 (5), 869-911.
- Easterlin, R. A. (1981), "The economic theory of fertility", *Modern economic thought*, Moscow, 158-193.
- Easterlin, R. A. (2011), "What will 1984 be like? Socioeconomic implications of recent twists in age structure", *Demography*, 15, 397-432.
- Eggleston, K. N., and Fuchs, V. R. (2012), "A new demographic transition: most of the achievements in life expectancy are currently realized at a late age", *Zhurnalj ekonomicheskikh perspektiv*, 26 (3), 137-156.
- Jeon, Y., Shields, M. (2005) "The Easterlin hypothesis in the recent experience of higher-income OECD countries: A panel-data approach", *J Popul Econ*, 18, 1-13.
- Kvasha, A. Ya. (1981), *Demographic policy in the USSR*, Finansy i statistika, Moscow, 200. (In Russian)
- Lehrer, E. and Nerlove, M. (1981), "The labor supply and fertility behavior of married women: a three-period model", *Research in population economics*, 3, 123-45.
- Leibenstein, H. (1974), "Socio-economic fertility theories and their relevance to population policy", *International labour review*, 109 (5-6), 443-57.
- Llovet, J. J. (1989), "The relationship between fertility and income: a review of some interpretations", *Estudiosdemograficos y urbanos*, 4 (1), 139-59, 216-7.
- Dupke, M., Hazan, M. and Maz, Y. D. (2015), "Baby Boom and World War II: Macroeconomic Analysis", *Obzoro rjekonomicheskikh issledovanij*, 82 (3), 1031-1073.
- Matthew, J. H. (2015), "Easterlin once again: Relative income and baby boom", *Issledovanija v jekonomicheskijstorii*, 56, 71-85.
- Muller, E. (1976), "The economic importance of children in the peasant economy", in Ridker, R. (ed.), *Narodonaselenieirazvitie: Poiskvmeshatel'stv* [Population and Development: The search for interventions], Johns Hopkins Press, Baltimore, 98-153.
- Notestein, F. Y. (2009), "Economic Problems of Population Change" [Online], available at: <http://prelim2009.filmbulletin.org/readings/04-Population/Notestein.pdf> (Accessed 5 September 2020).
- Robinson, C. and Tomes, N. (1982), "Family labour supply and fertility: a two-regime model", *The Canadian journal of economics. Revue canadienned'economique*, 15 (4), 706-734.
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. and Arkhangelsky, V. N. [et al.] (2021), *Demographic well-being of Russian regions. National Demo-*

graphic Report-2020, in Rostovskaya, T.K., Shabunova, A.A. (ed.), PERSPEKTIVA, Moscow, 214. (In Russian)

Sergeev, Yu. N., Kulesh, V. P. and Dmitriev V. V. (2020), "A new concept of demographic transition", *Biosphere*, (4), 175-195. (In Russian)

Sigareva, E. Sivoplyasova, S. (2021), "Reproductive and migration attitudes of contemporary youth of the EAEU States (Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan: a case study)", *Central Asia and the Caucasus*, 22 (2), 122-139. (In Russian)

Valentey, D. I. (1967), *Theory and politics of population*, Vysshaja shkola, Moscow, 184. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (2005), *Demographic revolution. Selected demographic works*, Nauka, Moscow, 211. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (2017), "Unresolved issues of the theory of demographic revolution", *Population and economics*, 1 (1), 3-21. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (2018), "Demographic transition and the hypothesis of hyperbolic population growth", *Demograficheskoe obozrenie*, 5 (1), 64-105. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. "Third demographic transition" [Online], available at: <https://pub.wikireading.ru/164009> (Accessed 17 October 2020). (In Russian)

Urlanis, B. C. (1963), *Birth rate and life expectancy in the USSR*, Gosstatistdat, Moscow, 137. (In Russian)

Received 15 April 2022. Revised 07 May 2022. Accepted 14 May 2022.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2022 г. Поступила после доработки 7 мая 2022 г. Принята к печати 14 мая 2022 г.

Conflicts of Interest: *The authors have no conflict of interest to declare.*

Конфликты интересов: *у авторов нет конфликта интересов для декларации.*

Evgenia P. Sigareva, Candidate in Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сigareва Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия.

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия.

УДК 316.472.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8

¹ Ушкин С. Г.

² Сапон И. В.

**Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»:
кластеризация пользователей и их типологические
особенности**

Научный центр социально-экономического мониторинга
улица Б. Хмельницкого, дом 39а, Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия
ushkinsergey@gmail.com

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
улица Кирова, дом 86, Новосибирск, 630102, Россия
irina.sapon@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена протестным группам в социальной сети «ВКонтакте». Материалом исследования послужили данные о пользователях, их образующих, собранные посредством API-запросов в сентябре 2021 г. Среди ключевых исследуемых параметров – пол, возраст, место жительства, сетевая активность, количество подписчиков, политические взгляды и ценностные ориентации. Исследование включало в себя несколько этапов. На первом этапе мы отобрали пул основных сообществ, в который вошли шесть элементов. На втором этапе мы осуществили парсинг информации из профилей их участников и сформировали набор данных (датасет) из 608,2 тыс. пользовательских аккаунтов, 563,6 тыс. из которых были уникальными. На третьем этапе мы выделили три кластера, основанных на вовлеченности людей в протестные сообщества. На четвертом этапе мы портретировали пользователей протестных сообществ, в том числе по каждому из трёх выделенных кластеров. На пятом этапе методом логистической регрессии мы проверили влияние различных переменных на принадлежность людей к третьему, наиболее «сильному» кластеру. На основе результатов анализа мы сделали вывод, что пользователи, состоящие одновременно в нескольких протестных группах, подвергаются большему информационному давлению, что повышает их шансы перейти к реальным протестным действиям. Более того, такие пользователи чаще остальных сами могут запускать механизмы «социального заражения» идеями протеста, поскольку сами являются активными комментаторами и имеют превышающие средние значения по числу подписчиков в сравнении с пользователями в других кластерах.

Ключевые слова: протест; протестная активность; протестный потенциал; протестные группы; ВКонтакте

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32247 «Российские протестные онлайн-сообщества: характеристики и особенности».

Информация для цитирования: Ушкин С. Г., Сапон И. В. Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»: кластеризация пользователей и их типологические особенности // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 97-111. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8.

¹ Sergey G. Ushkin

² Irina V. Sapon

Online protest communities on VKontakte: clustering of users and typological features

Scientific Center for Social and Economic Monitoring
bld. 39a, B. Khmel'nitskogo St., Saransk, 430005, Russia
ushkinsergey@gmail.com

Siberian State University of Telecommunications and Informatics
bld. 86, Kirova St., Novosibirsk, 630102, Russia
irina.sapon@bk.ru

Abstract. This article analyzes the protest groups on the VKontakte. Using the VKontakte API, we collected an open data of 608.2 thousand user profiles in September 2021. Various data were collected such as gender, age, place of residence, network activity, number of subscribers, political views and value orientations. There were several stages of the study. First, we selected communities relevant to the subject of our research. At the second stage, we collected information from the profiles of members of these communities (563.6 thousand unique profiles). At the third stage, we identified three main clusters based on the engagement of people in protest communities. At the fourth stage, we described a portrait of users of protest communities for each of the three clusters. At the fifth stage, using the logistic regression method, we checked how various variables affect belonging to the third, most «strong» cluster. Based on the results of the analysis, we concluded that users who are members of several protest groups at the same time are exposed to greater information pressure, which increases their chances of moving on to real protest actions. Moreover, such users are more likely than others to launch mechanisms of «social infection» with protest ideas themselves, since they themselves are active commentators and have higher than average values in terms of the number of subscribers compared to users in other clusters.

Keywords: protest; protest activity; protest potential; protest groups; VKontakte

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-32247 «Russian online protest communities: characteristics and features».

Information for citation: Ushkin, S. G., Sapon, I. V. (2022), «Online protest communities on VKontakte: clustering of users and typological features», *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 97-111. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8.

Введение (Introduction). В последние несколько лет в нашей стране наблюдается новый виток развития протестного движения. Преимущественно он был инициирован в 2011-2013 гг., и после некоторого перерыва, в значительной степени связанного с «посткрымским консенсусом» и его производными, пролонгирован в 2018-2021 гг. При этом обращают на себя внимание его отличия от других видов протеста, как на

уровне портрета участников, так и по способам его организации (Шульц, 2021: 60).

Заметную роль в развитии современного протестного движения играют новые социальные медиа, где информация о тех или иных событиях распространяется как посредством вертикальных, так и посредством горизонтальных связей (Masip P. et al., 2020). Безусловно, их влияние на политическую вовлечённость пользователей является спорным и неоднозначным, на что

указывает ряд исследователей (Loader B., 2008; Smidi, Shahin, 2017; Jost J. T. et al., 2018; VonBülow, Vilaça, Abelin, 2019; Enikolopov R., Makarin A., Petrova M., 2020; Кныжова, Суслов, 2019; Юдина, Назарова, Юрасов, 2021). Тем не менее нельзя не признать того факта, что сложившиеся вокруг тех или иных протестных событий информационные потоки обладают существенным рискогенным потенциалом и особенно – в условиях постепенной утраты традиционными медиа монополии на контроль текущей повестки дня среди молодой аудитории (Ушкин, 2017: 59). Протестная напряжённость заметно усиливается, если затрагивается локальная протестная повестка, которую предпочитают не замечать государственные федеральные телеканалы (Бареев, Качурина, 2019: 574).

Принципиальную значимость при этом имеет то, что, во-первых, развёртывание протестов сразу в двух пространствах – онлайн и офлайн – обеспечивает воспроизводство протестной волны без явной зависимости от настроений со стороны гражданских и политических лидеров, а, во-вторых, уровень референтности к повестке протеста у той части общества, которая напрямую не вовлечена в массовые действия, положительно коррелирует с наступлением пролонгированной протестной волны (Бродовская, Давыдова, Еремин, 2021: 7).

Попытки привлечения онлайн-аудитории к участию в протестных действиях сегодня весьма разнообразны. Так, если на протяжении 2011-2013 гг. основными каналами распространения протестной повестки выступали социальные сети, то в 2018-2021 гг. наряду с ними осваиваются и другие способы: мессенджеры (WhatsApp, Viber и Telegram) и видеохостинги (YouTube и TikTok). И если основными характеристиками мессенджеров являются безопасность данных и их быстрая передача (Колозарида, Ильин, 2016: 129), то видеохостингов – наличие рекомендательных

механизмов, реализуемых нейросетью исходя из «цифровых следов» пользователей на платформе, а также их социально-демографических характеристик (Плотникова, 2021: 21).

Социальные сети сегодня имеют широкий инструментарий. Они позволяют пользователям генерировать и распространять контент, вступать в групповые взаимодействия и накапливать социальный капитал (Сапон, Леденев, 2020: 233). Самогенерируемый пользовательский контент, нередко содержащий социальную критику неравенства и правительства (Клеман, 2021: 229), становится одним из механизмов формирования групповой идентичности и солидарности участников протестных онлайн-групп (Priante et al., 2018; Lee, Chau, 2018). Изучение протестных сообществ в социальных сетях, таким образом, может помочь как в выявлении ядра сетевого протеста, так и в описании социально-демографического портрета участников виртуальных протестных групп.

Методология и методы (Methodology and methods). Методологически мы опираемся на анализ больших данных (BigData), который позволяет получить максимально полную картину о российских протестных сообществах. Безусловно, использование сугубо цифровых следов накладывает определенные ограничения на генерализацию последующих выводов (см., напр.: Одинцов, 2017; Кавеева, Гурин, 2018), однако представляет интерес с позиций медийного конструирования реальности (Couldry, Hepp, 2016).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы портретировать участников российских протестных сообществ и выявить их ключевые особенности (здесь и далее мы используем термины «группы», «паблики» и «сообщества» как синонимы). Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач. Сначала, полагаем, необходимо определиться с направлениями и границами поиска сообществ, релевантных

тематике нашего исследования. Это позволит вычлени́ть единицы анализа из общего потока, получить относительно гомогенную структуру выборки. Критериями отбора сообществ выступают их широкий географический охват, значительное число вовлечённых в их деятельность участников, высокая частота их упоминания на других интернет-ресурсах, наличие в их названиях лексем, прямо указывающих на возможность протеста или поддержку лидеров протестного движения. Поскольку технологические возможности ряда сетевых платформ являются ограниченными, мы будем работать с протестными сообществами социальной сети «ВКонтакте», которая позволяет получать информацию из неё напрямую посредством API-запросов.

Далее мы осуществим парсинг информации из профилей пользователей, включённых в отобранные протестные сообщества, и сформируем набор данных (датасет) для последующей компьютерной обработки. Следствием этого станет не просто построение одномерных и двумерных распределений, но и поиск статистических зависимостей между теми или иными критериями. Для этого использованы методы кластерного анализа и логистической регрессии в программе IBM SPSS. Среди ключевых исследуемых параметров – пол, возраст, место жительства, сетевая активность, количество подписчиков, политические взгляды и ценностные ориентации. Датасет полностью извлечен в сентябре 2021 г.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Всего в ходе поиска и отбора протестных сообществ в соответствии с заданными параметрами нами было отобрано 66 объектов, указывающих в своём наименовании на потенциальную склонность их участников к протестным действиям. В дальнейшем из мас-

сива нами были исключены 2 паблика, которые в действительности представляли собой протест против лидеров протеста, а также 58 пабликов и групп, представляющих собой сугубо региональные (городские) протестные сети. Среди оставшихся сообществ остались следующие: «РосПил – война коррупции – Алексей Навальный» (337,2 тыс. чел), «Команда Навального» (257,8 тыс. чел), «Алексей Навальный LIVE» (7,6 тыс. чел.), «Новости на “Навальный LIVE”» (2,4 тыс. чел.)¹, «Я против Путина. Я против “Единой России”» (2,2 тыс. чел.) и «Мы против Единой России! Против политики мнимой стабильности. Против однопартийной власти!» (0,9 тыс. чел.). Итоговый набор данных (датасет) составил 608,2 тыс. пользовательских профилей.

В ходе процедуры перекодирования было установлено, что существуют достаточно тесные взаимосвязи между протестными группами по структуре сети их участников. Объединив персональные активности, мы получили 563,6 тыс. уникальных профилей пользователей.

Дальнейшее наше допущение состоит в том, что деятельность групп и акторов происходит по принципу «социального заражения» через связи, поэтому чем больше акторов одновременно входят минимум в две социально-активные группы, тем сильнее связь (Градосельская, Щеглова, Карпов, 2019: 97). Более того, от тех, кто потребляет значительное число протестного медиаконтента, зависит «решение потенциальных протестующих о выходе на уличные протесты (чем больше людей из «публики своих» вокруг каждого конкретного гражданина будет поддерживать идею протестовать, тем больше у него будет вероятность «выхода на улицу»)» (Архипова, Захаров, Козлова, 2021: 292). При этом увеличение числа участников протестных сообществ

¹ 25 января 2022 года Росфинмониторинг внёс А. Навального в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения

об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

запускает механизм «протестных каскадов», когда на каждом следующем шаге к протесту (пусть и виртуальному) присоединяются те, кто не был готов пойти на такой шаг при меньшей массовости движения (Ахременко, Беленков, Петров, 2021: 149).

Всего нами выделено 3 основных кластера. В первый вошли пользователи, которые входят только в одно сообщество (521,3 тыс. чел или 92,5% от числа участников отобранных протестных групп). Мы предполагаем, что преимущественно это люди, которые не готовы к активным протестным действиям, а их интерес к протестной повестке в определённой степени случаен и не является выраженным. Это первый уровень периферии виртуального протестного движения.

Второй кластер наполнен людьми, которые входят в два сообщества (40,3 тыс. чел или 7,2% от числа участников отобранных протестных групп). От них следует ожидать, что они более погружены в протестную повестку, поскольку им с более высокой периодичностью в новостной ленте отображаются протестные новости, а сами они сделали дополнительное движение (пусть и на уровне кликтивизма) и, в отличие от представителей первого кластера, вступили в дополнительную группу. Здесь меньшее число случайных людей, но их виртуальная активность не имеет серьёзных предпосылок к трансформации в реальные протестные действия. Это второй уровень периферии виртуального протестного движения.

В третьем кластере представлены люди, которые входят в три и более сообщества (2,0 тыс. чел или 0,4% от числа участников отобранных протестных групп). Они являются активными потребителями протестного контента, причём исходя из рекомендательных механизмов со-

циальной сети, этот контент может усиливаться дополнительной информацией из других источников. Случайные подписки здесь практически исключены, а членство в столь значительном числе сообществ является в какой-то степени демонстративным. По всей видимости, такие пользователи имеют высокий потенциал к совершению протестных действий. Это ядро виртуального протестного движения.

Наибольшая доля пользователей, вступивших только в одну группу, наблюдается в сообществе «РосПил – война коррупции – Алексей Навальный» (86,8%). Далее располагаются «Команда Навального» (83,2%), «Мы против Единой России! Против политики мнимой стабильности. Против однопартийной власти!» (65,7%), «Алексей Навальный LIVE» (64,8%), «Я против Путина. Я против “Единой России”» и «Новости на “Навальный LIVE”» (4,5%). Исходя из полученных распределений, первые два сообщества можно охарактеризовать как флагманские, привлекающие внимание широкой аудитории; остальные четыре – камерные, которые чаще выбираются пользователями как место получения дополненной протестной повестки.

Рассмотрим структуру выделенных кластеров в зависимости от социально-демографических характеристик, которые пользователи самостоятельно загрузили в свой профиль (Таблица 1). В целом обращает на себя внимание, что различия между кластерами минимальны, и, даже несмотря на большой объём данных, не являются значимыми. Тем не менее отметим две важные особенности, характерные для ядра виртуального протестного движения: во-первых, здесь чаще, чем по остальным категориям, наблюдается присутствие женщин; во-вторых, среди них незначительно преобладают жители Москвы и населённых пунктов с числом жителей менее 100 тыс. чел.

Таблица 1
Структура кластеров в зависимости от социально-демографических характеристик пользователей, %

Table 1
The structure of clusters depending on the users' socio-demographic characteristics, %

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
Пол / Gender				
Мужской / Male	32,0	35,5	25,8	23,5
Женский / Female	67,9	67,4	74,2	76,3
Не указан / Not specified	0,1	0,1	0,1	0,2
Возраст / Age				
Менее 18 лет / Less than 18 years old	2,0	2,0	1,6	1,4
От 18 до 24 лет / From 18 to 24 years old	9,6	9,7	7,8	10,6
От 25 до 34 лет / From 25 to 34 years old	12,6	12,5	14,0	11,0
От 35 до 44 лет / From 35 to 44 years old	7,2	7,1	8,3	7,4
От 45 до 54 лет / From 45 to 54 years old	2,5	2,5	3,1	3,6
От 55 до 64 лет / From 55 to 64 years old	1,3	1,3	1,4	1,2
Старше 65 лет / Over 65 years old	2,0	2,0	1,9	2,5
Не указан / Not specified	62,9	63,0	62,0	62,3
Страна проживания / Country of residence				
Россия / Russia	62,7	62,3	68,0	60,3
Страны постсоветского пространства / Post-Soviet countries	4,8	5,0	1,9	3,1
США / USA	1,1	1,1	1,4	1,5
Страны Европы / Europe an countries	1,7	1,7	2,1	2,3
Страны АТР / Asia-Pacific countries	0,7	0,7	0,7	0,8
Все остальные страны / All other countries	2,0	2,0	1,5	1,4
Не указана / Not specified	27,0	27,2	24,5	30,5
Город проживания / City of residence				
Москва / Moscow	17,8	17,5	20,9	19,6
Санкт-Петербург / Saint-Petersburg	12,5	12,5	13,5	12,4
Города-миллионеры / Millionaire Cities	17,0	17,1	16,2	16,6
Города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. / Cities with a population of 500 thousand to 1 million people	10,9	11,0	10,5	8,8
Города с населением от 250 до 500 тыс. чел. / Cities with a population of 250 to 500 thousand people	10,4	10,4	9,8	9,9
Города с населением от 100 до 250 тыс. чел. / Cities with a population of 100 to 250 thousand people	6,6	6,7	6,0	6,6
Другие населённые пункты / Other localities	11,7	11,6	12,0	13,6
Не указан / Notspecified	13,0	13,2	11,1	12,4

Выявленные в общем массиве и по каждому кластеру ценностные характеристики представлены в Таблице 2. Главная особенность ядра виртуального протестного движения – указание больших объёмов информации о себе. В частности, здесь чаще, чем по остальным категориям, пользователями указываются политические взгляды, главное в людях и главное в жизни, а также отношение к практикам потребления алкоголя и курения. Если говорить о содержательных характеристиках

данного кластера, то его преимущественно наполняют приверженцы либеральных, умеренных или либертарианских взглядов, которые ценят в других людях доброту, честность, ум и креативность, а главным в жизни считают саморазвитие и совершенствование мира. Также обращает на себя внимание, что участники трёх и более сообществ значительно чаще, чем в среднем по массиву, ценят в людях смелость и упорство (в 1,7 раза), но при этом реже называют главным в жизни семью и детей (в 0,7 раза).

Таблица 2

Структура кластеров в зависимости от ценностных характеристик пользователей, %

Table 2

The structure of clusters depending on the value characteristics of users, %

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
Политические взгляды / Political views				
Коммунистические / Communist	0,6	0,6	0,6	0,6
Социалистические / Socialist	0,8	0,8	0,9	1,2
Умеренные / Moderate	2,3	2,3	1,7	2,4
Либеральные / Liberal	2,1	2,0	3,8	4,6
Консервативные / Conservative	0,3	0,3	0,3	0,3
Монархические / Monarchical	0,5	0,5	0,5	0,6
Ультра консервативные / Ultra conservative	0,2	0,2	0,2	0,3
Индифферентные / Indifferent	0,7	0,7	0,7	0,7
Либертарианские / Libertarian	0,4	0,4	0,9	1,7
Не указаны / Not specified	92,0	92,2	90,4	87,4
Главное в людях / The main thing is in people				
Ум и креативность / Intelligence and creativity	7,3	7,1	9,0	10,8
Доброта и честность / Kindness and honesty	23,2	23,1	23,7	25,3
Красота и здоровье / Beauty and health	1,5	1,5	0,8	1,1
Власть и богатство / Power and wealth	1,7	1,7	1,5	3,6
Смелость и упорство / Courage and perseverance	5,5	5,5	5,8	9,2
Юмор и жизнелюбие / Humor and love of life	9,1	9,1	8,4	8,5
Не указано / Not specified	51,9	52,0	50,8	41,5
Главное в жизни / The main thing in life				
Семья и дети / Family and children	14,6	15,0	10,6	10,6
Карьера и деньги / Career and money	3,4	3,4	2,6	4,7
Развлечения и отдых / Entertainment and recreation	3,7	3,8	2,8	4,0

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
Наука и исследования / Science and re- search	1,6	1,6	2,4	2,0
Совершенствование мира / Improving the world	6,4	6,1	9,5	15,3
Саморазвитие / Self-development	14,3	14,1	17,2	16,2
Красота и искусство / Beauty and Art	2,3	2,3	2,2	2,2
Слава и влияние / Fame and influence	1,2	1,2	1,3	1,8
Не указано / Not specified	52,4	52,5	51,3	43,1
Отношение к курению / Attitude to smoking				
Резко негативное / Sharply negative	13,5	13,4	15,2	12,5
Негативное / Negative	12,6	12,5	13,8	14,8
Компромиссное / Compromise	5,9	5,9	6,5	7,4
Нейтральное / Neutral	11,6	11,7	10,8	15,0
Положительное / Positive	4,7	4,7	4,1	7,6
Не указано / Not specified	51,5	51,7	49,7	42,7
Отношение к алкоголю / Attitude to alcohol				
Резко негативное / Sharply negative	6,5	6,6	5,8	7,6
Негативное / Negative	6,8	6,8	6,5	7,6
Компромиссное / Compromise	6,7	6,6	7,7	7,4
Нейтральное / Neutral	8,3	8,4	7,0	10,5
Положительное / Positive	3,4	3,3	3,6	5,6
Не указано / Not specified	68,4	68,4	69,4	61,3

Дополнительно нами выбраны параметры, которые представляют собой характеристики пространства сети и сетевых взаимодействий (Таблица 3). Полученные результаты позволяют говорить о том, что у аудитории, входящей в периферию и ядро, существует стремление к закрытию своего

профиля для посторонних. У данных пользователей активный аккаунт, а также значительное количество подписчиков (более 231). Обращает на себя внимание тот факт, что представители второго уровня периферии заметно чаще других размещают у себя на странице фотографию в профиле.

Таблица 3

Структура кластеров в зависимости от формальных сетевых взаимодействий пользователей, %

Table 3

Cluster structure depending on formal network user interactions

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
Статус профиля / Profile Status				
Открытый / Open	77,8	78,3	71,4	73,1
Закрытый / Private	22,2	21,7	28,6	26,9
Фотография в профиле / Profile picture				
Присутствует / Is present	79,9	79,7	83,2	78,4
Отсутствует / Absent	20,1	20,3	16,8	21,6
Количество подписчиков / Number of subscribers				
Менее 10 / Less than 10	21,1	21,7	13,0	15,4
От 10 до 100 / From 10 to 100	35,2	35,4	33,0	29,1

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
От 101 до 230 / From 101 to 230	20,9	20,6	24,1	22,6
От 231 до 460 / From 231 to 460	13,3	13,0	16,4	17,3
Свыше 460 / Over 460	9,5	9,2	13,5	15,6
Пользовательская активность / User activity				
Активные пользователи, посещающие «ВКонтакте» в 2021 г. / Active users visiting VKontakte in 2021	67,2	66,3	79,2	73,5
Пассивные пользователи, не посещающие «ВКонтакте» в 2021 г. / Passive users who do not visit VKontakte in 2021	32,8	33,7	20,8	26,5

Также мы выявили долю пишущей аудитории внутри каждого из кластеров. Исходя из того, что ядро представляет собой наиболее вовлечённых пользователей, вполне ожидаемой оказалась их активность по генерации комментариев к записям протестных групп. По мере снижения уровня

вовлечённости, доля пишущей аудитории также снижается. Важно отметить тот факт, что пользователи рассматриваемых сообществ производят 80,1% контента, остальные комментарии приходятся на тех, кто не состоит в протестных группах.

Таблица 4

Структура кластеров в зависимости от генерации комментариев в протестных группах, %

Table 4

Cluster structure depending on the generation of comments in protest groups

	Всего / Total	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3
Пишущие пользователи / Writing users	22,5	20,4	24,7	31,3
Не пишущие пользователи / Non writing users	77,5	79,6	75,3	68,7

На следующем этапе мы использовали логистическую регрессию, чтобы установить взаимосвязи между формированием структуры ядра виртуального протестного движения и выделенными особенностями кластеров. Выбор данного метода связан с нелинейностью его функции, поскольку при различиях в объёмах рассматриваемых совокупностей логистическая регрессия минимизирует ошибку для меньшей из них, в то время как, например, дисперсионный анализ, для большей (Holden, Finch, Kelley, 2011: 872).

Нами была создана фиктивная переменная, принимающая значение, равное 1, если пользователь состоял в трёх и более группах, и 0 – при невыполнении данного

условия. Регрессорами выступили рассмотренные ранее социально-демографические и ценностные характеристики, а также данные о структуре сетевых взаимодействий (за исключением количества комментариев в протестных группах). Значения переменных были преобразованы в фиктивные переменные, принимающие значения, равные 1 при наличии признака и 0 – при его отсутствии.

После добавления рассматриваемых переменных в модель значение -2 Log- правдоподобие оказалось равным 1171,582, что на 83,115 меньше, чем начальное. По отношению к регрессионной модели, содержащей только константы, наблюдается улучшение. Но она не обладает высокой прогностической значимостью, поскольку

предикторы модели оказывают слабое влияние на дисперсию зависимой переменной (R-квадрат Кокса и Снелла составил 0,005, а R-квадрат Нэйджелкерка – 0,069). Её нельзя использовать, к примеру, для поиска потенциальных протестующих по всему массиву пользователей социальной сети. Одна из причин этого заключается в высокой гетероскедастичности набора данных.

В таблице 5 представлены основные результаты логистической регрессии. Нами были отобраны только те значения переменных, которые демонстрируют высокое значение критерия Вальда. Из них только переменные, связанные с количеством подписчиков (менее 10, от 10 до 100 и от 101 до

230), являются статистически значимыми. Они оказывают обратное влияние на зависимую переменную. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что пользователи, образующие кластер 3, имеют относительно высокие шансы иметь более 230 подписчиков. То есть они могут быть не только потенциально готовыми к протестным действиям, но и генерировать триггеры протестной активности. Вероятно, что максимальная вовлеченность в протестное движение будет достигнута, если ядро будет ориентироваться на семантику между узлами и структуру соседних узлов (Mnasri, Azaouzi, Romdhane, 2021: 7366).

Логистическая регрессия (метод Enter) для кластера 3

Таблица 5

Table 5

Logistic regression (Enter method) for Cluster 3

	Коэффициент / Coefficient	Средне-квадратичная ошибка / RMSE	Вальд / Wald test	Значимость / Significance
Пол: Женщины / Gender: Women	-0,691	0,304	5,159	0,023
Городпроживания: Городаснаселениемот 100 до 250 тыс. чел. / City of residence: Cities with a population of 100 to 250 thousand people	0,568	0,361	2,473	0,116
Политические взгляды: Коммунистические / Politicalviews: Communist	-1,076	0,548	3,858	0,049
Политические взгляды: Умеренные / Politicalviews: Moderate	-0,705	0,402	3,077	0,079
Политические взгляды: Консервативные / Politicalviews: Conservative	-1,150	0,777	2,194	0,139
Главноевлюдах: Умикреативность / The main thing in people: Intelligence and creativity	0,590	0,448	1,735	0,188
Главноевжизни: Семьяидети / The main thing in life: Family and children	-0,978	0,726	1,814	0,178
Главноевжизни: Карьераиденьги / The main thing in life: Career and money	-1,069	0,686	2,429	0,119
Отношение к алкоголю: Резко негативное / Attitude to alcohol: Sharply negative	-0,850	0,393	4,667	0,031
Количествоподписчиков: Менее 10 / Number of subscribers: Less than 10	-0,623	0,380	2,690	0,101

	Коэффициент / Coefficient	Средне-квadraticная ошибка / RMSE	Вальд / Wald test	Значимость / Significance
Количество подписчиков: От 10 до 100 / Number of subscribers: From 10 to 100	-1,050	0,300	12,228	0,000
Количество подписчиков: От 101 до 230 / Number of subscribers: From 101 to 230	-0,721	0,298	5,843	0,016
Количество подписчиков: От 231 до 460 / Number of subscribers: From 231 to 460	-0,739	0,343	4,627	0,031
Пользовательская активность: Активные пользователи, посещающие «ВКонтакте» в 2021 г. / Useractivity: Active users visiting VKontaktein 2021	0,415	0,328	1,608	0,205
Константа / Constant	-4,092	1,417	8,342	0,004

Заключение (Conclusions). В связи с высокой популярностью социальных сетей в мире наблюдается тренд на объединение в них пользователей для реализации различного рода социально-политических активностей. Групповые взаимодействия здесь являются сложным видом социальной коммуникации, и не всегда она трансформируется в реальные действия. Тем не менее, сегодня многие исследователи сходятся во мнении, что отслеживание информации посредством пабликов и подписок на инфлюенсеров если и не влияет на принятие решений «здесь и сейчас», то может оказывать существенное воздействие на их проективные стратегии (Mizrahi, 2020: 4).

Общие структурные особенности российского виртуального протестного движения, которое охватывает несистемную оппозицию, заключаются в том, что внутри него можно выделить три значимых кластера, каждый из которых имеет принципиально различный потенциал влияния на аудиторию.

Первый кластер включает пользователей, которые подписаны только на одно протестное сообщество. Соответственно, их вовлечённость можно описать как достаточно низкую, они образуют первый уро-

вень периферии. Наши данные свидетельствуют, что доля таких людей превышает 90%.

Во втором кластере – пользователи, которые вступают в два протестных сообщества. Их вовлечённость в протестную повестку повышается, поскольку интенсивность получения новостей повышается, а рекомендательные механизмы социальной сети могут подбирать соответствующий этим пабликам контент. Они образуют второй уровень периферии. В рассматриваемом массиве доля таких пользователей составляет 7,2%.

Наконец, третий кластер включает пользователей, которые состоят в трёх и более группах. Они максимально вовлечены в протестную повестку. Это ядро виртуального протестного движения. Доля таких пользователей – 0,4%.

Портреты образующих выделенные кластеры людей на статистическом уровне слабо отличаются друг от друга. Результаты проведённой логистической регрессии позволяют говорить о том, что значимым фактором включения в ядро виртуального протеста является количество подписчиков пользователя. Хотя сама по себе модель не

является устойчивой, и только на её основе нельзя осуществлять поиск протестующих и им сочувствующих.

Пользователи, вступающие в большее число сообществ, имеют и большее число виртуальных друзей. Поскольку среди представителей ядра существенно чаще встречается пишущая аудитория, уместным будет предположение о том, что среди них высока доля инфлюенсеров, которые могут как задавать дискурсы пабликам, так и влиять на своих достаточно многочисленных подписчиков.

Необходимо отметить и тот факт, что сообщества, в которые входят пользователи, существенно отличаются друг от друга. Два из шести представляют собой флагманов, чья аудитория пересекается минимально («РосПил– война коррупции – Алексей Навальный», «Команда Навального»). Оставшиеся четыре претендуют на камерность, они не пользуются популярностью у широкого числа людей («Мы против Единой России! Против политики мнимой стабильности. Против однопартийной власти!», «Алексей Навальный LIVE», «Я против Путина. Я против “Единой России”» и «Новости на “Навальный LIVE”»). Чаще всего их пользователи одновременно состоят в нескольких группах – преимущественно, флагманского характера. В них формируется дополненная протестная повестка, они представляют собой канал обмена информации «для своих». Несомненно, взаимодействие человека с другими людьми в определённой степени влияет на принимаемые им решения (Vega, Mendez-Vazquez, López-Cuevas, 2021). Парадокс в том, что задача по выявлению этой степени хоть и является очевидной, а подходы к её решению формируются на протяжении ряда лет, на деле она невероятно трудна и требует дальнейших теоретических и эмпирических изысканий.

Список литературы

Архипова А. С., Захаров А. В., Козлова И. В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе-апреле 2021? // Мониторинг

общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 289-323. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.2032.

Ахременко А. С., Беленков В. Е., Петров А. П. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 147-165. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.10.

Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3. С. 572-587. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587.

Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Еремин Е. А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13.

Градосельская Г. В., Щеглова Т. Е., Карпов И. А. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013-2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. Т. 4. № 32. С. 94-104. DOI: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104.

Кавеева А. Д., Гурин К. Е. Локальные сети дружбы «ВКонтакте»: восстановление пропущенных данных о городе проживания пользователей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 78-90. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.05.

Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы в люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение, 2021. 232 с.

Кныжова З. З., Суслов И. В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 59-66. DOI:10.31171/vlast.v27i5.6720.

Колозариди П. В., Ильин А. В. Мессенджеры в городской среде: гибридные формы и новые практики // Шаги. 2016. Т. 2. № 1. С. 127-138.

Одинцов А. В. Социология общественного мнения и вызов BigData // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30-43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04.

Плотникова М. В. Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) // Вопросы управления. 2021. № 2(69). С. 16-30. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-2-16-30.

Сапон И. В., Леденев Д. Е. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. №. 2. С. 36-49 DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3.

Ушкин С. Г. Кофейни, джентльменские клубы и социальные сети, или где сегодня формируется общественное мнение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №. 6. С. 52-62. DOI:10.14515/monitoring.2017.6.03.

Юдина В. А., Назаров Н.А., Юрасов И. А. Политическая активность населения провинциального города в сетевом информационном пространстве // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 135-140. DOI: 10.31171/vlast.v29i2.8019.

Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2016.

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social media and protest participation: Evidence from Russia //Econometrica. 2020. Vol. 88. №. 4. P. 1479-1514.

Holden J., Finch W., Kelley K. A comparison of two-group classification methods // Educational and Psychological Measurement. 2011. Vol. 5. № 71. P. 870-901.

Jost J. et al. How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks // Political psychology. 2018. Vol. 39. P. 85-118.

Lee C., Chau D. Language as pride, love, and hate: Archiving emotions through multilingual Instagram hashtags // Discourse, Context & Media. 2018. Vol. 22. P. 21-29.

Loader B. D. Social movements and new media // Sociology Compass. 2008. Vol. 2. №. 6. P. 1920-1933.

Masip P. et al. Participation and Media | Media and Twitter Agendas for Social Mobilizations: The Case of the Protests in Defense of the Public Healthcare System in Spain // International Journal of Communication. 2020. Vol. 14. P. 3355-3376.

Mizrahi S. Cascading disasters, information cascades and continuous time models of domino effects // International journal of disaster risk reduction. 2020. Vol. 49. DOI: 10.1016/j.ijdr.2020.101672URL:

<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7240265/> (дата обращения: 28.11.2021).

Mnasri W., Azaouzi M., Romdhane L. Parallel social behavior-based algorithm for identification of influential users in social network // Applied Intelligence. 2021. № 51. P. 7365-7383. DOI: 10.1007/s10489-021-02203-x.

Priante A. et al. Identity and collective action via computer-mediated communication: A review and agenda for future research // New media & society. 2018. Vol. 20. №. 7. P. 2647-2669. DOI: 10.1177/1461444817744783.

Smidi A., Shahin S. Social media and social mobilisation in the Middle East: A survey of research on the Arab Spring // India Quarterly. 2017. Vol. 73. №. 2. P. 196-209. DOI: 10.1177/0974928417700798.

Vega L., Mendez-Vazquez A., López-Cuevas A. Probabilistic reasoning system for social influence analysis in online social networks // Social Network Analysis and Mining. 2021. Vol. 11. P.1-20. DOI: 10.1007/s13278-020-00705-z.

Von Bülow M., Vilaça L., Abelin P. H. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile // Information, Communication & Society. 2019. Vol. 22. №. 12. P. 1770-1788. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1451550.

References

Akhremenko, A. S., Belenkov, V. E., Petrov, A. P. (2021), "The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back)", *Polis: Journal of Political Studies*, (3), 147-165, DOI: 10.17976/jpps/2021.03.10. (In Russian)

Arkhipova, A. S., Zakharov, A. V., Kozlova, I. V. (2021), "The Ethnography of Protest: Who Participated – and Why – in the Rallies of 2021", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 289-323, DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.2032. (In Russian)

Bareev, M. Yu., Kachurina, I. O. (2019), "YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Young People", *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, 27 (3), 572-587, DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587>. (In Russian)

Brodivskaya, E. V., Davydova, M. A., Eremin, E. A. (2021), "Prolonged political protests in Russia and the Republic of Belarus in summer-autumn 2020: Reference of the Russian social media audience", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 11 (1), 6-13, DOI:

10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13. (In Russian)

Clément, K. (2021), *Patriotism from below. "How is it possible for people to live so poorly in a rich country?"*, New Literary Review, Moscow, 232. (In Russian)

Couldry, N., Hepp, A. (2016), *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2016.

Enikolopov, R., Makarin, A., Petrova M. (2020), "Social media and protest participation: Evidence from Russia", *Econometrica*, 88 (4), 1479-1514.

Gradoselskaya, G. V., Scheglova, T. E., Karpov, I. A. (2019), "Mapping of Politically active Groups on Facebook: Dynamics of 2013-2018", *Cybersecurity issues*, 4(32), 94-104, DOI: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104. (In Russian)

Kaveeva, A. D., Gurin, K. E. (2018), "VKontakte' local friendship networks: identifying the missed residence of users in profile data", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 78-90, DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.05. (In Russian)

Knyzhova, Z. Z., Suslov, I. V. (2019), "The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet Space: A Review of Empirical Research in the Global and Russian Context", *Power*, 27 (5), 59-66, DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6720. (In Russian)

Kolozaridi, P. V. Ilin, A. V. (2016), "Messengers in the urban environment: Hybrid forms and new practices", *Steps*, 2 (1), 127-138. (In Russian)

Odintsov, A. V. (2017), "Sociology of public opinion and the Big Data challenge", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 30-43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04. (In Russian)

Plotnikova, M. V. (2021) "Impact of new media discourse on young people (the case of TikTok)", *Management Issues*, 2, 16-30, DOI: 10.22394/2304-3369-2021-2-16-30. (In Russian)

Sapon, I. V. and Ledenev, D. E. (2020), "Virtual Identity: The Network Effect of Self-Disclosure", *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 36-49, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-3. (In Russian)

Ushkin, S. G. (2017), "Coffee shop, gentlemen's club and social network, or where the public opinion is shaped today", *Monitoring of Public*

Opinion: Economic and Social Changes, 6, 52-62, DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.03. (In Russian)

Yudina, V. A., Nazarova, N. A. Yurasov, I. A. (2021), "Study of Political activity of the Population of provincial City in the Network Information Space", *Power*, 29 (2), 135-140, DOI: 10.31171/vlast.v29i2.8019. (In Russian)

Holden, J., Finch, W., Kelley, K. (2011), "A comparison of two-group classification methods", *Educational and Psychological Measurement*, 5 (71), 870-901.

Jost J. et al. (2018), "How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks", *Political psychology*, 39, 85-118.

Lee C., Chau D. (2018), "Language as pride, love, and hate: Archiving emotions through multilingual Instagram hashtags", *Discourse, Context & Media*, 22, 21-29.

Loader, B. D. (2008), "Social movements and new media", *Sociology Compass*, 2 (6), 1920-1933.

Masip, P. et al. (2020), "Participation and Media | Media and Twitter Agendas for Social Mobilizations: The Case of the Protests in Defense of the Public Healthcare System in Spain", *International Journal of Communication*, 14, 3355-3376.

Mizrahi, S. (2020), "Cascading disasters, information cascades and continuous time models of domino effects", *International journal of disaster risk reduction*, 49, DOI: 10.1016/j.ijdrr.2020.101672 [Online], available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7240265/> (Accessed 28 November 2021). (In Russian)

Mnasri, W., Azaouzi, M., Romdhane, L. (2021), "Parallel social behavior-based algorithm for identification of influential users in social network", *Applied Intelligence*, 51, 7365-7383, DOI: 10.1007/s10489-021-02203-x.

Priante, A. et al. (2018), "Identity and collective action via computer-mediated communication: A review and agenda for future research", *New media & society*, 20 (7), 2647-2669, DOI: 10.1177/1461444817744783.

Smidi, A., Shahin, S. (2017), "Social media and social mobilisation in the Middle East: A survey of research on the Arab Spring", *India Quarterly*, 73(2), 196-209, DOI: 10.1177/0974928417700798/

Vega, L., Mendez-Vazquez, A., López-Cuevas, A. (2021), "Probabilistic reasoning system for

social influence analysis in online social networks”, *Social Network Analysis and Mining*, 11, 1-20, DOI: 10.1007/s13278-020-00705-z.

Von Bülow, M., Vilaça, L., Abelin, P. H. (2019), “Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile”, *Information, Communication & Society*, 22 (12), 1770-1788, DOI: 10.1080/1369118X.2018.1451550.

*Статья поступила в редакцию 30 ноября 2021 г. Поступила после доработки 01 июня 2022 г. Принята к печати 03 июня 2022 г.
Received 30 November 2021. Revised 01 June 2022. Accepted 03 June 2022.*

**Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.**

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия.

Sergey G. Ushkin, Ph. D. (Sociology), Leading Researcher of the Department of Monitoring of Social Processes, Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia.

Сапон Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры социально-коммуникативных технологий Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия.

Irina V. Sapon, Senior Lecturer of the Department of Social and Communicative Technologies, Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Исследовательская статья

УДК 316

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-9

Зимова Н. С.

Особенности адаптации учебных мигрантов
в условиях пандемии: опыт МГУ им. М. В. Ломоносова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
nzimova@mail.ru

Аннотация. В современном глобальном мире, в условиях интенсивных миграционных потоков и углубления образовательных контактов, проблема адаптации учебных мигрантов в образовательное поле принимающей страны становится все более актуальной. Пандемия COVID-19, с которой столкнулся мир в 2020 г., поставила перед вузами целый ряд острых проблем. Особое беспокойство вызывало положение более уязвимой категории обучающихся – иностранных студентов. В данной работе приводятся результаты исследования особенностей и проблем адаптации учебных мигрантов в период пандемии на примере иностранных студентов МГУ имени М.В. Ломоносова. На основе анализа статистики и вторичных данных подтверждается активный рост учебных мигрантов, в основном за счет иностранных студентов из стран СНГ. Для выявления уровня и проблем адаптации иностранных студентов было проведено анкетирование, в котором приняли участие 284 респондента из 11 факультетов. Анализ охватывал организационный, содержательный, коммуникативный и личностный компоненты адаптации. В целом по результатам исследования выявлен низкий уровень адаптации иностранных студентов МГУ в период пандемии. Сложнее всего происходит адаптация студентов из стран дальнего зарубежья, в частности из Китая. Наиболее адаптированными являются студенты старших курсов из Казахстана. В период пандемии основные трудности адаптации иностранных студентов связаны с организационными вопросами и с коммуникацией. Сопоставление полученных результатов с ранее проведенными исследованиями позволило выявить, что пандемия в большей степени оказала негативное влияние на коммуникативный компонент адаптации. В условиях пандемии сократилось число иностранных студентов, желающих остаться в стране по завершению обучения. Полученные в процессе исследования данные позволили предложить ряд необходимых перспективных мер по организации процесса адаптации иностранных студентов в случае повторного введения ограничений в работе вузов.

Ключевые слова: учебная миграция; образовательная миграция; адаптация иностранных студентов; пандемия COVID-19; дистанционное обучение; факторы миграции

Информация для цитирования: Зимова Н. С. Особенности адаптации учебных мигрантов в условиях пандемии: опыт МГУ им. М. В. Ломоносова // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 112-130. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-9.

Research article

Natalya S. Zimova

**Peculiarities of educational migrants adaptation
in pandemic conditions:
the Lomonosov Moscow state university experience**

Lomonosov Moscow State University
bld.1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russia
nzimova@mail.ru

Annotation. In the modern global world, in the conditions of intensive migration flows and the deepening of educational contacts, the problem of adaptation of educational migrants in the educational area of the host country is becoming more and more relevant. The COVID-19 pandemic, faced the world in 2020, posed a number of acute problems for universities. Of particular concern was the situation of foreign students as more vulnerable category. This article presents the results of a study of the features and adaptation problems for educational migrants during a pandemic on the example of Lomonosov Moscow State University foreign students. Based on the analysis of statistics and secondary data, the active growth of educational migrants is confirmed, mainly due to foreign students from the CIS countries. To identify the level and problems of the foreign students adaptation, a survey was conducted, in which 284 respondents from 11 faculties took part. The analysis covers organizational, content, communicative and personal components of adaptation. In general, the results of the study revealed a low level of adaptation of foreign students during the pandemic. The most difficult thing is the adaptation of students from far abroad countries, in particular from China. The most adapted are senior students from Kazakhstan. During the pandemic, the main difficulties in adapting foreign students are related to organizational issues and communication. Comparison of the obtained results with previous studies revealed that the pandemic had a negative impact on the communicative component of adaptation to a greater extent. In the context of the pandemic, the number of foreign students who want to stay in the country after completing their studies has decreased. The results obtained in the course of the study made it possible to propose a number of necessary promising measures to organize the process of adaptation of foreign students in the event of the repeated introduction of restrictions on the universities work.

Keywords: educational migration; educational migration; adaptation of foreign students; COVID-19 pandemic; distance learning; migration factors

Information for citation: Zimova, N. S. (2022), "Peculiarities of educational migrants adaptation in pandemic conditions: the Lomonosov Moscow state university experience", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 112-130. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-9.

Введение (Introduction). Учебных мигрантов можно считать одной из самых привлекательных категорий мигрантов для

принимающих государств, поскольку ее составляют молодые и инициативные люди, открытые новым знаниям и технологиям, готовые получать высокую квалификацию,

воспринимать новую культуру. Именно поэтому сегодня перед российским образованием стоит задача занять прочное место на мировом рынке образовательных услуг. В соответствии с федеральным проектом «Экспорт образования», который направлен на повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования, с 2019 г. по 2024 г. планируется рост численности иностранных студентов в российских вузах с 241 тыс. до 425 тыс. человек¹. Это позволит России выйти на уровень лидирующих позиций наряду с другими государствами в области экспорта образовательных услуг, к которым сегодня относятся США, Великобритания, Китай, Австралия, Канада, Франция². Однако, в условиях высокой конкуренции в мире образовательных услуг, особенно обострившейся в период пандемии COVID-19, когда большинство образовательных организаций в мире перешли на формат обучения в режиме онлайн, реализация этой задачи предполагает не только внедрение инноваций в образовательный процесс, но и создание благоприятных условий для адаптации иностранных студентов. Поэтому изучение процесса адаптации учебных мигрантов, определение факторов, влияющих на данный процесс, выявление проблем и разработка мероприятий по их решению становится все более актуальным объектом исследования.

Методология и методы (Methodology and methods). Проблемам привлечения и адаптации учебных мигрантов в образовательную среду посвящён целый ряд научных исследований зарубежных и отечественных учёных. Зарубежными авторами данная тематика рассматривается в контексте проблем межэтнического взаимодействия и адаптации в мультикультурной среде. Одно из самых значимых исследований на тему адаптации иностранных студентов было проведено Рубеном Ж. Румбо

(Rumbaut, 1997). Изучением социальных барьеров, возникающих между иностранными и местными студентами, занимались американские ученые Р. Перуччи и Х. Ху (Perrucci, Hu, 1995). Различные теории и модели адаптации описывали британские ученые Й. Жоу, Д. Джиндал-Снейп, К. Топпинг и Д. Тодман (Zhou, Jindal-Snape, Topping, Todman, 2008). Проблемы образовательной миграции в контексте глобализации и интернационализации высшего образования рассматриваются в работах Ф. Дж. Альтбаха и Х. де Вита (DeWit, Altbach, 2018). Различным аспектам адаптации иностранных студентов посвящены работы М. Белота и С. Едервеена (Belot, Ederveen, 2012), А. Эббота, М. Сайлса (Abbott, Silles, 2016), и др.

Среди российских исследований по проблемам адаптации учебных мигрантов следует выделить работы А. Л. Арефьева, (Арефьев, 2018), Д. В. Полетаева (Полетаев, 2008), Ю. Н. Дорожкина Л. Т. Мазитовой (Дорожкин, Мазитова, 2007), В. Н. Петрова (Петров, 2009), И. О. Кривцовой (Кривцова, 2011), Д. Н. Митина (Митин, 2010), В. И. Мукомель, (Мукомель, 2011), С. В. Рязанцева, Е. Е. Письменной (Рязанцев, Письменная, 2015) и др. Большая исследовательская работа в области учебной миграции проводится представителями кафедры демографии МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Ионцевым (Ионцев, 2016), О. Д. Воробьевой, А. А. Гребенюком, Т. В. Лебедевой, (Воробьева, Гребенюк, Лебедева, 2021) А. А. Субботиным (Лебедева, Субботин, 2019) и др.

В своих работах российские исследователи рассматривают учебную миграцию как составную часть более широкого понятия образовательной миграции. Под учебной миграцией понимается перемещение между странами мигрантов, которые обучаются в школах, колледжах и университетах (Письменная, 2009: 6). Основную долю

¹ Паспорт ФП Экспорт образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 15.04.2021).

² Oxford's international profile // University of Oxford: [сайт]. URL: <https://www.ox.ac.uk/about/international-oxford/oxfords-international-profile?wssl=1> (дата обращения: 15.04.2021).

учебных мигрантов составляют студенты вузов, а ученики школ и колледжей пока слабо представлены в миграционном потоке. Более широкое понятие – образовательная миграция представляет собой перемещение людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки, и помимо университетского образования включает в себя различные виды дополнительного образования, стажировки, курсы повышения квалификации, переквалификации в различных учебных заведениях, структурах и компаниях. (Митин, 2010: 123). Адаптация учебных мигрантов понимается как сложный, многосоставной процесс приспособления иностранного студента к условиям новой среды (Дорожкин, Мазитова, 2007), процесс усвоения иностранным студентом образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему существовать и успешно действовать в принимающем обществе (Мукомель, 2011).

На адаптацию учебных мигрантов влияет большое количество факторов: степень владения языком, индивидуальные качества конкретной личности, жизненный опыт, социально-экономические особенности места нахождения учебного заведения, степень сходства между культурами, и др. Однако, пандемия COVID-19 и последующие за ней меры социальной изоляции, стали новыми наиболее значимыми факторами адаптации учебных мигрантов. Обзор последних исследований посвященных анализу адаптации иностранных студентов в условиях пандемии коронавирусной инфекции (Тюменцева, Харламова, Годенко, 2021; Плетнева, Очирова, 2020; Лебская, Цюаньмин, 2020), показывает широкий спектр проблем в данной сфере.

Сложность и многоаспектность проблемы, ее общественно-политическая важ-

ность, стремительная динамика миграционных процессов, а также угроза новой волны пандемии коронавирусной инфекции диктуют необходимость дальнейших исследований и поиска подходов к ее решению. Особенно ценно в этой связи изучение мнения основных субъектов учебной миграции об их личном опыте и проблемах связанных с адаптацией в сложных условиях карантинных ограничений.

С целью получения информации об особенностях и проблемах адаптации учебных мигрантов в российскую образовательную среду в период пандемии коронавирусной инфекции Covid-19, в марте-апреле 2021г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (далее – МГУ имени М. В. Ломоносова) было проведено социологическое исследование. Задачи исследования: на основе данных статистики и вторичных исследований определить современное состояние учебной миграции в России; используя метод анкетирования выявить основные проблемы адаптации иностранных студентов МГУ имени М. В. Ломоносова в период пандемии; сопоставляя данные проведенного исследования и данные социологического исследования адаптации иностранных студентов МГУ имени М. В. Ломоносова 2019 года (Лебедева, Субботин, 2019), выявить влияние ковидных ограничений на процесс адаптации.

За последние 10 лет численность студентов, прибывающих для обучения в Россию из-за рубежа, постепенно увеличивается. В 2019 году в России училось 298 тысяч иностранных студентов, в 2020 году – 315 тысяч, а в 2021 году численность иностранных студентов составила 350,8 тыс. человек, что составляет 5,1% от общего числа студентов (Гохберг, Озерова, Саутина, 2021).

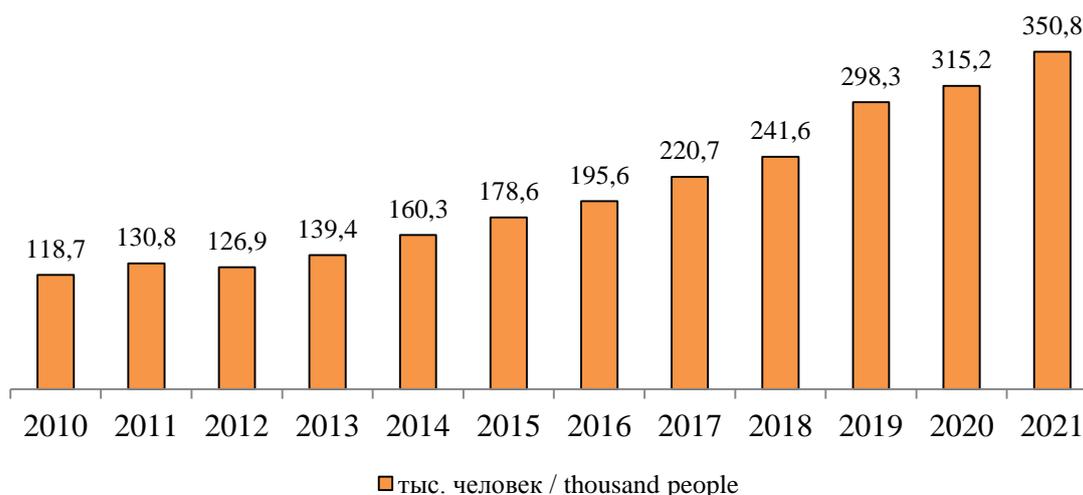

Рисунок 1. Динамика численности иностранных студентов в России 210-2021 гг. (Гохберг, Озерова, Саутина, 2021)
Figure 1. Dynamics of the number of foreign students in Russia 210-2021. (Gokhberg, Ozerova, Sautina, 2021)

Рост числа учебных мигрантов происходит преимущественно за счет притока студентов из стран СНГ и ближнего зарубежья. За высшим образованием в Российскую Федерацию приезжают студенты из Таджикистана (82 150 студентов), Узбекистана (76 049), Казахстана (75 738), Туркменистана (53 888), Киргизии (39 288), Индии (39 068), Китая (21 855), Армении (16 112), Украины (12 971), Беларуси (10 470) и других стран³.

Больше всего иностранцев обучается в государственных вузах: Российском университете дружбы народов – (12 515 чел.), Казанском (Приволжском) федеральном университете (7 232 чел.), Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (6 543 чел.), Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (5 511 чел.), Санкт-Петербургском государственном университете (5 375 чел.), Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики»

(4060 чел.), Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (3 601 чел.), Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики (3 377 чел.), Первом Московском государственном медицинском университете имени И. М. Сеченова (3 248 чел.) (Арефьев, 2020: 175).

Входя в пятерку самых востребованных российских вузов среди иностранцев, МГУ имени М.В. Ломоносова стремится укрепить позиции в международном образовательном пространстве. Количество иностранных студентов, магистрантов, аспирантов, обучающихся в университете, ежегодно увеличивается.

В рамках исследования был проведен социологический опрос иностранных студентов МГУ имени М. В. Ломоносова в форме анонимного анкетирования через интернет-платформу Googleforms в период с 1 марта по 20 апреля 2021 года.

³ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2021

года с распределением по и регионам. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/> (дата обращения: 15.03.2022)

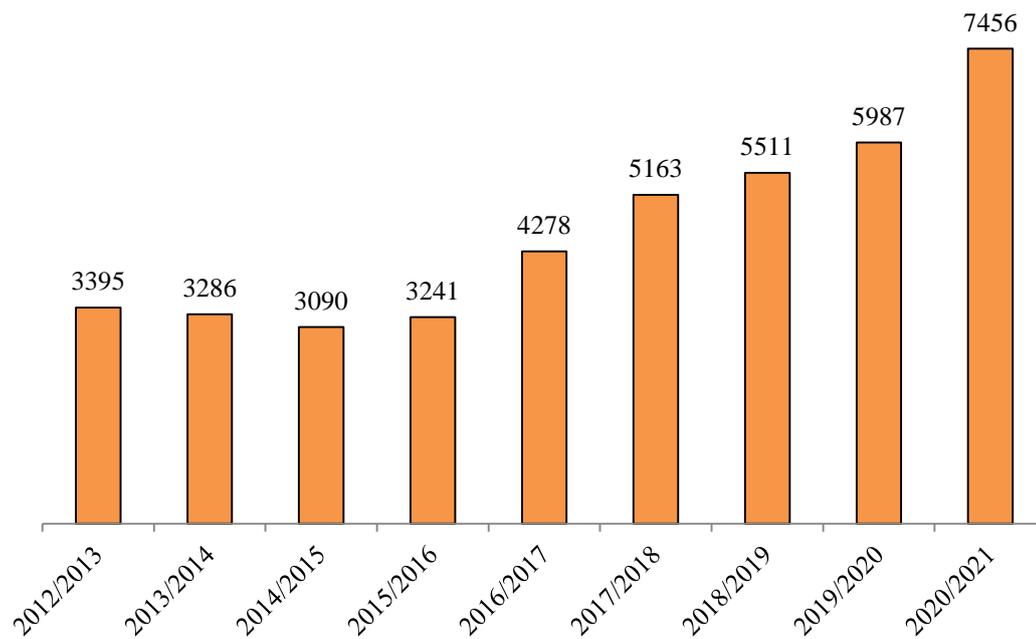

Рисунок 2. Динамика численности иностранных обучающихся по очной форме в МГУ имени М. В. Ломоносова в 2012/2013 – 2020/2021 уч. г., чел.
(составлено по: Арефьев, 2020; Отчет самообследования МГУ 2021 г.)

Figure 2. Dynamics of the number of foreign full-time students at Lomonosov Moscow State University in 2012/2013 - 2020/2021 academic years, people
(compiled by: Arefyev, 2020; Report on self-examination of Moscow State University 2021)

В опросе приняли участие иностранные студенты 11 факультетов: экономического, географического, социологического, исторического, юридического, факультета политологии, журналистики, глобальных процессов, государственного управления, Высшей школы современных социальных наук (факультет), Московской школы экономики (факультет).

Набор респондентов происходил через официальные группы студенческих организаций, ассоциаций, землячеств в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook», а также методом «снежного кома».

В анкетировании приняли участие 284 иностранца, из них: 190 человека (67%) обучающихся по программам бакалавриата, 94 человек (33%) – по программам магистратуры. Среди респондентов 51% (145 человек) женщины и 49% (139 человек) мужчины. Возраст опрошенных от 18 до 24 лет, (42% - в возрасте 19-20 лет). В опросе приняли участие иностранные студенты из Китая (189 человек), Казахстана (43 человек), Таджикистана (20 человек), Узбекистана (14 человек), Туркменистана (12 человек), Турции (6 человек).

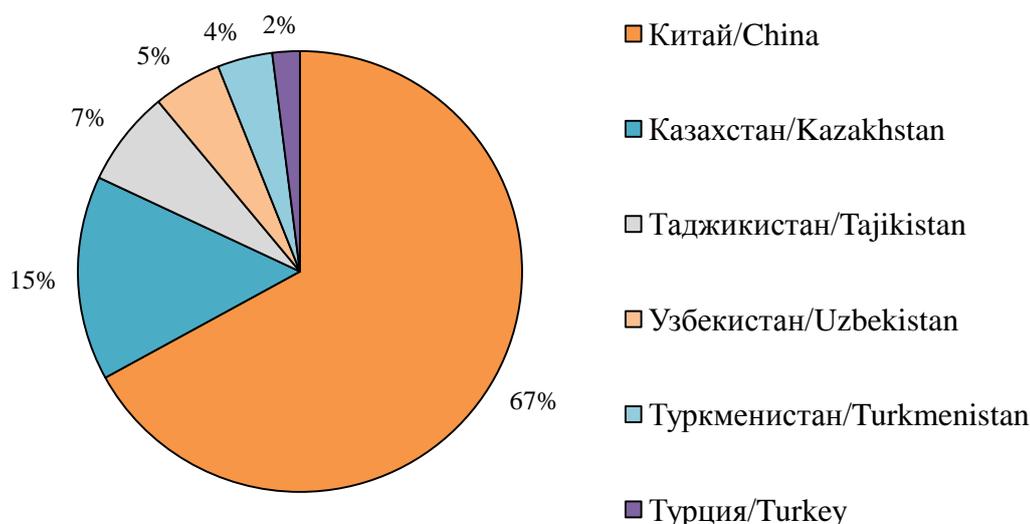

Рисунок 3. Распределение иностранных студентов, принявших участие в анкетировании, по странам прибытия

Figure 3. Distribution of foreign students who took part in the survey by country of arrival

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исходя из положения об активной роли в процессе адаптации не только личности, но и внешней среды (Корель, 2005) для системного анализа процесса адаптации были выделены следующие ее компоненты:

- организационный (особенности въезда, социально-бытовые условия);
- содержательный (учебная и внеучебная деятельность);
- коммуникативный компонент (общение со студентами и преподавателями);
- личностный (психологические особенности личности, общая оценка адаптации).

Организационный компонент представлен анализом сопровождения въезда в страну обучения, обеспечение жильем, медицинской помощью, организацией быта и досуга.

В 2020/2021 учебном году в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 и связанных с ней карантинных мероприятий в МГУ имени М. В. Ломоносова учебный процесс был организован в смешанном режиме, как очно, так и с применением дистанционных образовательных

технологий на разных платформах: «Университет без границ», Microsoft Teams, Zoom, Skype и др. Иностранные студенты, которые находились на территории России, приступили к занятиям преимущественно в очной форме, иностранные студенты, которые не успели приехать, приступили к обучению в дистанционном формате. По мере открытия границ, оформлялись приглашения на получения виз для иностранных студентов с последующим включением их в обучение в смешанном формате.

Результаты опроса показали, что 66% респондентов на начало учебного года находились в России и приступили к учебным занятиям в смешанном формате. В основном это студенты второго и третьего курсов. 34% респондентов находились в своей стране и приступили к занятиям дистанционно, ожидая разрешения на приезд в Россию. В большинстве случаев это студенты первого курса из Китая.

Для иностранных студентов особо значимо получение своевременной информации как о правилах и сроках приема, так и о формате обучения в 2020/2021 учебном году в условиях пандемии и самоизоляции. Больше половины опрошенных иностранных студентов (58%) подтвердили, что на

сайте МГУ имени М.В. Ломоносова нашли подробную и понятную для них информацию о правилах поступления и начале обучения осенью 2020 г. Почти 30% респондентов отметили, что представленной информации им было недостаточно. Не смогли понять содержание информации на сайте, и прибегли к другим источникам 12% респондентов.

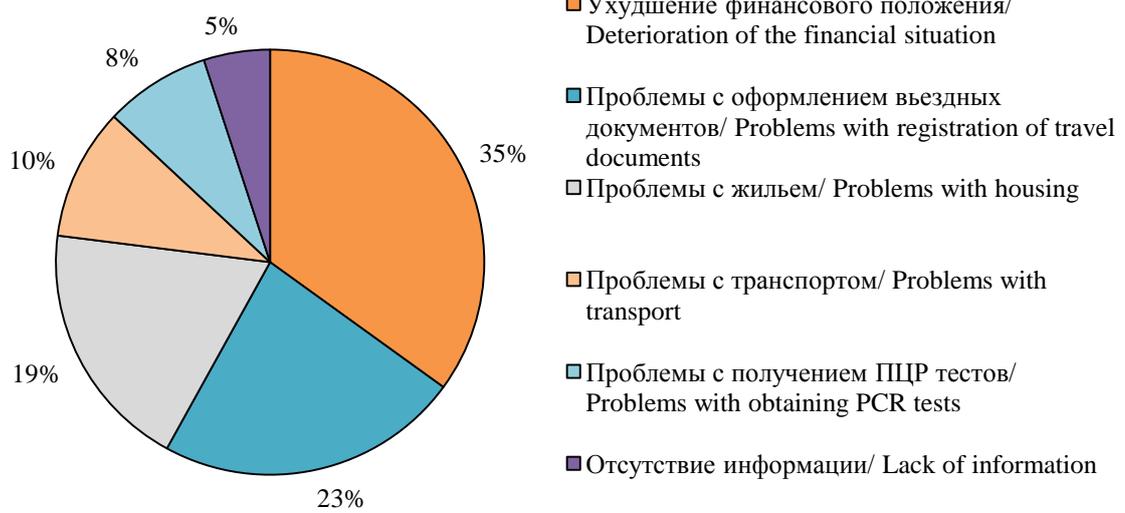

Рисунок 4. Организационные трудности респондентов
Figure 4. Organizational difficulties of respondents

Сопоставляя данные о материальном положении иностранных студентов с результатами исследования 2019 года (Лебедева, Субботин, 2019: 246), виден рост количества студентов с финансовыми трудностями, так в 2019 году, только 17% иностранных студентов заявляли, что ограничены в финансовых средствах, а острую нехватку в деньгах испытывали 3% респондентов.

Иностранные студенты, участвующие в опросе преимущественно обучаются на контрактной основе, для них не предусмотрены выплаты стипендий. Из числа респондентов, которые проживают в России и оплачивают обучение, более четверти потеряли работу. Среди причин ухудшения финансового положения больше всего студентов отметили, что существенно выросли расходы на продукты питания (39%). Интересно, что 14% респондентов связали ухуд-

Среди основных организационных трудностей, с которыми столкнулись иностранные студенты в связи с пандемией, были отмечены ухудшение финансового положения (35%); проблемы с оформлением въездных документов (23%); проблемы с жильем (19%).

шение финансового состояния с увеличением расходов на поддержку родственников, в большинстве это студенты из стран Средней Азии.

Вследствие сложной эпидемиологической обстановки для иностранных студентов крайне важен вопрос доступа к медицинской помощи.

Обязательным условием обучения иностранных граждан в МГУ имени М. В. Ломоносова на контрактной основе является оформление полиса добровольного медицинского страхования (ДМС). Отдельные категории иностранных студентов имеют российский полис обязательного медицинского страхования (ОМС). По результатам опроса 61% респондентов, проживающих на территории России, имели полис ДМС, 18% – полис ОМС. Однако были отмечены случаи отсутствия медицинской

страховки у студентов (16%). Так как в основном это студенты старших курсов, можно предположить, что это связано с

окончанием срока действия полиса ДМС. Об отказе в медицинской помощи заявили 4%.

Рисунок 5. Доступ опрошенных иностранных студентов к медицинским услугам
Figure 5. Access of surveyed foreign students to medical services

По сравнению с 2019 годом, ситуация с обеспечением иностранных студентов доступом к медицинской помощи изменилась в лучшую сторону, так 36% респондентов не имели право на оказание медицинской помощи (Лебедева, Субботин, 2019: 248). Можно предположить, что это связано с усилением контроля со стороны администрации вуза за своевременным оформлением иностранными студентами полиса медицинского страхования в условиях пандемии, а также более ответственным подходом к данному вопросу сами иностранцев. На момент проведения опроса все респонденты, проживающие в Москве, прошли бесплатную вакцинацию против коронавирусной инфекции.

Среди опрошенных респондентов, находящихся в России 57% проживают в общежитии МГУ, рядом с российскими студентами. Решая свои бытовые проблемы, они чаще всего привлекают к помощи своих друзей той же национальности (41%), значительное количество иностранных студентов решают все своими силами (37%), отдельные иностранцы обращаются

за помощью к российским знакомым (12%) и только незначительное число студентов (10%) обращается к помощи администрации общежития и факультета. Несмотря на увеличение числа иностранных студентов, проживающих в смешанных по составу общежитиях по сравнению с 2019 годом (19%) (Лебедева, Субботин, 2019: 250), число иностранцев, обращающихся к представителям страны приезда для решения бытовых трудностей, остается незначительным.

Содержательный компонент анализа представлен оценкой учебной и вне учебной деятельности иностранных студентов.

Основным фактором, влияющим на успешную адаптацию иностранных студентов в образовательной среде вуза, является знание русского языка. От того, насколько студенты владеют русским языком, зависит их дальнейшее обучение и понимание материала, поскольку образование в МГУ можно получить только на русском языке (за исключением некоторых магистерских программ МШЭ). До поступления в вуз 68% респондентов проходили специальную языковую

подготовку у себя в стране или на подготовительных курсах в МГУ имени М. В. Ломоносова, в основном это студенты из Китая.

Субъективная оценка владения русским языком иностранными студентами показала, что только 15% опрошенных свободно владеют русским языком, могут грамотно писать и общаться, не испытывая затруднений. В основном это студенты старших курсов из Казахстана, Таджикистана и

Узбекистана. Большая часть (46%,) респондентов хорошо понимают русскую устную и письменную речь, могут изъясняться, но испытывают небольшие трудности в общении. 28% респондентов хорошо понимают устную речь, но испытывают трудности при чтении и письме. 11% респондентов плохо понимают устную и письменную русскую речь, в основном это студенты-первокурсники из Китая.

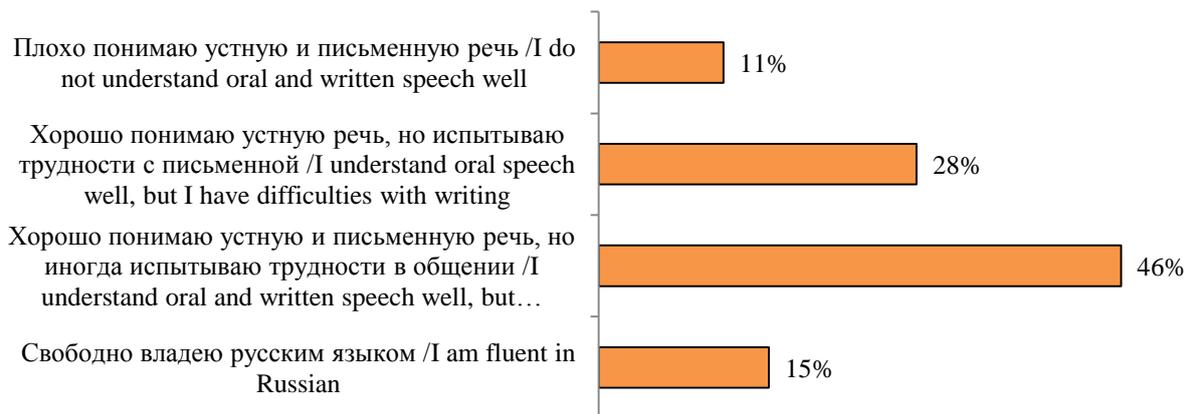

Рисунок 6. Субъективная оценка респондентами знания русского языка
Figure 6. Respondents' subjective assessment of Russian language proficiency

В целом, как ни странно, результаты опроса не выявили значительного влияния ковидных ограничений на уровень владения иностранными студентами русским языком. В 2019 году иностранные студенты демонстрировали примерно такие же показатели (Лебедева, Субботин, 2019: 244). Возможно, это объясняется введением во все основные образовательные программы для иностранных студентов МГУ имени М.В. Ломоносова обязательного изучения русского языка на протяжении всего периода обучения.

Большинство иностранных студентов с пониманием отнеслись к введению дистанционных образовательных технологий. Среди сложностей были отмечены технические проблемы подключения к видеоконференциям, затруднения со стабильностью интернет-соединения, отсутствие необхо-

димой гарнитуры (наушников, микрофонов, камеры хорошего разрешения), разницу во времени в странах пребывания и обучения, сложность организации рабочего места для обучения дома, большую нагрузку в онлайн-классах, трудности самоорганизации и мотивации на обучение, психологический дискомфорт.

Оценивая эффективность применения различных дистанционных форм проведения лекций, 32% респондентов отметили проведение лекций в режиме реального времени в формате видеоконференций. 30% респондентов выбрали просмотр ранее записанных видеолекций размещенных на вузовском портале. 20% посчитали для себя более удобной рассылку по электронной почте текстов лекций и презентации к ней. 18% выбрали рассылку списка рекомендованной учебной литературы и вопросов для самостоятельной подготовки.

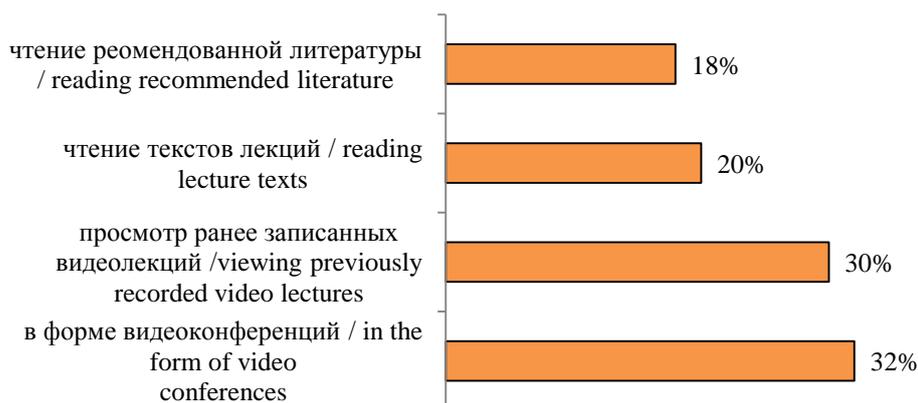

Рисунок 7. Оценка респондентами дистанционных технологий проведения лекций
Figure 7. Respondents' assessment of remote lecture technologies

Проведение семинарских занятий в режиме реального времени в форме видеоконференций как наиболее удобной отметили 35% респондентов. 30% опрошенных иностранных студентов выбрали семинарские занятия в офлайн форме в виде ответов на вопросы преподавателя и отправки

их по электронной почте в определённые сроки. Проектную форму организации семинаров предпочли 28% респондентов, 7% тестирование. 74% иностранных студентов указали, что предпочитают пассивную форму участия на семинарах, а в обсуждениях и дискуссиях они участвуют редко.

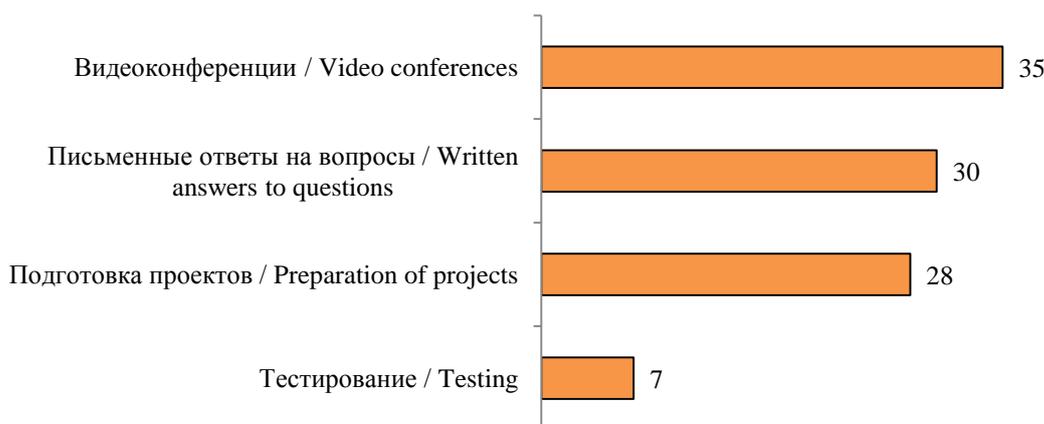

Рисунок 8. Оценка респондентами дистанционных технологий проведения семинарских занятий
Figure 8. Respondents' assessment of remote technologies for conducting seminars

На вопрос о влиянии введения дистанционного обучения на успеваемость 35% иностранных студентов 2-4 курсов бакалавриата и 2 года обучения магистратуры отметили, что успеваемость по итогам зимней сессии в 2020/2021 году, по сравнению с 2019/2020 учебным годом осталась на прежнем уровне. 26% респондентов отметили более высокие показатели успеваемо-

сти, 22% высказались о снижении успеваемости, остальные респонденты не заметили разницы. Стабильные показатели успеваемости можно объяснить тем, что с одной стороны, профессорско-преподавательский состав за время ограничений переформатировал или создал практически новые учебные курсы, в большей степени соответствующие формату дистанционного обучения, с

другой стороны, сами иностранные студенты адаптировались к такому формату обучения.

Относительно усвоения учебного материала 49% опрошенных иностранных студентов считают, что «дистанционное обучение на качество освоения учебного материала не сильно влияет», 34% не обнаружили никакого влияния, 6% отмечают положительное влияние, а 11% студентов уверены в негативном влиянии дистанционного обучения на качество освоения учебного материала. По мнению большинства студентов, (70%) трудности усвоения материала связаны с недостаточным уровнем владения русским языком. Среди основных проблем респонденты отметили: быструю речь лектора, сложность восприятия иллюстративного материала, сложность сформулировать ответ на заданный вопрос.

В связи с введением запрета на проведения массовых мероприятий, оценить в полной мере внеучебную деятельность иностранных студентов не представляется возможным. Большинство респондентов отметили, что не учувствуют ни в каких мероприятиях кроме обучения. На вопрос: «Как Вы проводите свой досуг?», значительная часть студентов ответила, что общается с друзьями (44%), слушает музыку (37%) и читает (23%), смотрит фильмы (13%), играет в компьютерные игры (5%). Что же касается тех, с кем студенты проводят свой досуг, то практически 97% из них общаются только со своими соотечественниками, что еще раз подтверждает закрытость иностранных студентов. Можно сказать, что студенты не активны по отношению к внешней среде, поскольку лишь 3,5% респондентов указали, что они каким-либо образом участвуют в студенческой жизни университета. Активность иностранных студентов до пандемии была значительно выше, так, например, 43% респондентов в 2019 году указали, что принимают участие в мероприятиях по поддержанию обычаев и традиций своей страны (Лебе-

дева, Субботин, 2019: 252). Такая закрытость иностранных студентов оказывает негативное влияние на процесс адаптации.

Коммуникативный компонент оценивался исходя из общения респондентов со студентами и преподавателями. На вопрос о группе обучения 68% респондентов отметили, что обучаются в смешанной по составу группе, что позитивно влияет на процесс адаптации. Отношения со своей студенческой группой у большинства респондентов доверительные (62%), однако есть и те, кто ограничиваются деловыми отношениями (28%). Доля респондентов, которым тяжело общаться и находить общий язык с группой составляет 10%. Можно утверждать, что климат между одноклассниками характеризуется, как благоприятный. В тоже время, по сравнению с доковидным периодом наблюдается снижение числа иностранных студентов, характеризующих отношения в группе как доверительные или товарищеские (с 92% в 2019 году до 62% в 2021 г.) (Лебедева, Субботин, 2019: 250), что можно объяснить сокращением числа контактов с одноклассниками.

На вопрос о друзьях, большинство иностранных студентов (81%), отмечают, что дружат в основном со своими соотечественниками, друзей среди российских студентов имеют 19% респондентов. Такие показатели очень сильно отличаются от результатов исследования 2019 года, когда 70% респондентов имели как минимум одного друга-россиянина (Лебедева, Субботин, 2019: 251).

В вопросе «Довольны ли Вы отношением преподавателей к Вам?» ответы распределились следующим образом: 59% иностранных студентов полностью довольны, 33% – скорее довольны, чем нет, 6% ответили, что скорее нет, чем да, всего 2% не довольны. Большинство преподавателей толерантны, не создают иностранным студентам препятствий для учебы и показывают лояльное отношение к студентам из других стран.

Около 20% респондентов общаются с преподавателями и студентами только по

мере необходимости. Большинство иностранных респондентов (47%), отметили, что испытывают недостаток личного контакта с преподавателями и одногруппниками, и чувствуют отчуждённость при обучении.

Личностный компонент оценивался исходя из особенностей восприятия иностранными студентами самой страны и ее населения. Общая оценка иностранными

студентами своей приспособленности к жизни в стране охватывает различные стороны жизни и представляет собой в большей степени эмоциональную, а не рациональную оценку.

На вопрос, комфортно ли они себя чувствуют в России, большинство студентов (80%) ответило положительно, что в целом повторяет результаты исследования 2019 г. (Лебедева, Субботин, 2019: 251).

Комфортно ли вы чувствуете себя в России? / Do you feel comfortable in Russia

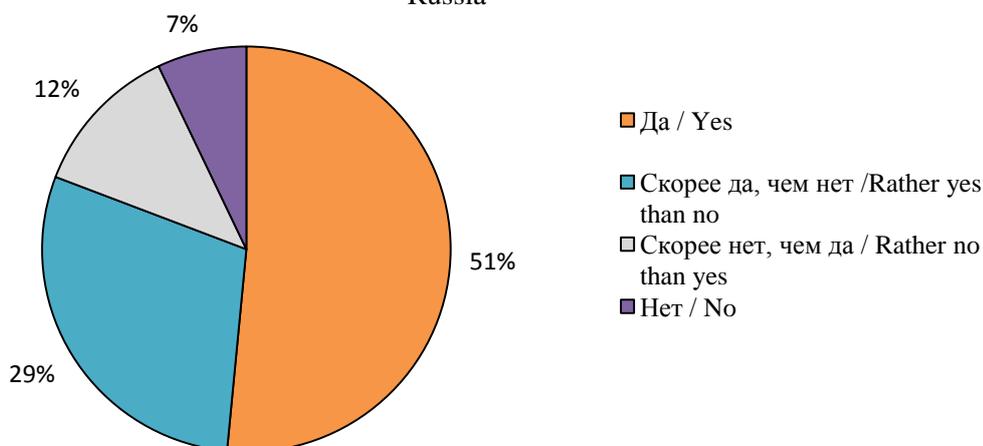

Рисунок 9. Субъективное ощущение комфорта респондентов в стране
Figure 9. Respondents' subjective sense of comfort in the country

Внешним по отношению к самим иностранным студентам фактором адаптации, не зависящем от них самих, является толерантность российской среды, отношение к ним со стороны принимающего российского социума. Большинство опрошенных иностранных студентов никогда не сталкивались с предвзятым отношением к себе по национальному признаку со стороны студенчества, что говорит о толерантности российской студенческой среды. Так же, большинство респондентов отметили и толерантность преподавателей, которые показывают лояльное отношение к студентам из других стран, не создают иностранным студентам препятствий для учебы. В тоже время 30% респондентов отметили, что ощутили дискомфорт в общении с россиянами, в основном это студенты из Китая. По сравнению с 2019 годом, такое поведение

стало более характерным для россиян, что вполне объяснимо пандемией.

Наиболее сложными периодами для иностранных студентов оказались первый (34%) и второй (42%) годы. Это можно объяснить теорией U-образного процесса адаптации, предложенной Г. Триандисом, согласно которой в процессе приспособления к новой среде иностранец чувствует себя хорошо, плохо, очень плохо, хорошо, очень хорошо. Студенты, живущие в России меньше года, находятся в состоянии «медового месяца». Высокие оценки своей адаптации показали 65% опрошенных первокурсников. Студенты, находящиеся в новой стране от одного года до трех лет, переживают «культурный шок». 38% респондентов 2-3 курса неудовлетворительно оценили свою приспособленность к российским условиям жизни. После трех лет пре-

бывания в новой стране формируется реалистическая оценка ситуации, человек вырабатывает линию своего поведения в стране. Большинство опрошенных иностранных старшекурсников (67%) отметили, что адаптировались к условиям обучения и проживания в стране.

Интересными оказались ответы на вопрос о том, что уже знали иностранные студенты о России до приезда в страну на обучение. Как выяснилось, очень немногие, только 15% респондентов хоть что-то знали о России. При этом многие указывали, что знали, где находится Университет, какие документы им нужно было собрать, смотрели прогнозы погоды. Что же касается действительных фактов, то назывались следующие: знание цветов флага, знание блюд русской кухни, знание о богатой лесной территории России, знание творчества некоторых писателей. Олимпиада в Сочи и Чемпионат по футболу также не обошли

стороной иностранных студентов. Как мы можем заметить, не было указано каких-то конкретных фактов о социальной, политической или экономической сферах общества.

На вопрос хотели бы они остаться в России на постоянное место жительства, более половины респондентов (53%) твердо уверены, что они не готовы к этому. Среди причин, опрошенные иностранные студенты называли следующие: желанием окончить обучение и получить высокую должность на родине (89,2%), слишком значительной культурной дистанцией (7,5%) и желанием быть ближе к семье (3,3%). И только около 7% опрошенных изъявили желание связать свою дальнейшую судьбу с Россией. Стремление остаться мотивируется перспективами трудоустройства (31%), хорошими условиями жизни (16%), наличием родных и близких (12%).

Планируете ли Вы остаться в России на постоянное место жительства?
/ Are you planning to stay in Russia for permanent residence?

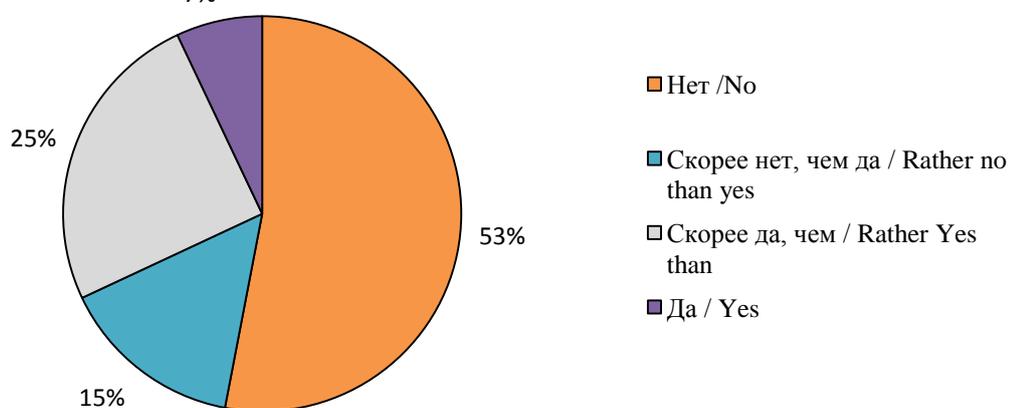

Рисунок 10. Распределение ответов респондентов о намерениях остаться в России
Figure 10. Distribution of respondents' answers about their intentions to stay in Russia

Таким образом, миграционные намерения в сторону оседания в России у опрошенных иностранных студентовне высоки, однако, отметим большой процент неопределившихся респондентов. Возможно, решение проблем связанных с пандемией-могут изменить миграционные намерения примерно у 25% опрошенных иностранных

студентов. Это предположение подтверждает тот факт, что до пандемии 66% иностранных студентов имели желание после окончания учебы остаться в России на постоянное место жительства (Лебедева, Субботин, 2019: 253).

Заключение (Conclusions). В условиях карантинных ограничений связанных

с распространением новой коронавирусной инфекцией COVID-19 МГУ им. М. В. Ломоносова перестроил работу по приему иностранных граждан и созданию условий для их адаптации в образовательную среду. Университет организовал проведение Дней открытых дверей для иностранных студентов в дистанционном формате, бесконтактный прием документов, проведение вступительных испытаний с применением цифровых технологий, оформление въездных документов, ввёл в образовательный процесс дистанционные формы обучения, обеспечил доступ к медицинской помощи, предоставил возможность бесплатной вакцинации для иностранных студентов.

В тоже время результаты проведенного исследования выявили наличие организационных проблем в работе с иностранными студентами. Среди них следует отметить: недостаточная информационная работа с иностранцами о правилах поступления, порядке обучения, расселения, особенностях пребывания в вузе в период пандемии; сложности во взаимодействии представителей факультетов с государственными органами по оформлению въездных документов; нехватка преподавателей и сотрудников факультетов, непосредственно взаимодействующих с иностранным контингентом.

Для более глубокой и быстрой адаптации иностранцев целесообразно совершенствовать сайт университета, создать более «дружественный» интерфейс, с которым просто и комфортно работать на нескольких языках. Наполнить его не только более подробной обязательной внутренней информацией об университете, правилах поступления, особенностях обучения, порядке размещения и проживания, но и другой полезной для адаптации иностранных студентов информацией (транспортная инфраструктура, местоположение медицинских, культурных, спортивных объектов, и т.п.).

Оперативному решению организационных вопросов может способствовать рас-

ширение штата сотрудников факультета ответственных за взаимодействие с иностранцами, активное привлечение к этой работе кураторов, развитие студенческих организаций, сопровождающих социальную адаптацию иностранных студентов и координирующих их пребывание в России.

В МГУ имени М. В. Ломоносова создана система довузовской языковой подготовки, введены обязательные предметы по изучению русского языка в течение всего периода обучения, реализуются образовательные программы, адаптированные для использования иностранцами. Однако результаты исследования выявили, что большинство иностранных студентов испытывают затруднения в обучении на русском языке. Возможным решением выделенных проблем является увеличение числа адаптированных для иностранцев образовательных программ, а также введение новых, полностью ориентированных на иностранных студентов, с учетом их особенностей и потребностей.

Ключевым фактором, как в оценке успешности работы вуза, так и адаптации иностранных студентов, служит их собственная оценка качества образования. Результаты опроса показали, что ведение дистанционных технологий обучения, по мнению иностранных студентов, никак не повлияло на высокое качество получаемого ими образования. Наиболее удобной и эффективной формой для них в период пандемии стала организация лекций и семинаров в виде видеоконференций. Показатели успеваемости иностранных студентов при применении дистанционных технологий обучения не изменились. Выявленное соответствие качества обучения ожиданиям иностранных студентов, может говорить о позитивном процессе адаптации.

Результаты исследования выявили трудности включения иностранцев в студенческое сообщество обусловленные низким уровнем владения русским языком, дистанционным форматом обучения, отсутствием полноценной внеучебной студенческой деятельности. С учетом удаленного

обучения, необходимо разработать внеучебные мероприятия в дистанционном формате, которые помогут расширить круг общения иностранных студентов, преодолеть барьеры отчужденности как следствие эффективно адаптироваться.

Анализ личного восприятия иностранными студентами страны, показал, что они имеют не достаточные знания о России в целом и ее жителях в частности. Подобная ситуация мешает сформировать свое понимание и мнение о стране, что влияет на дальнейшее приспособление к новой среде желание остаться в России.

В целом по результатам исследования можно говорить о низком уровне адаптации иностранных студентов в период пандемии, при этом адаптация студентов из разных стран имеет свои особенности, а также напрямую зависит от их места пребывания и продолжительности обучения.

Многие студенты из ближнего зарубежья хорошо знают русский язык, традиции, историю, условия жизни в России и их адаптация проходит более спокойно и эффективно. Наиболее адаптированными можно назвать студентов старших курсов из Казахстана. В новой социокультурной среде они чувствуют себя комфортно, не испытывают значительных трудностей в обучении, в том числе в дистанционном формате, рассматривают Россию, как страну возможного длительного пребывания. Немного сложнее процесс адаптации проходит у студентов из Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, что обусловлено более низким уровнем знания русского языка, их низкой социальной активностью. Для студентов из этих стран характерен процесс частичного восприятия новой социокультурной среды, который выражается в согласии с общепринятыми обязательными нормами общества, но при этом сохраняются основные этнические черты посредством образования этнических групп.

Адаптация студентов из стран дальнего зарубежья происходит более сложно.

Так большинство студентов из Китая, которые проживают в России, приспособляются к новой среде только в рамках сознательных изменений своих способов поведения в стандартных ситуациях, однако при этом внутренне остаются отчужденными от среды пребывания. Традиционная закрытость китайских студентов, отсутствие тесных контактов с русскоговорящим населением приводят к их анклавизации в университете. В данном случае можно говорить о псевдоадаптации, для которой характерен компромисс на внешнем уровне за счет примирения с окружающей средой при сохранении значительной социальной дистанции.

Сопоставление полученных результатов с ранее проведенными исследованиями позволило выявить, что пандемия в большей степени оказала влияние на коммуникативный компонент адаптации иностранных студентов. Ковидные ограничения привели к снижению социальной активности иностранных студентов, уменьшению контактов с представителями местного общества, к усилению закрытости иностранных студентов. В условиях пандемии сократилось число иностранных студентов желающих остаться в стране по завершению обучения.

В заключение отметим, что для реализации плана по увеличению иностранных студентов и их успешной адаптации необходима государственная поддержка университетов, осуществляющих обучение иностранцев. Среди необходимых мер государственной поддержки наиболее приоритетными являются:

- создание государственной программы содействия учебной миграции;
- развитие программ специальной довузовской и языковой подготовки;
- развитие организаций и центров, координирующих пребывание иностранных студентов в России;
- учреждение специальных стипендий;
- устранение административных и бюрократических барьеров при приеме иностранных студентов, упрощение процесса оформления документов.

Список литературы

- Арефьев А. Л. Международное образование в глобальном и российском измерении // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 301-327.
- Арефьев А. Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Выпуск 17. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 2020, 180 с.
- Воробьева О. Д., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. Учебная миграция в Российскую Федерацию: региональная дифференциация и вклад в социально-экономическое развитие регионов // Региональная экономика и управление. 2021. № 1 (65).
- Дорожкин Ю. Н., Мазитова Л. Т. Иностранные студенты: некоторые проблемы социальной адаптации // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 73-77.
- Ионцев В. А. Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном мире // Международная миграция населения: Россия и современный мир. 2016. № 29. С. 5-7.
- Корель Л. В. Социология адаптации; вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8 (1). С. 284-288.
- Лебедева Т. В., Субботин А. А. Особенности адаптации иностранных студентов в МГУ: достижения, проблемы, перспективы // Философия хозяйства. 2019. № 5. С. 235-267.
- Лебская Д. А., Цюаньмин У. Организационные аспекты адаптации иностранных студентов в российских вузах в условиях пандемии // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 64-3. С. 134-137.
- Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник российского университета дружбы народов. серия: политология. 2010. № 3. С. 123-134.
- Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 1. С. 34-50.
- Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина, Т. А. Сутырина, Н. Б. Шугаль. М.: НИУ ВШЭ, 2021, 132с.
- Петров В. Н. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2 (2). С. 117-121.
- Письменная Е. Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): ав-тореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. 64 с.
- Плетнева Ю. Э., Очирова Г. Н. Влияние пандемии COVID-19 на положение иностранных студентов в России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 147-155.
- Полетаев Д. В. Роль учебной миграции из зарубежных стран в социально-экономическом и демографическом развитии России // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2008. № 345-346. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit07.php> (дата обращения: 0.3.06.2021).
- Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации // Ректор вуза. 2015. № 5. С. 38-422.
- Тюменцева Е. В., Харламова Н. В., Годенко А. Е. Проблемы обучения иностранных студентов в условиях пандемии // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 149-158.
- Abbott A., Silles M. Determinants of International Student Migration // The World Economy. 2016. Vol. 39, issue 5. Pp. 621-635. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/twec.12319> (дата обращения: 20.03. 2021).
- Belot M., Ederveen S. Cultural barriers in migration between OESD countries // J. Popul. Econ., 2012, pp. 25.
- DeWit H., Altbach P. G. Higher Education as a Global Reality // J. C. Shin, P. Teixeira (eds) Encyclopedia of International Higher Education-Systems and Institutions. Dordrecht: Springer Science+Business Media. 2018.
- Perrucci R., Hu H. Satisfaction with social and educational experience among international graduate students // Research in Higher education. 1995. Vol. 36. № 4. P. 492

Rumbaut R. G. Assimilation and its discontents: between rhetoric and reality // *International Migration Review*. 1997. vol. 31, №. 4. pp. 23.

Zhou Y., Jindal-Snape D., Topping K., Todman J. Theoretical models of culture shock and adaptation in international students in higher education // *Studies in Higher Education*. 2008. №. 33. pp. 63-75.

References

Arefev, A. L. (2018), "International education in the global and Russian dimension", *Obrazovanie i nauka v rossii: sostoyaniye potentsial razvitiya*. (3). 301-327. (In Russian)

Arefev, A. L. (2020), *Obuchenie inostrannykh grazhdan v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. Statisticheskiy sbornik* [Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection], Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka. A. S. Pushkina, Moscow, Russia. (In Russian)

Vorob'yova, O. D., Grebenyuk, A. A. and Lebedeva, T. V (2021), "Educational migration to the Russian Federation: regional differentiation and contribution to the socio-economic development of regions", *Regional'naya ekonomika i upravlenie*, 1 (65). (In Russian)

Dorozhkin, Yu. N. and Mazitova, L. T. (2007), "International students: some problems of social adaptation", *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 73-77. (In Russian)

Ioncev, V. A. (2016), "Integration of migrants: is it possible in the modern world", *Mezhdunarodnaya amigratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir*, 29, 5-7. (In Russian)

Korel, L. V. (2005), *Sociologiya adaptatsii; voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation; questions of theory, methodology and methodology], Nauka, Novosibirsk, Russia, 424. (In Russian)

Krivczova, I. O. (2011), "Socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (on the example of the Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko)", *Fundamental'nyye issledovaniya*, 8 (1), 284-288. (In Russian)

Lebedeva, T. V. and Subbotin, A. A. (2019), "Features of adaptation of foreign students at MSU: achievements, problems, prospects", *Filosofiya i upravleniye*, 5, 235-267. (In Russian)

Lebskaya, D. A. and Czyuan'min, U. (2020), "Organizational aspects of adaptation of

foreign students in Russian universities in the context of a pandemic", *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, (64-3), 134-137. (In Russian)

Mitin, D. N. (2010), "Educational (educational) migration: concept, problems and solutions", *Vestnik rossijskogo universiteta druzhby narodov. seriya: politologiya*, 3, 123-134. (In Russian)

Mukomel', V. I. (2011), "Integration of migrants: challenges, politics, social practices", *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, (1), 34-50. (In Russian)

Goxberg, L. M., Ozerova, O. K., Sautina, E. V., Suty`rina, T. A. and Shugal', N. B. (2021), [Education in numbers: 2021: a short statistical collection], *Obrazovanie v cifrax: 2021: kratkiy statisticheskiy sbornik*, NIU VShE, Moscow, Russia. (In Russian)

Petrov, V. N. (2009), "Features of adaptation of foreign students", *Sociologicheskie issledovaniya*, 2 (2), 117-121. (In Russian)

Pis`mennaya, E. E. (2009), "Social consequences of educational immigration to Russia (questions of theory and research methodology)", Abstract of Ph.D. dissertation sociology, Moscow, Russia. (In Russian)

Pletneva, Yu. E. and Ochirova, G. N. (2020), "The impact of the COVID-19 pandemic on the situation of foreign students in Russia", *Nauchnoye obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*, (3), 147-155. (In Russian)

Poletaev, D. V. (2008), "The role of educational migration from foreign countries in the socio-economic and demographic development of Russia", *Demoskop Weekly* [Online], available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit07.php> (Accessed 14 April 2021). (In Russian)

Ryazancev, S. V. and Pis`mennaya, E. E. (2015), "The impact of educational migration on the economic development of the Russian Federation", *Rektorvuz*, (5), 38-422. (In Russian)

Tyumenceva, E. V., Xarlamova, N. V. and Godenko, A. E. (2021), "Problems of teaching foreign students in a pandemic", *Vysshее obrazovanie v Rossii*, (7), 149-158. (In Russian)

Abbott, A. and Silles, M. (2016), "Determinants of International Student Migration", *The World Economy*, 39 (5), 621-635, available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/twec.12319> (Accessed: 20 March 2021).

Belo, M. and Ederveen, S. (2012), "Cultural barriers in migration between OESD countries", *J. Popul Econ*, 25.

DeWit, H., and Altbach, P. G. (2018), "Higher Education as a Global Reality", in J. C. Shin, P. Teixeira (eds) *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Springer Science+Business Media, Dordrecht, Netherlands.

Perrucci, R. and Hu, H. (1995), "Satisfaction with social and educational experience among international graduate students", *Research in Higher education*, 36 (4), 492.

Rumbaut, R. G. (1997), "Assimilation and its discontents: between rhetoric and reality", *International Migration Review*, 31 (4), 23.

Zhou, Y, Jindal-Snape, D., Topping, K. and Todman, J. (2008), "Theoretical models of culture shock and adaptation in international students in higher education", *Studies in Higher Education*, 33, 63-75.

*Статья поступила в редакцию 30 апреля 2022 г.
Поступила после доработки 30 мая 2022 г.
Принята к печати 05 июня 2022 г.
Received 30 April 2021. Revised 30 May 2022.
Accepted 03 June 2022.*

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.**

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Natalya S. Zimova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Engineering, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-10

Сорокина Н. Д.

Роль и миссия социологии в современном обществе

Московский авиационный институт (НИУ),
кафедра социологии, психологии и социального менеджмента
Волоколамское шоссе, дом 4, Москва, 125993, Россия
nd-sorokina@mail.ru

Аннотация. Вопросы роли и миссии социологии в современном обществе не утратили своей актуальности. Практическая функция социологии заключается в том, что социологическая информация является важным инструментом обратной связи при принятии решений на разных уровнях управления. Поэтому так важно соблюдение социологами норм и профессиональной этики, что должно быть отражено в Этическом кодексе социологов. Цифровое общество, переход к которому активно осуществляется, приводит к переосмыслению роли социологии, потому что требуются соответствующие технологии, методы управления. Средства получения социологической информации также претерпевают изменения. Развиваются альтернативные способы получения обратной связи при принятии тех или иных управленческих решений. Возрастает роль социологии, которая в настоящее время должна ориентироваться также на запросы гражданского общества, выполняя просветительскую функцию. Всё более популярной становится обращение к публичной социологии, в которой можно видеть нацеленность на диалог с обществом. Но в силу разных причин: объективных и субъективных, – социология в целом для общества ассоциируется с изучением общественного мнения по разным вопросам и опросами, касающихся предвыборных рейтингов. Сами же социологи остерегаются публичных дебатов, не выходят на авансцену общественной жизни. В статье приводятся основные причины, которые препятствуют выполнению социологией своей миссии и роли в современном обществе, среди которых особо можно выделить: состояние отечественной социологии; недостаточную социологическую грамотность, а зачастую, и полную безграмотность большей части населения, способствующая распространению стереотипов, предрассудков, предубеждений относительно роли социологии, её возможностей, а также её значимости в процессах функционирования и изменения общественных систем. Делается вывод о том, что миссия социологии заключается в служении социуму, ей отводится связующая роль между интересами населения и власти, бизнеса. Только в этом случае её значение в жизни общества может увеличиваться, тем самым, это будет способствовать освобождению от стереотипов, предрассудков относительно её нужности и полезности, а также повышению её роли при принятии разных управленческих решений.

Ключевые слова: роль и миссия социологии в современном обществе; профессиональная этика социолога; цифровое общество; цифровая социология; функции социологии; роль социологии в принятии управленческих решений; гражданская позиция социолога

Информация для цитирования: Сорокина Н. Д. Роль и миссия социологии в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 131-142. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-10.

Theoretical study

Nina D. Sorokina

The role and mission of sociology in modern society

Moscow aviation institute (National research university),
Department «Sociology, psychology and social management»
bld.4, Volokolamskoye shosse, Moscow, 125993, Russia
nd-sorokina@mail.ru

Abstract. The issues of the role and mission of sociology in modern society have not lost their actuality. The pragmatic role of sociology lies in the fact that sociological information is an important feedback tool when making decisions at different levels of management. That is why it is so important for sociologists to follow the norms and professional ethics, which should be reflected in the Ethical Code of Sociologists. The digital society, the transition to which is actively underway, leads to a rethinking of the role of sociology, because appropriate technologies and management methods are required. The means of obtaining sociological information are also undergoing changes. Alternative ways of getting feedback when making certain management decisions are being developed. The role of sociology is increasing, which at present should focus also on the needs of civil society, performing an educational function. The appeal to public sociology, in which one can see the focus on dialogue with society, is becoming increasingly popular. But for various reasons, objective and subjective, sociology as a whole is associated for society with the study of public opinion on various issues and polls related to election ratings. Sociologists themselves are wary of public debates, they do not come to the forefront of public life. The article presents the main reasons that prevent sociology from fulfilling its mission and role in modern society, among which one can highlight the state of domestic sociology is particularly noteworthy; insufficient sociological literacy, and often complete illiteracy of a large part of the population, contributing to the spread of stereotypes, prejudices about the role of sociology, its capabilities, as well as its significance in the processes of functioning and changing social systems. It is concluded that the mission of sociology is to serve society, it is assigned a connecting role between the interests of the population and government, business. Only in this case, its importance in the life of society can increase, thereby, it will contribute to the release from stereotypes, prejudices about its usefulness, as well as increase its role in making various managerial decisions.

Keywords: the role and mission of sociology in modern society; professional ethics of a sociologist; digital society; digital sociology; functions of sociology; the role of sociology in managerial decision-making; civic position of a sociologist

Information for citation: Sorokina, N. D. (2022), "The role and mission of sociology in modern society", Research Result. Sociology and management, 8 (2), 131-142. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-10.

Введение (Introduction). Со времён основания социологии, как самостоятельной науки, вопрос её роли, миссии всегда являлся актуальным. Это касается становления отечественной социологии, и, как отмечают некоторые исследователи, «социология вошла в научный мир России с новой функцией: предметно-практической, преобразующей общество, просвещенческой и ориентационной... Тот, кто знает тонкости общества как социального организма, тот может начать врачевание болезней общества и предлагать рецепты для профилактики социальных болезней» (Шпак, 2015: 305, 307). В этой связи можно отметить разработку просветительских моделей Н. И. Кареевым и М. М. Ковалевским в преподавании социологии. В частности, М. М. Ковалевский говорил о необходимости показывать полезность социологических знаний (Буланова, 2011: 39).

Вопрос роли, миссии социологии в обществе не потерял актуальности и сегодня. Действительно, роль социологии при принятии решений на разных уровнях управления является важной, выступая в качестве инструмента обратной связи. В этой связи вопрос соблюдения норм и профессиональной этики становится особо актуальным. Так, в последнее время в связи с проведением различных коммерческих исследований, не всегда добросовестно используются методы социологической науки. Тем самым наносится ущерб репутации профессии социолога. В принятом новом варианте Этического кодекса социолога отражены эти вопросы. В частности, специально указано, что социолог не вправе использовать технологии манипулирования сознанием, не допускается также использование ложных сведений.

В настоящее время происходит переход к цифровому обществу, поэтому необходимо переосмысление роли социологии. В настоящей работе рассматривается вопрос роли и миссии образования в современную эпоху, характеризующуюся массовым социологическим образованием, с од-

ной стороны, с другой – изменением управленческих практик, что подразумевает более широкое использование цифровых технологий.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическую базу данной статьи составили работы отечественных и зарубежных авторов. Можно отметить новые тенденции в развитии социологии. «Прежде всего, существенно изменилось место социологии в жизни общества. Из чисто научной сферы и некоторых эмпирических исследований, которые обогащали в той или иной степени науку и частично практику, она шагнула, во-первых, в сферу управления (Тощенко, 2013: 24). В этой связи учёный полагает, что если в советское время социологические данные выступали в контексте идеологической работы, то в постсоветской России они приобрели, в основном, функцию использования их в решении политических проблем, о чём свидетельствует расширение опросов общественного мнения (Тощенко, 2013: 24).

Сейчас можно наблюдать интенсивный процесс перехода к цифровому обществу. Такое общество требует соответствующих технологий, методов управления, но это ещё находится в стадии разработки. Вопросам «умного» управления посвящён ряд работ отечественных и зарубежных авторов. Так, в одной из статей Л. А. Василенко сделан вывод о том, что «современные официальные документы, регламентирующие процессы построения цифрового государства, не рассматривают цифровизацию как механизм, обеспечивающий гуманизацию и демократизацию отношений между властью и обществом». «Вопрос о гражданах как субъектах управления в процессах цифровизации не предусмотрен. Они выступают как клиенты и источник информации». В то же время «выявлены признаки субъекта управления у граждан в современной управленческой практике в части возможностей выражения своей позиции, признания необходимости совместных действий в сборе критической информации и

осуществлении контроля над выполнением принятых решений, присутствия некоторого партнерства при взаимодействии органов власти с общественностью». И что важно, цифровые сетевые платформы государства становятся основой сетевого взаимодействия граждан, бизнес-ассоциаций с государством в различных сферах общественной жизни, таким образом, начинается переход от концепции нового публичного управления к концепции управления публичными ценностями. Управление в таком цифровом обществе становится публичным, могут использоваться различные методы для распределения властных полномочий управления государственными ресурсами, а также разрешения возникающих проблем (Василенко, 2021: 6, 8).

Вместе с тем, возникают вопросы социальных последствий «цифровых преобразований и контроля», «подмене функций социально ориентированного управления функциями цифровой отчетности», поэтому необходим поворот от «цифрового регулирования» к «умному управлению» с опорой на участие, партнерство, координацию, «организацию горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу» (Тихонов, Богданов, 2020).

Ряд исследователей отмечают, что «сегодня концепция публичного управления претерпевает эволюцию в сторону идегосударства как цифровой платформы» (Зотов и др., 2021: 250). «Развитие информационных технологий позволяет по-новому трансформировать административные функции. Основная цель правительства платформы состоит в том, чтобы обеспечить основу для гражданских организаций для общения с правительством или участия в государстве посредством сотрудничества» (Chung, 2017).

В ряде работ рассматриваются вопросы электронного правительства, трансформации государственных услуг в сфере социального обеспечения (см. напр., Dawes, Gregg, 2004; DigitalGovernmentStrat-

egies, 2016). Таким образом, цифровые технологии, в том числе и в сфере управления, всё больше и больше проникают в ткань повседневной жизни граждан.

В этой связи необходимо переосмысление роли социологии. В настоящее время отмечается увеличение исследований в области цифровой социологии, как междисциплинарного направления. В частности, можно встретить точку зрения, согласно которой предметом цифровой социологии является изучение использования цифровых средств массовой информации в повседневной жизнедеятельности. Причем, подчеркивается, что специальные методы представлены анализом социальных сетей, и, что важно: информация, получаемая с помощью цифровых технологий, может распространяться на широкую аудиторию, что позволяет принимать социально-значимые управленческие решения (Полякова, 2021).

В настоящей работе рассматривается проблема изменения роли и миссии социологии в современном мире при принятии управленческих решений. Методической основой данной работы являются качественный анализ различных источников, в том числе, информации, получаемой с помощью социальных сетей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Управление цифровым обществом, как уже отмечалось, требует соответствующих технологий, методов управления. Меняются и средства получения социологической информации. С одной стороны, проведение опросов с использованием электронных средств значительно облегчает задачу социологам, упрощая процедуру, экономя средства на получение и обработку информации. Но, с другой стороны, развиваются альтернативные способы получения обратной связи при принятии тех или иных управленческих решений, например, «Активный гражданин» как систему электронных опросов, которая позиционируется московскими властями как инструмент прямой демократии. Среди главных задач данного проекта

– получение мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития Москвы. Но признать эту систему в качестве способа получения информации, на основе которой можно принимать управленческие решения, всё же рискованно. Во-первых, не все мнения эта система позволяет учесть в отличие, например, полноценного социологического исследования; во-вторых, сами вопросы сформулированы нередко так, как удобно заказчику. В результате происходит подмена учёта мнения людей некими данными, отражающими точку зрения части горожан. К тому же, здесь имеет место даже не учёт мнения, а скорее манипулирование сознанием граждан. Именно по этой причине существует довольно распространённая точка зрения, что эта система лишь имитирует активную деятельность. Недаром эту систему электронных опросов прозвали «фиктивным гражданином». В чём причина такого отношения к данным опросам?

Эта система начала работать с 21 мая 2014 года. Жители Москвы приняли участие в 580 онлайн-голосованиях, что было отражено в большом количестве комментариев, направленных на улучшения жизни города. По мнению Анастасии Раковой, «москвичи знают «Активного гражданина», многие доверяют этой системе, что позволяет повысить эффективность управления городом¹.

В апреле 2021 года число москвичей, пользователей этой системой, уже составило 5 млн человек. Казалось бы, прогресс налицо. Но важно проанализировать темы для обсуждения. Они таковы: начиная от высадки дерева во дворе до концепции парка, от организации автобусного маршрута до открытия целой линии метро. Значит и здесь всё в порядке, работает система обратной связи, что не может не нравиться горожанам.

Но оказывается, не всё так просто. Высказываются мнения, что «Активный

гражданин» представляет собой имитацию участия жителей в принимаемых управленческих решениях. И вместо «прямой демократии» подсовывается голосование по незначимым для жителей проблем. При этом важные вопросы, которые волнуют жителей, остаются вне поля зрения разработчиков данной системы учёта мнения. Поэтому некоторыми муниципальными депутатами делается вывод о том, что это просто бессмысленный механизм. В то время как следовало бы развивать местное самоуправление. Этот проект ругают и за имеющие место в отдельных случаях сомнительные формулировки вопросов. Это приводит к тому, что жители не могут повлиять на судьбу различных проектов, а результаты голосования по безальтернативным вариантам используются как «мнение большинства». Есть и случаи использования данного инструмента ради протаскивания через него нужного бизнесу и властям решения. Имели место случаи исчезновения результатов опросов. В номере № 12 (649) газеты «Южные горизонты» за 20-26 апреля 2015 года была опубликована заметка, в которой шла речь о том, что в Царицыне появится ещё одна зелёная зона. Эту территорию взяли облагородить москвичи, проголосовав за неё на портале «Активный гражданин». Но на сайте портала не удалось найти ни одного упоминания о проведении подобного опроса. В то же время значимые для москвичей темы опросы оказываются не в поле внимания².

Данная система электронных референдумов используется и для таких болезненных для москвичей вопросов, как благоустройство зелёных территорий. Например, на платформе «Активный гражданин» стартовало обсуждение тематики для семейных экопрогулок в природно-историческом парке «Битцевский лес». Об этом проинформировали 1 апреля 2022 года. В частности, в «ходе электронного голосования жителям столицы предстоит выбрать, какой

¹ Быть активным гражданином. URL: https://www.m24.ru/articles/svyaz/20052015/73786?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 20.05.22).

² Фиктивный гражданин. URL: <https://wek.ru/fiktivnyj-grazhdanin> (дата обращения: 04.06.22).

тематике будут посвящены экологические прогулки в «Битцевском лесу». Участникам голосования предложили на выбор три варианта ответов³. Но все ли обрадовались такому решению благоустройства Битцевского леса? При изучении данного вопроса автором был использован анализ социальных сетей. Так, в телеграмм-канале появилась группа жителей под названием «Сохраним Битцевский лес», число участников которой насчитывает более 1500 человек. Созданы Российское общественное движение (РОД) «Защита Битцевского леса», Народный контроль ООПТ «Битцевский лес». Когда начались подготовительные работы по благоустройству, каждый день появляются сведения о противостоянии жителей и тех, кто занимается разными работами в рамках проекта благоустройства. Жители выступают за сохранение статуса ООПТ данного зелёного массива, вместе с тем они опасаются лишения этого статуса, превращения леса в парк и возможной застройки данной территории. По накалу страстей ситуация напоминает такие случаи противостояния жителей с властями, как защита Троицкого леса, конфликт в Шиесе.

В социальной сети «ВКонтакте» имеется группа по защите Битцевского леса, которая насчитывает более 2000 тысячи человек. За что идёт борьба? По мнению защитников, без оформления каких-либо разрешительных документов происходит торопливое уничтожение уникального природного комплекса. Это не может не затрагивать интересы жителей районов, окружающих Битцевский лес. Защитники фиксируют нарушения, сообщают о них в полицию, в организации, касающиеся вопросов охраны окружающей среды. Создан общественный экологический контроль в целях реализации права каждого гражданина на благоприятную окружающую среду,

предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Защитники леса апеллируют при этом к российскому законодательству в области охраны окружающей среды, также Закону № 48 г. Москвы «Об особо охраняемых природных территориях в г. Москве».

Можно привести и другой пример. Был принят Закон города Москвы, основанный на градостроительном кодексе РФ от 25 июня 1997 г. № 21 «О консультативном опросе граждан в г. Москве». Был принят также Закон города Москвы от 25 июня 1997 года № 28-51 «О защите прав граждан при реализации градостроительных решений в городе Москве». Впоследствии были внесены поправки в Градостроительный кодекс РФ. Появились такие понятия, как Публичные слушания, а также так называемый девелопер, который должен выполнять функцию развития территории. На практике он нередко преследует собственные интересы, при этом мнения жителей игнорируются. В результате вместо развития территории происходит деградация окружающей среды, ухудшение экологической среды. В итоге реализация градостроительных решений на территории Москвы в последние годы сопровождается двумя параллельными процессами, когда, с одной стороны, появляется информация о достижениях в этой области, а, с другой стороны, можно наблюдать протесты жителей, категорически возражающих против навязанных «сверху» изменений привычной городской среды (Сорокина, 2018).

В других регионах России также можно наблюдать похожую ситуацию. В различных городах отмечаются протесты, в основе которых лежит конфликт интересов населения, органов власти, застройщиков по поводу реализации различных проектов, связанных с точечной застройкой. Очевидно, что вопрос должен решаться с уче-

³ Голосование о тематике для семейных прогулок в «Битцевском лесу» стартовало на «Активном гражданине». URL: [https://www.ugorizont.ru/2022/04/04/golosovanie-o-](https://www.ugorizont.ru/2022/04/04/golosovanie-o-tematike-dlya-semejnyh-progulok-v-bitcevskom-lesu-startovalo-na-aktivnom-grazhdanine/)

tematike-dlya-semejnyh-progulok-v-bitcevskom-lesu-startovalo-na-aktivnom-grazhdanine/ (дата обращения: 04.04.22).

том баланса интересов. Но в реальности, такого баланса нет, как нет и общественного согласия по поводу градостроительной политики. Корень проблем заключается в том, что принимаемые решения не учитывают в полной мере мнение людей, что иногда приводит к протестам. Но в целом можно отметить пассивность достаточно большого числа жителей, а это сказывается на проблематичности активного участия населения в принятии управленческих решений, к этому добавляется ещё отсутствие доступа к цифровым технологиям значительного числа людей. Это, в свою очередь, снижает участие населения в управлении цифровым обществом.

Рассмотренные кейсы свидетельствуют о том, что существует проблема отчуждения населения от различных проектов, которые напрямую затрагивают интересы людей, но последние не всегда оказываются услышанными. Это сужает пространство диалога представителей управленческих структур и населения. В этих ситуациях возрастает роль социологии, которая в настоящее время должна ориентироваться, в том числе, и на запросы гражданского общества, чтобы служить своему предназначению – быть полезной социуму, в том числе, выполняя одну из своих важнейших функций – просветительскую. Социолог в наше время не может не занимать гражданскую позицию. Роль социологии в данном случае заключается еще и в том, чтобы способствовать становлению и развитию гражданского самосознания, становлению субъектов управления, которых в настоящее время недостаточно, чтобы власть в спорных, конфликтных ситуациях прислушивалась к мнению жителей, а главное, не пыталась нарушать действующего законодательства, что имеет место в отдельных случаях. Именно поэтому автор разделяет позицию известного социолога Г. Е. Зборовского, который пишет о том, что «социология должна быть против не всякой власти, а только такой, которая противоречит гражданскому обществу, мешает его становлению» (Зборовский, 2014: 6).

По мнению В. И. Дудиной, «социология не столько отражает реальность, сколько соучаствует в её исполнении... В конечном счёте, выигрывает та область знания, которая производит больше реальностей за счёт укрепления и разветвления своих сетей. И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» (Дудина, 2013: 20).

В настоящее время всё более популярной становится обращение к публичной социологии. «Общение социолога с публикой в той или иной форме требует определённой смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. По нашему мнению, это – одна из разновидностей так называемой публичной социологии. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой в угоду заказчикам соответствующих исследований готовы пойти на фальсификации и искажение объективных данных» (Зборовский, 2014: 7).

Некоторые авторы именно в публичной социологии видят нацеленность на диалог с обществом, поскольку на собственном примере учит общество навыкам конструктивного взаимодействия. Именно такая социология даёт материал для размышлений о состоянии общества (Ершов, Кулапин, 2012: 120). Можно согласиться с авторами подобной точки зрения, но отчасти. Материал для размышлений может дать любое исследование в рамках различных социологий, но при условии грамотного профессионального его проведения и не ангажированное, тем более, со сфальсифицированными данными. Пример именно такого грамотного исследования и отношения к своей профессиональной деятельности демонстрирует А. В. Тихонов, под чьим руководством в течение многих лет проводились

исследования, проводимые Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН, и посвящённые теме отношения различных слоёв населения к органам власти и управления в стране.

В одной из своих работ А. В. Тихонов приводит результаты эмпирического исследования, в которой освещает проблему раскола между государством и обществом, несоответствия между ожиданиями общества и результатами государственной внешней и внутренней политики. Один из выводов состоит в том, что «причины низкой эффективности административных реформ в РФ носят системный характер, и что для решения возникших проблем требуется, прежде всего, учет специфики работы механизмов регулирования отношений между властью и обществом и по вертикали, и по горизонтали», для чего предлагается «модернизация самого «гражданского договора», т.е. пересмотра Конституции РФ» (Тихонов, 2019: 74).

Случается и так, что социологи становятся неудобны, неуютны властям на том или ином уровне. В качестве примера можно привести один кейс. В мае 2019 года жители не только Екатеринбурга, но и без преувеличения вся страна, наблюдала за противостоянием, связанным с недовольством горожан планами строительства храма в сквере в центре города. Социологи из Екатеринбурга помогли найти выход из конфликта, предложив провести общегородской опрос. Социологическое сообщество заняло профессионально грамотную позицию. Со стороны застройщика, и со стороны горожан были веские аргументы. Социологи работали и с той, и с другой позицией, проводили опросы населения. В той ситуации апелляция к социологическим данным была очень важна⁴. История со строительством храма в сквере закончилась

тем, что Городская дума Екатеринбургской области окончательно запретила это строительство. Большую роль между тем в этом сыграли массовые протесты жителей. Справедливо отмечено уральскими социологами, что «очень часто у людей, обладающих статусом и властью, возникает иллюзия, что они знают, как лучше. Это тоже способно усиливать недопонимание, напряженность и конфликтность» (Как социологи повлияли..., 2022).

В то же время в цифровом обществе будет усиливаться роль социологии в принятии решений. Но для этого должна осуществляться соответствующая подготовка профессионалов. Иначе говоря, необходимы изменения в учебные планы и программы подготовки социологов и они уже вносятся. Потому что, работа с информацией в социальных сетях, с «большими данными» (Bigdata) уже сейчас настоятельная необходимость. Это вопрос выживания самой профессии «социолога».

Но в силу разных причин: объективных и субъективных, – социология в целом для общества ассоциируется пока с изучением общественного по разным проблемам, и опросами, касающихся предвыборных рейтингов. Между тем, можно наблюдать, как мир претерпевает грандиозные перемены, повседневные практики и модели социальных взаимодействий стремительно уходят в прошлое, появляется много новых рисков и угроз, в том числе, связанных с цифровой трансформацией общества, воздействием пандемии коронавируса. Социология в этих условиях остерегается публичных дебатов, не выходит на авансцену общественной жизни. Может быть, потому, что мы сами, социологи, редко задумываемся о предназначении социологии, её фундаментальной роли в современном мире? А ведь социология и создавалась для того, чтобы служить социальному прогрессу.

⁴ Как социологи повлияли на историю со сквером и ковидными ограничениями. Колонка преподавателя УрФУ о том, почему он и его коллеги бывают неудобными для властей.

URL:
<https://www.e1.ru/text/education/2020/11/22/69547133/>
(дата обращения: 15.01.22).

Что же препятствует социологам выполнять свою миссию и роль в современном мире? К числу основных причин можно отнести следующие: 1) использование социологического инструментария властными элитами, представителями бизнеса в целях решения задач, наносящих ущерб интересам граждан, населению, отдельным социальным группам; 2) распространение новых инструментов обратной связи, выгодных не столько населению, сколько отдельным социальным группам, которые преследуют свой корыстный интерес; 3) состояние отечественной социологии; 4) снижение доверия к институтам; 5) Недостаточная социологическая грамотность, а зачастую, и полная безграмотность большей части населения, способствующая распространению стереотипов, предрассудков, предубеждений относительно роли социологии, её возможностей, а также её значимости в процессах функционирования и изменения общественных систем.

Что касается первой и второй причин, то в условиях сужения поля, на котором могут действовать гражданские институты, социологии нужно развивать новые методы исследования. Новые методы в цифровом обществе связаны с более широким использованием цифровых технологий, что сейчас и делается, но недостаточно. Онлайн-опросы получают широкое распространение, в меньшей мере анализируются социальные сети, потенциал анализа которых достаточно большой. Можно согласиться с авторами монографии в том, что «социальные сети являются источником реактивных данных для социолога. Это означает, что социальные сети накапливают «быструю», сиюминутную реактивную реакцию жителей на происходящие события, которые могут не быть зафиксированными в стандартных социологических опросах, которые имеют дело с устоявшимися, выверенными социальными предпочтениями и ментальными моделями респондентов» (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов, 2017: 270).

К этому можно добавить, такой анализ особенно важен в условиях быстро меняющейся реальности.

Третья причина: в постсоветское время предстояло произвести ревизию состояния отечественной социологии. В первую очередь было ликвидировано деление на марксистскую социологию и буржуазную социологию. Но в то же время обозначился раскол социологического сообщества, в основе которого было деление на условно два лагеря: патриотов и западников. В настоящее время он почти не ощущается, хотя можно зафиксировать ориентации на так называемые независимые исследования и «провластные». К сожалению, довольно распространённое мнение о том, что социология обслуживает интересы власти и представителей коммерческих структур, имеет под собой основание. И если в советский период социология вынуждена была обслуживать интересы власти, то с приходом рыночных отношений в постсоветский период наиболее предприимчивые социологи и те, кто к ним примкнул, не будучи специалистами в данной области, активно начали осваивать виды деятельности, связанные с продвижением тех или иных проектов в угоду представителям бизнеса, властных структур, как правило, с ними связанных.

Это что касается прикладной социологии. А как дело обстоит с теоретической социологией? И здесь мы можем наблюдать картину разрозненности социологических концепций. Между тем общество нуждается в адекватных теоретических конструкциях, дающих целостное представление о сути происходящих процессов, изменений.

Четвертая причина: снижение доверия к социальным институтам выразилось совсем недавно, к примеру, в движении так называемых антиваксеров. В Советском Союзе в условиях жёсткой цензуры и пропаганды, отсутствии свободы слова доверие к социальным институтам, власти было на довольно высоком уровне. Хотя в последние годы перед распадом Союза оно стало снижаться. Критичность, рациональность мышления не формировались как

одни из наиболее важных качеств личности. С приходом гласности, становлением демократических институтов, плюрализмом мнений появились альтернативные версии объяснения тех или иных событий, процессов, что расширяло кругозор людей и, казалось бы, должно способствовать рационализации мышления. На самом деле, сохраняется привычка либо принимать на веру получаемую информацию, либо не критически её отвергать.

Эта же привычка во многом сохраняется и в наши дни. По мере снижения жизненного уровня, обострения социальных проблем, большого разрыва между бедными и богатыми уровень доверия по отношению к социальным институтам снижается, сохраняется во многом обусловленный патерналистскими настроениями достаточно высокий уровень доверия в основном первому лицу государства. Отсюда недоверие к социологической информации в виде различных опросов.

Пятая причина: социологическая грамотность наших сограждан не просто желает лучшего. В массе своей наблюдается почти поголовная безграмотность в этой отрасли знания. Даже у тех из них, кто прослушал курс лекций по социологии в вузе. Сплошь и рядом можно встретить в Интернете различные высказывания на тему недоверия к социологическим опросам, в целом, негативного отношения к социологии как отрасли знания.

В этой связи призывы сократить число часов на социологию в вузах, а то и вовсе её убрать из учебных программ только усугубит ситуацию социологической грамотностью. К сожалению, нередко можно услышать из уст студентов, обучающихся по направлениям подготовки, не связанным с социологией, к которым принадлежат разные технические специальности, что социология не нужна «технарям». Это ставит перед преподавателями социологии в технических вузах проблему повышения качества обучения.

Заключение (Conclusions). Проанализировав предназначение социологии в

современном обществе, в условиях цифровизации всех сторон жизнедеятельности социума, можно сделать вывод о том, что социологическое знание не является востребованным в полной мере. Информация, получаемая посредством опросов общественного мнения, используется представителями власти и бизнеса нередко вопреки интересам различных групп населения, в качестве средства манипулирования общественным мнением при реализации различных проектов. Эти «социологи» наносят большой вред репутации социологической науке. Но и сами социологи, в той или иной степени предоставляя результаты социологических опросов, не всегда соблюдают профессиональную этику, что привело к необходимости принятия и соблюдения Этического кодекса социолога. Встречаются и ситуации, когда социологи становятся неудобны властям на том или ином уровне. Такого рода случаи не способствуют диалогу населения с представителями власти, бизнеса, становлению институтов гражданского общества. В этой связи возникают вопросы миссиосоциологии, которая в настоящее время должна ориентироваться, в том числе, и на запросы гражданского общества, чтобы служить своему предназначению – быть полезной социуму, выполняя одну из своих важнейших функций, а именно, просветительскую. Социолог в наше время не может не занимать гражданскую позицию. Всё больше востребованной становится публичная социология, перформативная социология. Именно эти два вида социологии активно участвуют в позитивных изменениях, в которых нуждается современное общество. В то же время можно выделить ряд препятствий выполнения социологами своей миссии и роли в современном мире. Важнейшим из них является состояние отечественной социологии. Если социологи в своей массе будут занимать позицию, которую академик Т. И. Заславская называла: «чего изволите?», её значение и востребованность в жизни социума будут снижаться. Миссия

социологии заключается в служении социуму; в решении социальных проблем, а не в их усугублении. Только в этой роли её значение в жизни общества может увеличиваться, тем самым, это будет способствовать освобождению от стереотипов, предрассудков относительно её полезности. В то же время в цифровом обществе будет усиливаться роль социологии в принятии решений. Но для этого должна осуществляться соответствующая подготовка профессионалов. Это важно, поскольку наблюдается в целом пассивность достаточно большого числа жителей, и в этой связи возникает проблема активного участия населения в принятии управленческих решений, к этому добавляется ещё отсутствие доступа к цифровым технологиям значительного числа людей.

Список литературы

Буланова М. Б. Социологическое образование в России: история и современность. М., 2011.

Василенко Л. А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 6-15.

Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 13-21.

Зборовский Г. Е. Социология и власть: как быть вместе, живя врозь? // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 5-13.

Зотов В. В., Захаров В. М., Сапрыка В. А. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2021. № 46 (3). С. 250-262.

Ершов А. Н., Кулапин А. П. Социология в современном мире // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 2. С. 118-121.

Полякова А. Г. Цифровая социология и исследование социальных механизмов в интернет-пространстве // Социодинамика. 2021. № 2. С. 51-64.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография]; отв. Ред. А. В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Сорокина Н. Д. Практика реализации градостроительных решений в различных регионах России / Социокультурные и социально-экономические факторы развития инновационных систем в регионах: Сб. Докладов участников XIV Всерос. науч. практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (15-17 октября 2018 г., Тула). Тула, 2018. С. 319-324.

Тихонов А. В. Раскол в современном российском обществе: общество vs власть // Философия науки / (Russ. J. Philos. Sci. 2019. № 62(8). С. 68-83.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Гуманитарий юга России. 2013. № 1. С. 23-36.

Шпак Л. Л. Миссия социологии в обществе // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 8. С. 305-311.

Chung Ch.-S. From Electronic Government to Platform Government // Journal of Platform Technology. 2017. 5 (3). P. 3-10.

Dawes S., Gregg V., Agouris P. 2004. Digital Government Research: Investigations at the Crossroads of Social and Information Science // Social Science Computer Review. 2004. 22 (1). P. 5-10.

Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study (2016), OECD.

References

Bulanova, M. B. (2011), *Sociological education in Russia: History and modernity*. Moscow, Russia. (In Russian)

Vasilenko, L. A. (2021), “Digital breakthrough: Will public administration be smart enough in a digital state and how smart the elite and citizens are”, *Digital Sociology*, 4 (3), 6-15. (In Russian)

Dudina, V. I. (2013), “The fictional crisis of sociology and the contours of a new epistemology”, *Sociology research*, (10), 13-21. (In Russian)

Zborovsky, G. E. (2014), "Sociology and power: how to be together while living apart?", *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2 (29), 5-13. (In Russian)

Zotov, V. V. and Zakharov, V. M. and Sapryka, V. A. (2021), "Digitalization of public administration: Electronic democracy vs electronic government", *NOMOTHETIKE: Philosophy. Sociology. Right*, 46 (3), 250-262. (In Russian)

Ershov, A.N. and Kulapin, A.P. (2012), "Sociology in the modern world", *Bulletin of Kazan Technological University*, (2), 118-121. (In Russian)

Polyakova, A. G. (2021), "Digital sociology and the study of social mechanisms in the Internet space", *Sociodynamics*, (2), 51-64. (In Russian)

Russia: reforming the power-management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of regions, ed. by A. V. Tikhonov (2017), FNISTC RAS, Moscow, Russia, 432. (In Russian)

Sorokina, N. D. (2018), "The practice of implementing urban planning solutions in various regions of Russia", *Socio-cultural and socio-economic factors of the development of innovative systems in the regions: Collection of Reports of participants of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference on the program "Problems of socio-cultural evolution of Russia and its regions" (October 15-17, 2018, Tula)*, Tula, 2018, 319-324. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2019), "The split in modern Russian society: society vs power", *Philos. Sciences*, 62 (8), 68-83. (In Russian)

Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. (2020) "From «smart regulation» to «smart management»: the social problem of digitalization of feedbacks", *Sociological research*, 1, 74-81. (In Russian)

Toshchenko, J. T. (2013), "New trends in the development of Russian sociology",

Humanities of the South of Russia, 1, 23-36. (In Russian)

A fictitious citizen [Online], available at: <https://wek.ru/fiktivnyj-grazhdanin> (Accessed 04 June 2022). (In Russian)

Shpak, L. L. (2015), "The mission of sociology in society", *International scientific journal «Symbol of science»*, 8, 305-311. (In Russian)

Chung, Ch.-S. (2017), From Electronic Government to Platform Government. *Journal of Platform Technology*, 5 (3), 3-10.

Dawes, S., Gregg, V., Agouris, P. (2004), Digital Government Research: Investigations at the Crossroads of Social and Information Science, *Social Science Computer Review*, 2004, 22 (1), 5-10.

Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study. (2016), OECD.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 01 апреля 2022 г. Поступила после доработки 15 мая 2022 г. Принята к печати 25 июня 2022 г.

Received 01 April 2021. Revised 15 May 2022. Accepted 25 June 2022.

Сорокина Нина Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (НИУ), Москва, Россия.

Nina D. Sorokina, PhD in philosophical sciences, associate Professor of the Department of sociology, psychology and social management, Moscow aviation institute (National research university), Moscow, Russia.